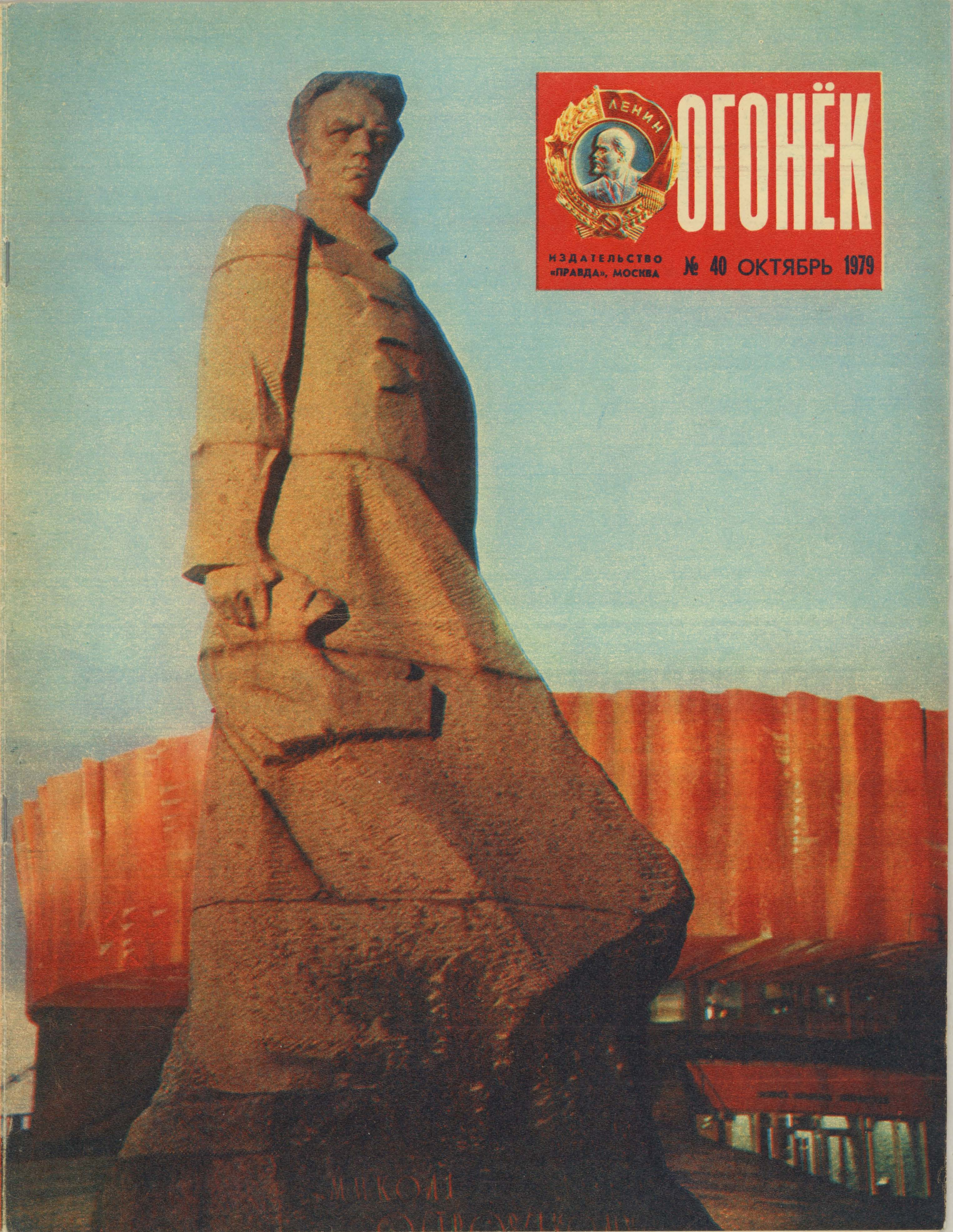

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 40 ОКТЯБРЬ 1979

21 сентября. На аэродроме в Днепропетровске во время встречи Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

ПРЕБЫВАНИЕ ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА В

21 сентября. Осмотр диорамы «Битва за Днепр».

Фото В. Мусаэльяна и В. Кузьмина (ТАСС)

21 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прибыл в Днепропетровск. В аэропорту его встречали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, первый секретарь Днепропетровского обкома партии Е. В. Качаловский, первый секретарь горкома партии В. П. Ошко, члены бюро обкома партии, представители трудящихся.

Л. И. Брежнев возложил цветы к памятнику В. И. Ленину и совершил поездку по городу. Он ознакомился с рядом промышленных объектов, посетил новые жилые районы, Исторический музей, где осмотрел диораму «Битва за Днепр». Его горячо и сердечно приветствовали жители Днепропетровска.

В этот же день состоялась встреча товарища Л. И. Брежнева с членами бюро обкома и горкома партии, представителями партийного и советского актива. Во встрече участвовали тов. В. В. Щербицкий, первый секретарь Запорожского обкома партии М. Н. Всеволожский.

На встрече выступил Л. И. Брежнев.

Товарищ Л. И. Брежнев, в частности, отметил, что область вносит значительный вклад в осуществление программ партии по развитию промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Каждый год здесь осваивается почти 2 миллиарда рублей капиталовложений.

Первый секретарь Днепропетровского обкома КП Украины Е. В. Качаловский заверил Центральный Комитет КПСС и лично товарища Л. И. Брежнева, что коммунисты, все трудящиеся Днепропетровщины не пожалеют сил и

энергии для решения задач, которые ставятся партией перед советским народом.

Председатель исполкома горсовета И. А. Лях вручил Леониду Ильичу Брежневу свидетельство почетного гражданина Днепропетровска.

На следующий день товарищ Л. И. Брежнев посетил Днепродзержинск. Тысячи жителей города на улицах и площадях радушно приветствовали дорогого гостя.

Л. И. Брежнев осмотрел памятные места города, значительные сооружения последних лет, побывал в индустриальном институте.

Пионеры вручили Леониду Ильичу букеты цветов.

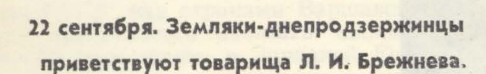
Л. И. Брежнев побывал на Днепровском металлургическом заводе имени Дзержинского, на котором работал ряд лет. Он посетил осепрокатный цех, осмотрел строительство кислородно-конверторного цеха. Леонид Ильич беседовал с рабочими, мастерами, инженерами, ветеранами завода, с которыми работал здесь в тридцатые годы, руководителями предприятия, расспрашивал о ходе выполнения производственных планов, совершенствовании технической оснащенности, переменах в условиях труда и жизни коллектива. Л. И. Брежнев тепло вспоминал, с каким энтузиазмом трудился коллектив Дзержинки в предвоенные годы, как энергично и самоотверженно велось восстановление завода и города после войны. Он интересовался, какая забота проявляется о ветеранах труда.

Л. И. Брежнев от души пожелал металлургам больших успехов во всех их делах.

Вместе с Л. И. Брежневым при посещении Днепродзержинска были член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, первые секретари Днепропетровского и Запорожского обкомов партии Е. В. Качаловский и М. Н. Всеволожский, первый секретарь Днепродзержинского горкома партии А. Ф. Гордиенко.

22 сентября товарищ Л. И. Брежнев отбыл из Днепропетровска. В тот же день товарищ Л. И. Брежнев прибыл в Москву.

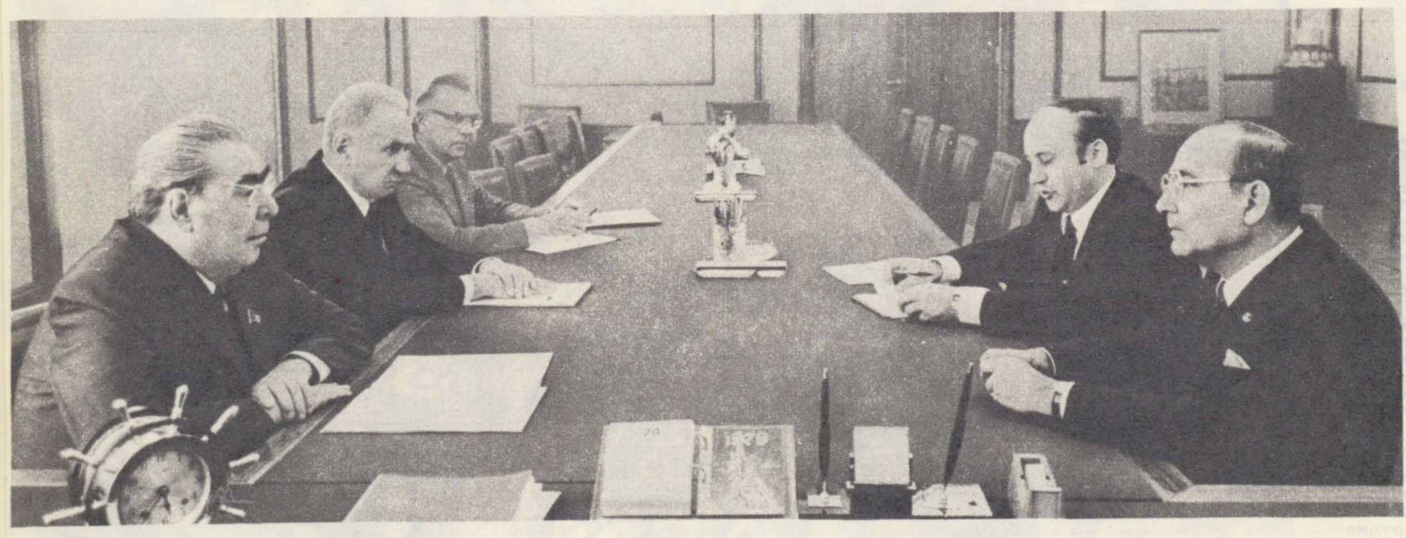

22 сентября. Земляки-днепродзержинцы приветствуют товарища Л. И. Брежнева.

ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ И ДНЕПРОДЗЕРЖИНСКЕ

22 сентября. Посещение завода имени Дзержинского в Днепродзержинске.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

Во время беседы.

По приглашению Советского правительства с официальным визитом 20 сентября в Москву прибыл Премьер-Министр Малайзии Датук Хуссейн Онн.

20 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин приняли в Кремле Премьер-Министра Малайзии Х. Онна.

Во время дружественной беседы имел место обмен мнениями о состоянии советско-малайзийских отношений и перспективах их развития в различных областях. Было высказано взаимное стремление идти по пути дальнейшего расширения и углубления этих отношений на основе равноправия, взаимного уважения интересов народов обеих стран, сотрудничества в деле укрепления всеобщего мира.

На беседе присутствовал референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

21 сентября в Кремле состоялись переговоры Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Премьер-Министром Малайзии Датук Хуссейном Онном.

22 сентября Премьер-Министр Малайзии Датук Хуссейн Онн отбыл из Москвы в Ташкент.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ПОСЕЩЕНИЕ ПОСОЛЬСТВА

25 сентября товарищи Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, К. В. Русаков, а также заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. С. Баркаускас, первый заместитель министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцев посетили посольство ЧССР в Москве в связи с кончиной выдающегося государственного, политического и военного деятеля Чехословакии товарища Людвика Свободы.

Минутой молчания они почтили память великого сына Чехословакии и большого друга Страны Советов, расписались в траурной книге соболезнований.

Советские руководители в посольстве Чехословацкой Социалистической Республики.

Фото ТАСС.

ОРДЕН ЛЕНИНА НА ЗНАМЕНИ ДОНЕЦКА

Во время вручения награды.

Телефото В. Зуфарова и В. Самохоцкого (ТАСС)

20 сентября в Донецке состоялось торжественное заседание городского комитета партии и городского Совета народных депутатов, посвященное вручению этому городу ордена Ленина. В празднично украшенном здании Государственного театра оперы и балета собрались члены обкома и горкома партии, депутаты областного и городского Советов народных депутатов, ветераны стахановского движения, передовики производства, деятели науки и культуры, представители общественных организаций.

Участники заседания с воодушевлением избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С речью выступил тепло встреченный собравшимися член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий.

По поручению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР В. В. Щербицкий горячо поздравил участников торжественного заседания, всех трудящихся города и области с высшей наградой Родины.

— Награждение города Донецка орденом Ленина,— сказал, в частности, В. В. Щербицкий,— это значительное событие в жизни республики, всей нашей страны. В этом мы видим всенародное признание, достойную оценку революционных заслуг, героических дел и свершений трудящихся Донецка, их самоотверженного труда во славу нашей великой социалистической Родины.

В. В. Щербицкий огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Донецка орденом Ленина и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени города.

На заседании выступили первый секретарь Донецкого горкома партии В. П. Миронов, начальник участка шахты «Трудовская» дважды Герой Социалистического Труда И. И. Стрельченко, прядильщица Донецкого хлопчатобумажного комбината имени XXV съезда КПСС В. А. Павлова, первый секретарь Донецкого горкома комсомола В. М. Кабанов, первый секретарь Марьинского райкома партии П. Л. Сорокотяга, ветеран партии Н. Д. Прокущенко, ректор Донецкого государственного университета Г. Я. Пономаренко, первый секретарь Донецкого обкома партии Б. В. Качура.

Участники торжественного заседания с большим подъемом приняли приветственное письмо товарищу Л. И. Брежневу.

НАПЕРЕКОР ВРАГАМ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

Только что утвержденная повестка дня XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН да и сам ее ход — наглядное свидетельство того, что большинство государств разделяет тревогу социалистических стран в связи с лихорадочной активизацией происков противников мира и безопасности народов.

Открытие нынешней сессии совпало в этом году с сорокалетием начала второй мировой войны, унесшей 50 миллионов человеческих жизней.

Спасти человечество от бедствий новой войны — это благородная задача Организации Объединенных Наций, записанная в ее Уставе. Вот почему при всей сложности и многообразии вопросов, которые предстоит обсудить Генеральной Ассамблее, кардинальной проблемой, бесспорно, остается упрочение разрядки, немыслимое без разрядки военной, без прекращения гонки вооружений.

В нью-йоркской штаб-квартире ООН на Ист-Ривер в эти дни раздается немало слов западных представителей о готовности «внести вклад» в предотвращение кризисных ситуаций, «реагировать на новые дилеммы современного мира». Если бы эти слова подкреплялись делами, вязались с тем, что в действительности предпринимают натовские руководители...

К сожалению, американская администрация, предав забвению свои предвыборные обещания, взяла жесткий курс на форсирование военных ассигнований. Достаточно сказать, что на 1980 финансовый год Белый дом планирует бюджет Пентагона на беспрецедентном уровне — 141,2 миллиарда долларов. А сенат США, проявляя еще большее усердие перед военно-промышленным комплексом, принял решение о ежегодном увеличении американского военного бюджета на пять процентов, не считая «поправок» на инфляцию.

Эти агрессивные приготовления западная пропаганда пытается прикрыть дымовой завесой лживых обвинений о так называемой «советской военной угрозе». «Советский Союз, — утверждал 19 сентября министр обороны США Г. Браун, — это безусловно наш крупнейший и самый могучий соперник на международной арене. Это единственная страна, которая может поставить под угрозу само дальнейшее существование Соединенных Штатов и наших союзников в Европе, Азии и остальном мире».

Авторам подобных измышлений, конечно, хорошо известно, что наша страна никому не угрожает, что ей чуждо стремление к поискам односторонних военных преимуществ. Они хотели бы обмануть общественность Запада и оправдать стремление самих Соединенных Штатов добиться военного превосходства над СССР, над странами Варшавского Договора. Именно с этой целью Вашингтон намеревается навязать своим союзникам на декабрьской сессии совета НАТО размещение в Западной Европе новых американских ракет среднего радиуса действия в дополнение к уже развернутым в Европе восьми тысячам единиц американского ядерного оружия. Тот же Браун, кстати, признает, что планы НАТО призваны «превзойти достижения Варшавского Договора».

Чтобы подкрепить свои притязания на роль мирового жандарма, Пентагон формирует американский корпус «быстрого реагирования» для вооруженного вмешательства в дела суверенных развивающихся стран, создает все новые и новые базы в различных районах мира.

И все это помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский выдает за проявление «зрелой политики в сложном мире» и свидетельство «более конструктивного подхода США к изменениям в мире».

Другие государства придерживаются, однако, иного мнения насчет опасного внешнеполитического курса. В Западной Европе нарастают сомнения в способности и желании американского руководства проводить здравую последовательную и стабильную политику в международных делах, соблюдать свою верность обязательствам, взятым по соглашениям с другими странами. Эти сомнения высказываются открыто в связи с провокационной кампанией, развернутой в США вокруг присутствия на Кубе советского военного персонала, который ни по численности, ни по функциям не представляет и не может представлять какую-либо угрозу для Соединенных Штатов и вот уже 17 лет по просьбе правительства Кубы выполняет единственную задачу — помогает укреплению обороноспособности Республики Куба.

Организаторы этой шумихи поставили перед собой неблаговидную цель искусственно осложнить советско-американские отношения, затруднить, а если удастся, и сорвать ратификацию американским сенатом Договора об ОСВ-2, который, между прочим, одинаково нужен как Советскому Союзу, так и Соединенным Штатам.

В этих сложных условиях народы вправе ожидать, что Организация Объединенных Наций своими конструктивными решениями поможет отразить наскоки противников разрядки, содействовать прекращению гонки вооружений и укреплению мира. Что касается Советского Союза, то он с неослабевающей энергией, терпением, решимостью продолжает добиваться этих целей.

XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предстоит рассмотреть целый ряд советских инициатив. Участники сессии обсудят важный вопрос «о недопустимости гегемонизма в международных отношениях», вопрос о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и новых систем такого оружия. Сессия подведет итоги осуществления Декларации об укреплении международной безопасности, направленной на устранение угрозы военных конфликтов. Будет продолжено обсуждение предложенных Советским Союзом мер по укреплению режима нераспространения ядерного оружия, проблемы укрепления гарантий безопасности неядерных государств, а также вопроса относительно заключения Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях.

Претворение в жизнь этих конструктивных предложений позволило бы переключить колоссальные средства, которые тратятся сейчас на гонку вооружений, на удовлетворение жизненных нужд и потребностей народов. Соотношение сил в мире сейчас таково, что, несмотря на все происки реакции и ее пособников, разрядка остается доминирующей тенденцией в международных отношениях.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

«Где же нам жить?» — этот вопрос застыл на лицах старых ливанцев, чей дом подвергся артиллерийскому обстрелу израильских агрессоров. В Ливане идет необъявленная война. Постоянные налеты израильской авиации и артобстрелы, безжалостные атаки командос, осуществляемые в любое время и в любом месте. Главными жертвами беспощадной войны являются дети, старики, женщины. Как заявил губернатор Южного Ливана Х. Фейяд, за период с марта 1978 года по настоящее время в результате наглых вооруженных провокаций Тель-Авива погибло более 300 мирных жителей, свыше тысячи получили ранения, около 200 тысяч ливанцев остались без крова. Израильская авиация превратила в руины многие южноливанские города и деревни, особенно пострадали Тир, Сайда, Набатия и лагеря палестинских беженцев. Полностью разрушено более 7 тысяч жилых домов, еще 15 тысяч зданий серьезно повреждены и покинуты жителями.

Силой стремится Израиль заставить арабские народы принять его условия капитуляции. Силой Тель-Авив пытается подавить палестинское движение сопротивления, силой хочет перекроить карту Ближнего Востока, оставить за собой навечно незаконно захваченные арабские земли, силой лишает земли арабских крестьян. По последним сообщениям, израильские власти объявили о конфискации еще 1500 гектаров земель, принадлежащих жителям деревни Дейр-Истия, расположенной неподалеку от города Наблуса на оккупированном Западном берегу реки Иордан. Тель-Авив планирует здесь создать новое военизированное поселение, лишив при этом крова более 4 тысяч арабов.

Накаляя обстановку на Ближнем Востоке, усиливая эскалацию против суверенного Ливана, израильские власти преследуют определенные цели. И прежде всего — помешать справедливому всеобъемлющему ближневосточному урегулированию и тем самым увековечить свое господство на оккупированных в 1967 году арабских землях.

В. ДУНАЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 40 (2725)

1 ОКТЯБРЯ 1979

ЭСТАФЕТА ДРУ

ОБЗОР ПИСЕМ НА КОНКУРС «ТОВАРИЩ СЭВ»

Письмо пришло из Атлантики. «Ведем промысел в юго-восточной части Атлантического океана,— рассказывает механик-дизелист Леонид Лушпай.— Сегодня доставили почту, и в «Огоньке» я узнал про конкурс «Товарищ СЭВ». Вдали от родного берега особенно ценишь локоть друга. Рядом с нами работают суда Болгарии, Кубы, Польши, Румынии. Мои друзья — механики Кимон Драгоев и Григорий Филипов с болгарских траулеров «Пингвин» и «Сокол». Экипажи болгарских судов берут топливо и воду на советских транспортных кораблях, а мы сдаем продукцию на их рефрижераторные суда».

Норильск, поселок Кара-Кала в Туркмении, Ленинград, село Муртули в Азербайджане, Комсомольск-на-Амуре, белорусская деревня Сафарово... Сотни конвертов с пометкой «На конкурс «Товарищ СЭВ» — от ветеранов труда и студентов, рабочих и врачей, колхозников и инженеров. Что побудило читателей взяться за перо? Ответ почти в каждом из писем.

«СЭВ действительно стал нашим добрым товарищем. Он вошел в каждый дом, в жизнь каждой советской семьи. Чтобы убедиться в этом, достаточно оглянуться вокруг,— написала инженер-технолог из Миргорода Л. Горина.— Например, наш Миргородский завод минеральных вод построен с помощью ГДР. В цехах автоматические линии из Чехословакии и электроаппаратура из Польши, на складах несут службу болгарские электрокары. В комнатах отдыха — румынская мебель. На завод я езжу в венгерском «Икарусе», а живу в чудесном доме, построенном по чехословацкому проекту».

Кому не знакомы такие названия, как Оренбург, Усть-Илимск, Киембай! Это символы социалистической экономической интеграции, о них написаны книги. Немало страниц посвятили им и участники конкурса. Но сколько других адресов, где работает сегодня «товарищ СЭВ», назвали читатели! Почта эта еще раз свидетельствует, как широки и многообразны связи между нашими странами.

«Краснодарский край — побратим Бургасского округа Болгарии,— пишет механизатор В. Малашенко.— Часто в наш колхоз имени Жданова приезжают болгарские гости. Нас особенно интересует их опыт поливного земледелия. Рядом с колхозом Кубанская опытная станция, где собраны образцы семян со всего мира. С участием нашей чудесной пшеницы «Безостая-1» болгарские селекционеры вывели сорт «Юбилей», который занял первое место в международных испытаниях». «На полиграфическом комбинате в Калинине печатают книги по лицензиям братских стран»,— читаем в письме Н. Бобовниковой. «Наш сахарный завод получает сахар-сырец с Кубы и благодаря этому может работать почти круглый год»,— сообщает А. Колодин из Курганинска. «Ученые Белорусского и Йенского университетов подготовили практические рекомендации для народного предприятия «Карл-Цейс-Йена» и объединения «Интеграл» имени XXV съезда КПСС в Минске. Только с советской стороны годовой эффект составил больше миллиона рублей»,— пишет Г. Стасевич из Минской области. «Не проходит дня, чтобы мы, медики, не вспоминали добрым словом своих коллег из социалистических стран! Спасибо им за отличную аппаратуру и лекарства, за все то, что помогает нам беречь здоровье советских людей»,— говорят работники больницы из поселка Мирный Челябинской области.

Они строят Усть-Илимск. Советско-венгерская бригада заслуженного строителя РСФСР А. Д. Голощапова.
Фото В. БЕЛЫХ (из работы, присланной на конкурс «Товарищ СЭВ»).

30 лет назад родился Совет Экономической Взаимопомощи. Многим его история знакома не из газет и книг. «Помню, как в нашу страну из Польши шел каменный уголь. Я был тогда студентом в Ленинграде и выгружал из вагонов польский уголь»,— вспоминает В. Фролов из Петрозаводска. А вот с фотографии 1951 года улыбается молоденькая девушка. Это Валентина Григорьева, старшая аппаратчица из Кемерова, а рядом ее ученики, болгарские рабочие из Димитровграда. За тысячи верст от Кемерова живет сейчас болгарка с русским именем Валя — так в честь советской наставницы назвал свою дочь один из тех парней.

Первые камни в фундамент дружбы между нашими странами положило старшее поколение. Эстафета отцов продолжается. «Когда в 1949—1950 годах в Советский Союз стали поступать чехословацкие грузовики «Татра», один из них водил мой отец,— рассказывает Ю. Козлов из Ульяновска.— Он работал тогда на расширении Ульяновского автозавода, а сейчас возглавляет крупную автобазу, где есть мощные самосвалы с этой же маркой. Я работаю инженером в Государственном институте по проектированию предприятий текстильной промышленности. Сейчас готовим к выдаче чертежи для строительства ковровой фабрики в Монголии. Мы используем стандарты СЭВ: чертежи, выполненные по этим проектам, может читать представитель любой братской страны».

«Мой дед В. И. Щербаков был одним из руководителей строительства цементных заводов в Румынии, Польше, Монголии,— продолжает перекличку поколений Т. Иванцова из Челябинска.—Отец и мать участвовали в строительстве горных предприятий в Казахстане, руда с которых поставляется в ВНР, ГДР, ПНР, ЧССР. Отец — маркшейдер, по его поручению я веду переписку с предприятием «Карл-Цейс-Йена» в ГДР: заказываю проспекты, каталоги геодезических инструментов, которые помогают ему в работе».

С волнением читаются письма от бывших фронтовиков. На земле, свободу которой они отстояли, плодоносит сегодня дерево дружбы. «Живу далеко, на Камчатке, и не встречаю здесь посланцев братских стран, но внимательно слежу за их успехами и всегда радуюсь им, как своим»,— написал инженер-металлург из Петропавловска-Камчатского И. Н. Велиев... Низкий поклон и вам, Нина Алексеевна Ермилова, бывший офицер связи, а ныне преподаватель технического училища в поселке Запрудня Московской области. Вы дошли с боями до Германии и Польши, а теперь в этих странах на стройках дружбы работают ваши ученики. Инвалид войны П. Д. Мельброд из Донецкой области прислал пять альбомов с рассказом о достижениях стран социализма. «Страны СЭВ,— с гордостью пишет он,— производят почти треть мировой промышленной продукции. Их индустриальная мощь больше, чем у США, чем у государств Западной Европы, вместе взятых!»

Да, СЭВ сегодня — самая динамичная экономическая сила на планете. СЭВ сегодня — крупные совместные стройки и космические полеты. Но прежде всего это многомиллионный союз людей труда. Обмениваются опытом, радуются успехам партнера строители Львова и венгерского города Печ, текстильщики Еревана и польского Хожува, металлурги Волгограда и Остравы... В интернациональном общении рождается чувство личной сопричастности к делам друг друга. Вот письмо от О. И. Ивлевой из Чирчика. Восемь лет она работала в ОТК трансформаторного завода и называет адреса, куда идет отсюда оборудование: комбинат в Кремиковцах, Болгария, завод комбайнов на Кубе, комбинат «Эрдэнэт» в Монголии, металлургический гигант народной Польши — «Катовице», цементный завод в Бимшоне, Вьетнам, металлургический завод в Решице, Румыния. «Я не была ни в одной из этих стран,— пишет она,— но порой мне кажется, что я знаю их географию лучше своей. Да и так ли они далеко от меня?! От результатов нашего труда зависит радость многих, пусть незнакомых нам людей, и поэтому мы стараемся работать на совесть». Задачи, которые сообща решают наши страны, вошли не только в государственные планы, они вошли в сознание людей, стали делом каждого. И в этом, пожалуй, тоже один из главных итогов 30-летней истории СЭВ.

Тесные деловые контакты перерастают в личную дружбу. Письма, в которых самые теплые, самые сердечные строчки посвящены друзьям из братских стран,— убедительный ответ тем, кто хотел бы вбить клин в содружество социалистических государств. «Пусть непохожи наши языки и обычаи, пусть нас разделяют тысячи километров, есть другое высшее сходство людей — их убеждения. И в этом мы едины навеки»,— так написала Н. Жигунова из Ворошиловграда.

А из другого конверта выпала страничка школьной тетради, заполненная старательной детской рукой. Вместе со своей работой это письмо прислала Светлана Дружченко из Братска: «Хочу рассказать об одной болгарской семье из Свиштова. Это супруги Иван и Пенка Ивановы и их дети Красимира и Евгений. Я очень

люблю эту семью, мы дружим уже много лет. Будущим летом они собираются к нам в Братск, я их очень жду, особенно Красю, она закончила с отличием первый класс и теперь пишет мне тоже — приходится учить болгарский, чтобы ей отвечать. Посылаю вам первое письмо от Краси, оно мне очень дорого, но я хочу, чтобы вы тоже увидели, как красиво пишет моя Красимира!»

Дружат бригады, предприятия, города. Уже привычными стали поезда дружбы. И везут они теперь не только туристов, а соперников по соревнованию, коллег. «В программу поезда дружбы, пассажирами которого были чувашские хмелеводы, входило изучение опыта ЧССР в этой области,— рассказывает А. Андреева из Чебоксар.— Чехословакия производит много хмеля, отличные хмелеуборочные комбайны. А на долю Чувашии приходится пятая часть производства хмеля в РСФСР. Моим землякам было на что посмотреть и самим о чем рассказать!»

На большинство вопросов, которые мы задали читателям, ответы правильные. Мы получили толстые альбомы, снабженные множеством фотографий и газетных вырезок, например, работы А. Найденовой из Саратова, Т. Бульонковой из Красноярска, З. Гладыревой из Подмосковья. Большой красивый альбом пришел из Уральска Казахской ССР от А. Кастыриной, электромонтажницы управления «Оренбурггазпром». А в нем летопись сооружения газопровода «Союз». «Наш оренбургский газ уже работает в странах СЭВ,— пишет автор,— поэтому считаю себя коллегой всех тех, кто сооружал магистраль, и в своем альбоме постаралась запечатлеть их трудовой подвиг. Два месяца по вечерам сидела в библиотеке, просмотрела не одну тысячу газет и журналов. За успех переживали все мои знакомые». А порой почта конкурса приносила три коротких листка, заполненных по памяти в далеком селе, и они были для нас так же дороги.

Мы были очень рады узнать из почты конкурса, что многие работы написаны целыми семьями. Часто в конце стояла приписка: «помогала дочь Лена», «отвечал вместе с сыном Андреем». Немало писем и от самих ребят. «В нашей школе есть отделение Общества советско-польской дружбы,— сообщает 14-летний Антон Булулуков из Москвы. И добавляет: — Я мечтаю, когда вырасту, работать на одной из строек СЭВ!» Хочется поблагодарить учителей Л. М. Чернову из села Джалыково Калмыцкой АССР, А. С. Захарова из Кировабада, С. П. Попеляеву из Свердловской области и всех, кто рассказал нам о том, как они воспитывают новую смену. Эстафета продолжается!

Мы благодарим всех, кто принял участие в конкурсе, и называем сегодня его лауреатов. Но, как свидетельствуют сами читатели, в нем не было побежденных.

«Перечитала массу литературы и узнала много ценного для себя. Теперь, пожалуй, на любой вопрос о СЭВе отвечу не задумываясь,— пишет Т. Митяшева из поселка Каргаполье Курганской области. «Я работаю учителем в деревне и руковожу школьной лекторской группой. Конкурс дал мне толчок к разработке беседы о Совете Экономической Взаимопомощи. Большое вам спасибо за неожиданную подсказку!» (А. Андреева, Чувашская АССР). «Невозможно было не взяться за перо, чтобы ответить на все вопросы этого сложного и интересного конкурса,— написал военнослужащий И. Логунов из Семипалатинска.— Я рад, что в год 30-летия СЭВ смог принять личное участие в этом юбилее. Новых успехов тебе, товарищ СЭВ!»

Б. ЛАБУТИН

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА!

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — восьмидневное путешествие в Прагу и Берлин — присуждается Александре Михайловне НАЙДЕНОВОЙ, медсестре поликлиники № 10, Саратов;

ВТОРАЯ ПРЕМИЯ — поездка на Лейпцигскую ярмарку — присуждается Любови Васильевне УРЛАПОВОЙ, инженеру-гидротехнику управления «Краснодарводстрой», Краснодар;

ТРЕТЬЕЙ ПРЕМИЕЙ — поездкой в ЧССР на три дня — награждается Сергей Александрович УМАНЕЦ, помощник машиниста электровоза депо «Октябрь», поселок Казачья Лопань, Харьковской области.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗЫ присуждаются:

Т. БУЛЬОНКОВОЙ, плановику-экономисту, Красноярск; З. ГАЛИУЛЛИНОЙ, школьнице, пос. Уртааул, Ташкентской области; Л. И. ЗОТОВОЙ, инженеру-технологу, Тольятти; Х. ИЛЕМБЕТОВОЙ, учительнице, дер. Байдавлетово, Башкирской АССР; Ю. В. КОЗЛОВУ, инженеру-проектировщику, Ульяновск; КОЛЛЕКТИВУ МЕДРАБОТНИКОВ из поселка Мирный, Челябинской области, руководитель Р. С. Афанасьева; СЕМЬЕ КОТОВЫХ, Днепродзержинск; В. М. МАЛАШЕНКО, колхозному механизатору, хутор Тысячный, Краснодарского края; П. Д. МЕЛЬБРОДУ, ветерану войны, Торез, Донецкой области; В. М. ШЕРЕФЕДИНОВУ, Керчь.

К ЗИМЕ ГОТОВЫ

В Москве еще солнечная осень, деревья стоят зеленые, лишь коегде листва пожелтела. Правда, выпадают пасмурные, дождливые дни. Но вот в нашем жэке № 12 Ленинского района к холодам начали готовиться еще весной. Прошлая зима была суровая, и все недоделки сказались очень остро.

Наш микрорайон расположен в районе Комсомольского проспекта, Фрунзенской набережной. Дома красивые, добротные, но и они требуют постоянного внимания, постоянной заботы.

Уже в мае месяце начальник жэка Н. Ф. Челнонов, инженер В. В. Федичкина, техники-смотрители с блокнотом в руках обошли наши шестнадцать домов, записали все неполадки, наметили конкретный план мероприятий по сохранению тепла в зимних условиях, по ремонту тепловой сети, каждого жилого объекта. Работы начались в июле.

Что же сделано? Заменены участки теплотрассы на 3-й Фрунзенской улице, дом 14/37, на Комсомольском проспекте, дом 33/11, всего 130 метров. Проверены, отремонтированы, отрегулированы и сданы все бойлерные, тепловые узлы в домах 7-му району теплосети Мосэнерго, который снабжает нас теплом.

Во многих наших домах заново остеклены лестничные клетки, отремонтированы входные двери, подготовлены чердачные перекрытия. Проведены собрания жильцов, на которых обсуждались мероприятия по сохранению тепла в квартирах и на лестницах. В квартирах, в которых в прошлом году по заявлениям жильцов была температура ниже 18°, произведены промывки и замена батарей, отрегулированы краны. Тут надо сказать, что, к сожалению, были случаи, когда жильцы сами были повинны в нарушениях теплового режима. К примеру, в двух квартирах люди уехали на длительное время, оставив открытыми форточки. В результате замерзли батареи, лопнули трубы, произошли аварии. Поэтому мне кажется, что само население должно более бережно относиться к жилому фонду. Ведь в большинстве случаев стекла на лестницах и в квартирах бьются по вине жильцов.

Забота работников жэка проявилась и в том, что в двух домах — по Комсомольскому проспекту, 35, и Фрунзенской набережной, 40, — заасфальтированы, электрифицированы площадки под катки площадью по тысяче квадратных метров каждая. В других домах отремонтированы горки для катания детей на санках, заасфальтированы детские площадки.

Сделано, конечно, еще не все. В плане жэка — установка входных дверей нового образца с кодовыми замками, замена крылец, благоустройство дворовых территорий. Жэк № 12 обслуживает более двух тысяч квартир, в наших домах расположены детские, медицинские учреждения, поликлиники. И надо сделать все, чтобы людям было тепло. Вместе с тем необходимо, чтобы о бережном отношении к расходу топлива помнили не только работники жэка, но и сами жильцы. Наша парторганизация постарается сделать все, чтобы эта зима не встретила нас неожиданностями. Думаю, что в основном мы готовы к любым ее сюрпризам.

С. ЛУЗИН,
секретарь партбюро жэка-12 Ленинского района

Москва.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«Человек в саду»

Так называлось интервью с секретарем ВЦСПС А. В. Викторовым (см. «Огонек» № 9, 1979 год), посвященное проблемам коллективного садоводства. В редакцию поступило немало писем читателей. Военнослужащий Н. Н. Кононов, например, поставил вопрос о необходимости учитывать при предоставлении садовых участков интересы ветеранов Советской Армии.

Вот что сообщил на запрос нашего читателя Н. Н. Кононова заместитель заведующего жилищнобытовым отделом ВЦСПС А. И. Яковлев: «Вопросы о выделении земельных участков в коллективных садах ветеранам Советской Армии, ушедшим в отставку, в каждом конкретном случае и с учетом имеющихся возможностей решаются исполкомами местных Советов народных депутатов по месту их жительства.

Одновременно сообщаем, что Типовым уставом садоводческого (виноградарского) товарищества, действующим на территории Украинской ССР, где проживает ваша жена — член садоводческого товарищества, не предусмотрено лишение права пользования садовыми участками в коллективных садах лиц, ушедших с предприятия, учреждения, организации по состоянию здоровья».

«Поезда приходят и уходят, а...»

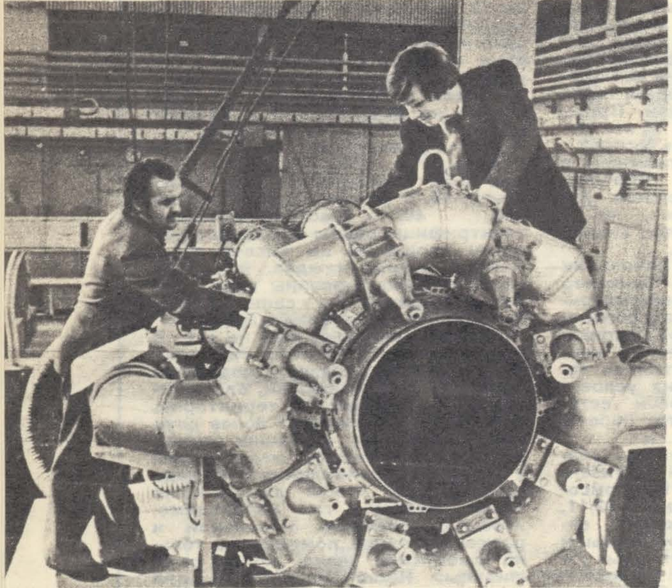
На опубликованную в № 20 «Огонька» за 1979 год статью под таким заголовком редакция получила ответ из Министерства путей сообщения СССР. Начальник Главного пассажирского управления В. С. Колпаков пишет, что статья рассмотрена в Главном пассажирском управлении, что вопросы, поднятые в ней, актуальны и своевременны. В целях повышения производительности труда билетных кассиров на железных дорогах внедряется новая форма комбинированных билетов. В Московском железнодорожном узле продажа билетов осуществляется через электронно-вычислительный комплекс «Экспресс-2». Ведутся разработки по внедрению «Экспресса-2» в других крупных узлах, в частности в Минске.

Ленинградское государственное союзное конструкторско-технологическое бюро счетных машин по заказу Главного пассажирского управления разрабатывает электронную билетопечатающую машину «Искра-307». Дороги оснащаются новыми электронными билетно-кассовыми машинами. Разрабатывается техническое задание на универсальную аппаратуру связи старших билетных кассиров дорожных и отделенческих бюро по распределению и использованию мест с билетными кассирами вокзалов и станций.

В целях улучшения организации предварительной продажи билетов и выезда пассажиров со станции Гомель в поездах № 187/188 Ленинград — Киев, № 325/326 Киев — Мурманск введены вагоны с переменным трафаретом со станции Гомель, в ряде поездов производится прицепка вагонов до этой станции. Начальнику пассажирской службы Белорусской железной дороги дано указание улучшить работу бюро по распределению и использованию мест в проходящих поездах.

Предложения пассажирской службы Белорусской железной дороги по совершенствованию организации продажи билетов на обратный выезд рассмотрены и на летний период. В виде эксперимента для белорусской дороги в поезде 37/38 Адлер — Минск выделяется постоянная максимальная норма мест, что позволит пассажиру в Минске и на других станциях дороги приобрести одновременно билеты туда и обратно.

Коллегия министерства дважды в этом году рассматривала вопросы организации пассажирских перевозок, повышения уровня обслуживания пассажиров на вокзалах и в поездах.

АЛМА-АТА

ЛАЗЕР-ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Его можно бы назвать еще кудесником или волшебником, но слова эти нынче как-то поистерлись; слишком уж много двадцатый век открыл чудесного, просто и естественно вошедшего в наше сознание. И все-таки рискну...

Вот вам опыт, который мне продемонстрировали на кафедре биофизики Казахского университета. Горсть семян пшеницы бросили в бункер, желоб которого пересекал на выходе тонкий красный луч лазера. На долю секунды мелькнули зерна под лучом и скатились в подставленный мешочек.

— Если теперь эти семена посеять, они дадут урожай примерно на пятнадцать процентов выше обычного,— пояснил профессор, доктор биофизических наук Виктор Михайлович Инюшин.

— Волшебство! — не удержался я.

— Нет, наука,— возразил Инюшин.— Облучение ускоряет биохимические процессы в клетках зерна, усиливает их физиологические реакции, потому что энергия луча подобна концентрированной солнечной. Озимые, например, выросшие из таких семян, перед тем как их укрыло снегом, содержат в узле кущения значительно больше сахара, корневая система у них более мощная, что очень важно для зимостойкости растений. Большой экономический эффект дает предпосевная обработка лучом лазера. При этом повышается содержание сахара и витаминов в плодах. Скажем, при наших масштабах свеклосеяния повышение сахаристости только на один процент позволило бы получать столько сахара, сколько можно его выработать из корнеплодов, посеянных на 220—250 тысячах гектаров...

— Находят ли ваши эксперименты практическое применение?

— Весьма широкое. Уже на ста двадцати тысячах гектаров казахстанской нивы проходит сев облученными семенами. Для этого созданы лазерные установки промышленного типа. Последние опыты мы проводили во Львовской области по льну, гороху, свекле, ячменю на десяти тысячах гектаров. И там результаты тоже хорошие.

Я смотрел на простенькую с виду лазерную установку, слушал рассказ профессора Инюшина о научных экспериментах, а из лаборатории вышел все-таки с убеждением: это — волшебство.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Фото автора

ПОДМОСКОВЬЕ

НАГРАДА КУРОРТУ «ДОРОХОВО»

В Подмосковье едва ли сыщешь место, где бы целебные силы природы, в том числе и целебная вода, были столь полезны для здоровья человека, как в Дорохове. Не случайно здесь, у слияния реки Москвы и Рузы, поднялись светлые корпуса курорта «Дорохово», призванного заботиться о людях с заболеваниями органов пищеварения.

Сюда съезжаются со всего Союза. Старшая медсестра, отличник здравоохранения Евгения Семеновна Головина, раскрывает журнал регистрации больных. Комсомольск-на-Амуре, Ленинград, Тикси, Ашхабад, Магадан, Калининград, БАМ — вот далеко не полный перечень «географии» одного осеннего заезда.

— Основное для коллектива нашей здравницы,— рассказывает главный врач санатория Валентин Анатольевич Алфионов,— это создание больным благоприятного морального климата. Ведь доброта и отзывчивость творят чудеса и порой врачуют не хуже, чем бальнеотерапия.

Заслуженный врач РСФСР, бывший фронтовик, кавалер многих боевых орденов Валентин Анатольевич Алфионов более десяти лет жизни отдал становлению и развитию знаменитой подмосковной здравницы. За это время в санатории втрое увеличилось количество мест. Причем не за счет комфорта и удобства тех, кто приехал поправлять свое здоровье, а благодаря продуманной планировке жилых корпусов и новому строительству. Исчезли в «Дорохове» неудобные многоместные палаты. Рядом с источником вырос современный лечебный корпус, столовая на 500 мест, курзал.

— Кстати, сегодня у нас большое торжество,— продолжает главный врач.— Будем чествовать четвертьмиллионного отдыхающего.

А недавно, к 60-летию со дня подписания В. И. Лениным в 1919 году декрета о передаче в собственность республики для использования в лечебных целях всех курортов и лечебных местностей, коллектив санатория «Дорохово» был награжден орденом «Знак Почета». Его главный врач тоже удостоен высокой правительственной награды — ордена Октябрьской Революции.

Виталий ЗАСЕЕВ

Главный врач курорта «Дорохово» В. Алфионов (в центре) вручает цветы четвертьмиллионному отдыхающему москвичу А. Коняхину.

Фото автора

ВИННИЦА

ДОБРОЙ СЛАВЕ — ПРОСТОРНАЯ ДОРОЖКА

Раньше говорили так: добрая-то слава, мол, на дорожке лежит, а худая — по дорожке бежит.

По иным законам строится сегодняшняя жизнь. Очень отчетливо ощущаешь это в селе Чечелевка, Гайсинского района, Винницкой области.

Председатель колхоза Василий Яковлевич Нетяжук, кавалер многих орденов, бессменно возглавляющий коллектив вот уже скоро тридцать лет, справедливо считает, что общее человеческое признание — самый лучший стимул в работе. Поэтому здесь чествуют передовиков труда, не откладывая доброе слово на завтра,— сразу же спасибо скажут, а то и споют, поздравляя механизаторов, доярок, свекловичниц...

В горячие дни уборки урожая нынешним летом посчастливилось мне увидеть, а потом и услышать, как прямо на поле хор-ланка, весело окруживший комбайнера Павло Мыкытовича Петренко, ежедневно перевыполняющего норму выработки, пел его любимые песни, да еще как пел!.. Вы спросите: а что такое «хор-ланка»? Очень славное это начинание как раз отсюда, из Чечелевки, и пошло. Однажды услышал Василий Яковлевич, как чудесно поют, работая на свекле, колхозницы — звено свекловичниц. Эти-то звенья и зовутся ланками. Остановился председатель, послушал это, будто бесхитростное, но такое слаженное, многоголосное пение, неповторимо радующее душу человеческую... И сказал:

—«Давайте-ка создадим постоянный хор — больно уж хороши песни вашей ланки». Так оно и пошло: появился колхозный хор-ланка. Теперь без него ни один праздник не обходится.

А праздники, пусть вот такие, быстрые, но звонкие и веселые, здесь часто случаются. В колхозе существует замечательная традиция: поздравлять колхозников еще и с днем рождения, и не только ветеранов или юбиляров, нет — каждый получит от правления колхоза красивую открытку и личное поздравление председателя.

— Как же вы всех запоминаете?

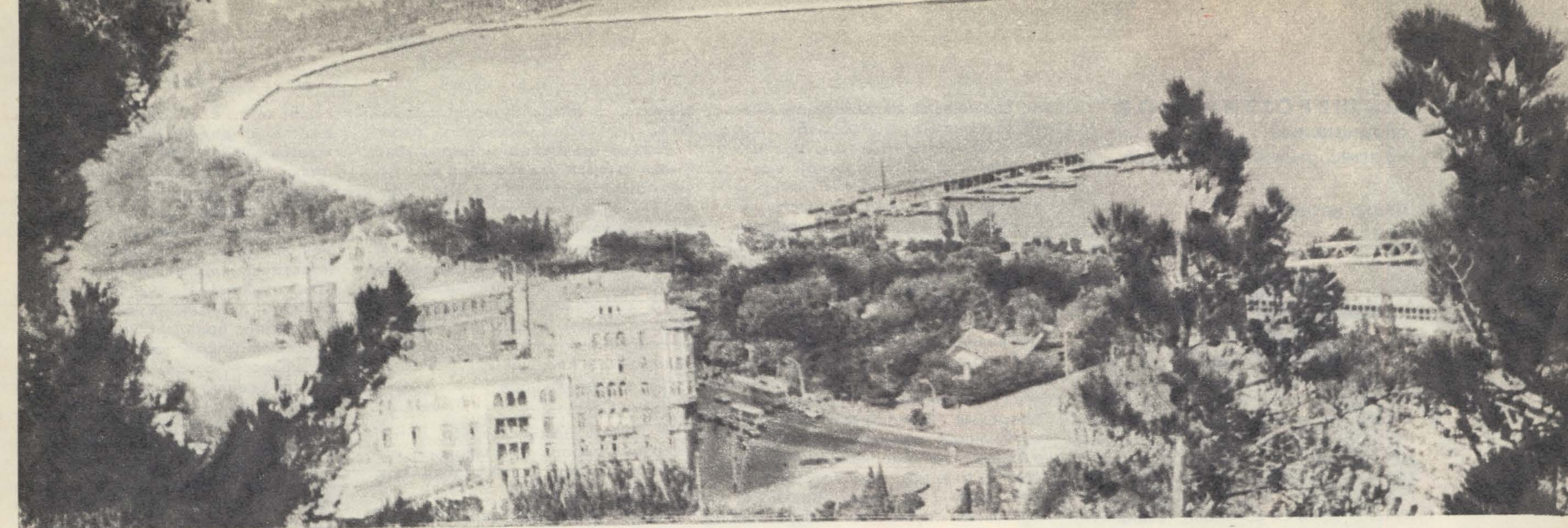
— Так ведь я тут не первый день,— ответил немногословный Василий Яковлевич,— вместе ведь работаем.

В Чечелевке давно и успешно существует своя колхозная киностудия. Возглавляет ее бухгалтер, энтузиаст, любитель искусства экрана Михаил Демидович Мищенко. Он привлек в студию школьников-старшеклассников, и они теперь тоже стремятся красочно отобразить окружающую их жизнь — показать замечательные трудовые успехи колхоза-миллионера и его работящих, славных людей.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Фото А. Гордиевича

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

Баку и Каспий.

АЗЕРБАЙДЖАН

Сюрприз Каспия

Множество тайн хранит Каспийское море, и что ни страница его биографии, то новая загадка. Историческая статистика свидетельствует: за последние пять веков Каспий потерял более восьми метров — только с 1900 года по 1977-й его уровень понизился на три с половиной метра.

И вот почти сенсационная новость, приятно поразившая всех, кто причастен к Каспию. Приборы-мариографы, регистрирующие уровень воды в море, зафиксировали его повышение в среднем на 46—49 сантиметров. Это произошло за шестнадцать месяцев. Повышение уровня вызвано увеличением поступления воды из Волги и Урала, а также значительным выпадением осадков и стабилизацией испарения поверхности моря.

Каспий начал расти? На этот вопрос сотрудники Азербайджанского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды отвечают утвердительно. Ссылаясь на прогнозы Гидрометцентра СССР, они полагают, что в ближайшие пять лет уровень воды в Каспии поднимется еще на двадцать сантиметров. Этому будет способствовать и другое чрезвычайно интересное обстоятельство. Ежегодно примерно шесть кубических километров каспийской воды безвозвратно поглощает «Черная пасть» — так переводится с туркменского название залива Кара-Богаз-Гол. Эта гигантская солонка, лежащая на три метра ниже уровня Каспия, нерационально транжирит морскую воду. Но скоро такому расточительству придет конец. Принято решение о строительстве плотины, которая перекроет залив, отсечет его от Каспия. Тенденция к повышению уровня воды получит новое развитие.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора

МОСКВА

ПТЕНЕЦ ЖИВЕТ В МЕТРО

В утренний час под сводами метро «Рижская» над головами спешащих на работу людей пролетели две птицы — стремительно пронеслись вслед за отгремевшим поездом и скрылись в тоннеле. Это были трясогузки, маленькие птички с длинными хвостами, в юрком полете так напоминающие рыбок. Птицы в метро? Такого еще не бывало! В тот же день я встретилась со специалистом по городским птицам — доцентом Московского государственного университета К. Н. Благосклоновым и попросила объяснить этот феномен.

— В Москве «прописано» более 150 видов различных птиц,— сказал он.— Многие из них стали «москвичами» совсем недавно, поменяв приволье полей и лесов на городские скверы. Все больше, например, остается на зимовку грачей и скворцов. Стриж, птица, две трети жизни проводящая в воздухе, строит свои гнезда под крышами высотных домов. А на земле, на незастроенных пустырях, в траве можно найти гнезда жаворонка. В зарослях больших парков нередко слышатся трели соловья. Приспосабливаясь к городу, птицы становятся невероятно изобретательными, порой выбирают места обитания, совсем непохожие на условия их естественного существования. Вороны гнездятся на многолюдных скверах, вблизи оживленных магистралей. Орнитологи знают случай, когда грачи устроили свои гнезда на стадионе — на металлических мачтах прожекторов... А где только не лепятся колонии ласточкиных гнезд! Скворцы же нередко селятся в скворечниках, стоящих на балконах, а синицы — в почтовых ящиках. Но рекорд поставили водоплавающие. Утка-кряква вывела птенцов под одним из центральных мостов. Эти утки уже обжили все московские пруды. Несколько раз кряква селилась даже в бассейне с фонтаном перед зданием Президиума Академии наук СССР — здесь для них поставили уютный домик. В пригородах же кряковые утки образуют огромные скопления, крупнейшее из них насчитывает около двух тысяч птиц.

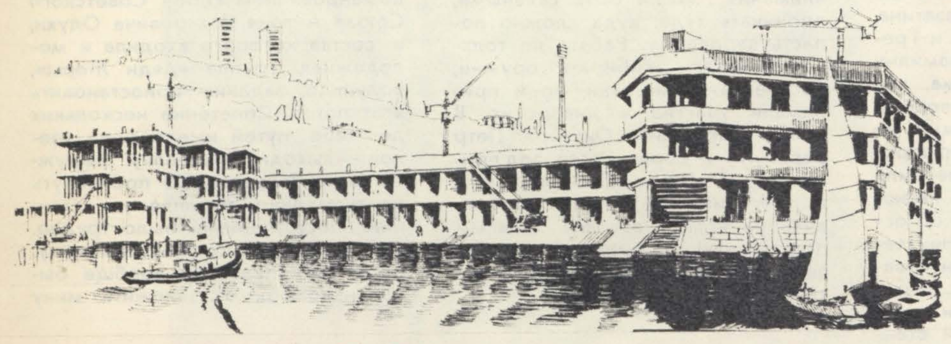
Совсем недавно семейство московских птиц пополнилось еще одной гостьей. Кольчатая горлица — знаменитость среди пернатых. Уроженка Малой Азии, она расселилась по странам Европы, перелетела через Карпаты, обжила города юга и юго-запада нашей страны. И вот долетела до Москвы. Этот маленький, изящный голубок изысканной коричневатой окраски с бархаткой на шее, воркующий протяжно и громко, уже встречается в московских парках.

Приживется ли горлица в Москве — покажет время. Ведь у птиц в городе много врагов. Но немало и друзей. И самый надежный друг — человек. А птицам так нужна дружба...

К. ФЕДОРОВА

Фото Б. Кузьмина

СОЧИ

ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА

В Сочи, на берегу Черного моря, развернулось строительство спортивного комплекса — специализированной учебно-тренировочной базы по парусному спорту. Здесь будут проходить тренировки спортсменов олимпийской сборной команды нашей страны, а также международные и всесоюзные соревнования яхтсменов.

Рисунок Н. Юрикова

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»

Фото автора

29 сентября исполняется 75 лет со дня рождения Николая Островского

«ДЛЯ ЭТОГО НУЖНА БРАТВА ОТВАЖНАЯ...»

— Вообще меня зовут не Жёра,— ответив на приветствие весело прошелестевшей стайки девчат-дружинниц, поясняет новый знакомый, с которым мы только что вышли из здания горкома партии,— Лаврентий Григорьевич. Но это длинно. Жёра лучше. Кра-си-во.— Он вскидывает руку непередаваемым кавказским жестом.

Красиво. Я как-то мысленно отвлекаюсь и не столько слушаю, сколько любуюсь удаляющимися фигурками, пятнами солнца, ложащимися сквозь листву на асфальт, ярким пламенем смальты, пылающим под солнцем. Алое с переливами кольцо здания музея лежит на черных пилонах. На волнах изваянных знамен играют блики, ложатся на брусчатку, сбегающие, сплачивали ряды борцов, многие отдавали в этой борьбе свои жизни. В марте 1920 года военно-полевой суд 13-й польской дивизии осудил 12 человек: пятерых на каторгу, семерых к расстрелу. Среди приговоренных к смерти была и юная Анна Нисензон. Смерть ее стала легендой. Вот запись рассказа очевидцев:

«Анна знала несколько языков и все время, пока ее вели к месту казни, на украинском, русском, польском языках пела революционные песни и бросала слова проклятия оккупантам. Озверелые белополяки истязали ее. Сначала стреляли по ногам, но Анна не умолкала, потом в живот — она все еще говорила и пела; потом в грудь. Казалось, свинцовые пули не могут ее убить. Белополяков охватила паника, и лишь тогда, когда в тело Анны впились десятки пуль, она мертвой повисла на веревках». Смерть Вали Бруздак в романе «Как закалялась сталь»—это история Анны Нисензон...

Казалось, в далекую историю ушли для Шепетовки тревожные дни борьбы, описанные Островским. Подросли другие поколения мальчишек, для которых война осталась лишь игрой, где обе акцента, а Жора будет прохаживаться по вагону — пусть за перегородкой слышат шаги. Через окно Миша выбрался на крышу и... тем же поездом приехал в Шепетовку. Он видел, как уводили друга, а потом узнал, что Жора попал в концентрационный лагерь. Пленных истязали, морили голодом, но молодой и крепкий организм бывшего спортсмена выдержал. Наконец, Жора, выдавший себя за медработника, попал в санитары похоронной команды...

По улице Ленина мы идем в сторону Славуты.

— Лагерь находился вот здесь, за этими заборами, умерших хоронили вот тут, левее, поближе к леску.

Как-то Жора на свой страх и риск предложил одному товарищу лечь среди трупов, чтобы вывезти его за территорию лагеря. Операция удалась. К тому времени среди военнопленных организовалась уже большая подпольная группа. Жора вошел в нее. Вскоре ему тоже удалось бежать.

Тогда-то и получил Жора документы на новую фамилию—Давитая — и с помощью Миши и друзей-подпольщиков устроился работать стрелочником на станцию.

...В хате, в которую мы зашли вместе с дядей Жорой, продолжается разговор о минувших днях. И возникает несколько странное ощущение: хозяин Петр Александрович Веремчук, известный машинист, недавно награжденный знаком «Почетный железнодорожник», вспоминая о былом, указывает на ориентиры, отлично видные из окна.

Уходили поезда с подвешенными магнитными минами, в буксы засыпался песок, перерезались кабели связи, была выведена из строя водокачка, горели склады, на улицах появлялись листовки за подписью «Корчагин». И во всех этих операциях участвовала молодежь, мальчишки, которым едва минуло шестнадцать, четырнадцать, двенадцать лет. Мы знаем юного шепетовца Валю Котика. Он прожил всего 14 лет, ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

И думаешь: а сколько же лет было самому Корчагину-Островскому, когда он сел на коня? Сколько лет было Гайдару, когда он командовал бойцами? Да, тоже четырнадцать-пятнадцать. Совсем дети? Нет, не дети, вполне сознательные бойцы. Они знали, на что идут, видели смерть, ги-

щую по холму к основанию памятника. Чуть раскрытая ветром шинель, прижатая к бедру буденовка, худое, напряженное лицо, глубокий, сосредоточенный взгляд... Его узнаешь сразу. Не только по обличью, но и по той внутренней цельности, которая жила в человеке с двумя именами. Николай Островский и Павел Корчагин...

Вот здесь, на перекрестке бывших Левандовской и Шоссейной, где теперь поднялся мемориал-музей Николая Островского, драные ботинки Павки взбивали пыль. Где-то у этих домов, вероятно, в самом переулке, носящем теперь имя Жухрая, молодой Корчагин освобождал своего старшего друга. Под высокими в полтора-два обхвата грушами до сей поры стоит дом, из которого молодой Островский уходил в большую и бурную жизнь...

И вспоминаются строки романа: «Хороши вечера на Украине летом в таких маленьких городишках-местечках, как Шепетовка, где середина — городок, а окраины крестьянские...

Воздух дрожит от густоты и запаха цветов. Глубоко в небе чуть-чуть поблескивают светлячками звезды, и голос слышен далеко-далеко...»

Но недолго жила Шепетовка той относительно спокойной жизнью. Революция, интервенция, гражданская война. Попеременно то немцы, то белополяки, то банды петлюровцев. С оружием в руках поднимались Павкины товарищи... стороны шли друг на друга с призывами «За Павку Корчагина!». Но настал 1941 год.

Дядя Жора — так звали руководителя молодежной группы партизан-корчагинцев, — высокий, стройный и абсолютно седой грузин, теперь уже навсегда осевший в Шепетовке, продолжает свой рассказ:

— И фамилия моя не Давитая, а Кухалейшвили. Но даже жена убедилась в этом только через несколько лет после войны, а многие и сейчас в городе меня зовут Давитая.

Итак, в 1941 году группа добровольцев была заброшена в район Шепетовки, чтобы установить связь с партизанами. Жоре и его товарищу Мише Кишмария было поручено в районе Казатина, Хмельницкого, Тернополя и Гречан разыскать врача по фамилии Михайлов. Подступала зима, все опаснее было продолжать поиски, не имея ни явок, ни знакомых, не зная местности. Друзья напоролись на гитлеровцев. Поверили или не поверили фашисты имеющимся у связных справкам об освобождении из тюрьмы? Неизвестно, только обоих бросили в вагон и повезли. В теплушке, перегороженной надвое, ехали схваченные друзья. За тонкой стенкой — конвоиры. Под потолком небольшое окошко. Через него можно бежать, но лишь одному, чтобы немцев не насторожила тишина за стенкой. Друзья решили: бежать должен Миша — он лучше знает русский язык и говорит без

Поиски Михайлова продолжались. Под разными предлогами Давитая посетил почти все больницы в округе. И, наконец, удача! Федор Михайлович Михайлов, бывший матрос-балтиец, член партии с 1917 года, был в то время главным врачом больницы в Славуте и руководителем подпольщиков. Вскоре он дал Жоре задание организовать молодежную корчагинскую группу. Подростки и сами не бездействовали: собирали оружие, патроны. Одна группа уже сложилась вокруг молодого железнодорожника Бориса Бияты. Росло подполье, крепло партизанское движение, и требовались новые группы. Мальчишки, не привлекающие к себе внимания, могли быть связными, проникать туда, куда сложно попасть взрослому. Ребята не только помогали собирать оружие, расклеивали листовки, но и принимали участие в диверсиях. В 25-ю годовщину Октября Петр Веремчук и Борис Васяк под прикрытием Б. Бияты, П. Вербицкого, М. Попелина и Б. Кипеня взобрались на крышу вокзала с алым полотнищем и вышитой на нем звездой... Над зданием появился советский флаг.

бель товарищей, но не бросали оружия, хотя вряд ли у кого повернулся бы язык их укорить, уйди они от борьбы...

С дядей Жорой, так звали его ребята-подпольщики, хотя самому-то «дяде» в то время было только двадцать три, поднимаемся на пешеходный мостик, проложенный над путями. С шумом проходят под нами маневровые тепловозы, грохочут грузовые составы. И, бесконечно змеясь, множась, переплетаясь, бегут стальные пути...

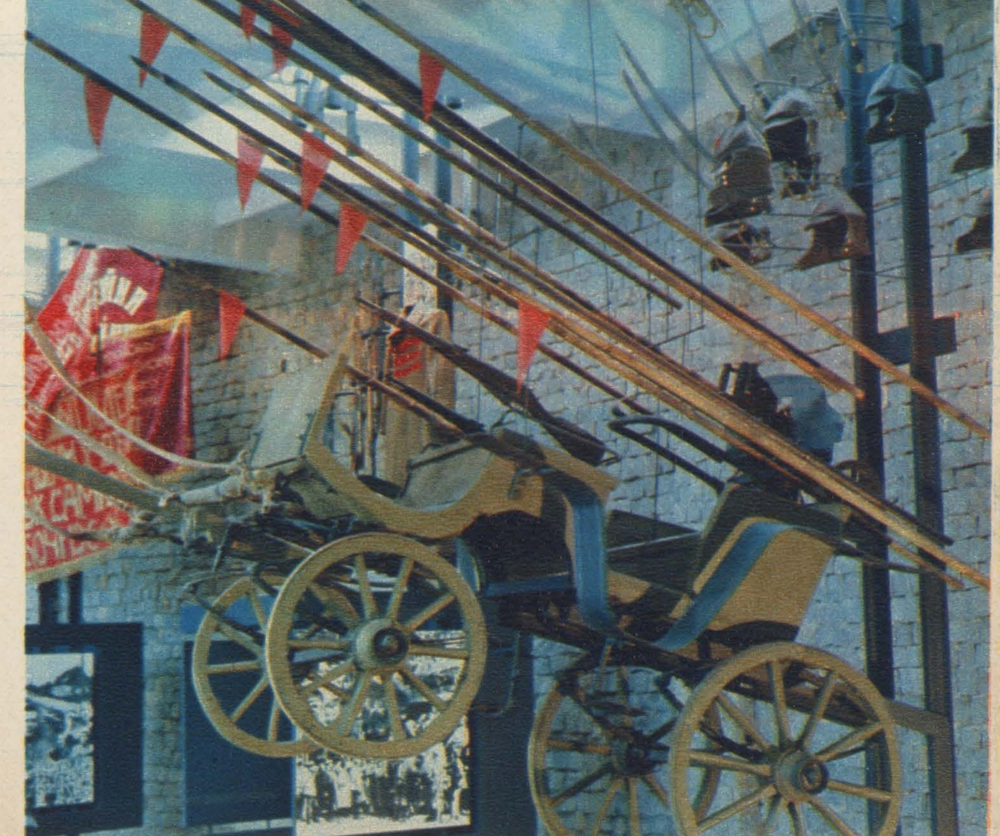
Тогда, в сорок третьем, по этим рельсам шли иные составы. Фашисты гнали к фронту пушки, танки, боеприпасы, живую силу. Партизанское соединение под командованием Героя Советского Союза Антона Захаровича Одухи, в состав которого входила и молодежная группа «дяди Жоры», получило задание приостановить этот поток. Сплетение нескольких десятков путей имело один узелок — выходную стрелку. Ее нужно было взорвать. Но проникнуть на тщательно охраняемую станцию постороннему было трудно. Да и не только постороннему, взрослому человеку вообще было невозможно заложить мину

●

Мария Григорьевна Ковальчук и «дядя Жора» — Лаврентий Григорьевич Кухалейшвили. ※ Клинок, буденовка и комсомольский билет — символы боевой юности сверстников Корчагина.

ОПАСНОСТИ!
КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 8144911

Вся власть
РУК САМИХ

под стрелку, которая находилась в полутора десятках метров от поста, и при этом не обратить на себя внимания. Это могли сделать только мальчишки.

...Среди добровольцев дядя Жора отобрал наиболее опытного Володю Ковальчука (он уже спалил склад с горючим) и его друга Васю Жука. Захватив жестянки с тавотом, ребята под видом смазчиков пошли по путям.

— Было это под Новый год около десяти вечера. Я стоял вот здесь,— говорит дядя Жора,— метрах в двадцати от стрелки, а подальше, налево, находились эшелоны с боеприпасами и несколько составов с эсэсовцами. Нам повезло: шел сильный снег. И темно — в двух шагах едва видно. Ребята незаметно подошли к стрелке, накинули белые халаты и быстренько установили мину. Вася отбежал, а Володя остановился. Мина должна была взорваться под первым же составом. И тут Ковальчук заметил, что идет маневровый паровоз. Только его колеса наехали на стрелку—взрыв подбросил махину, а Володю, не успевшего отбежать, оглушило взрывной волной. А тут как раз шли немцы в ресторан при станции, заметили Володю, закричали, схватили. Подбежала охрана, комендант. Стали бить:

— Скажи, кто заставил подложить мину?

Я рядом стою, но что могу сделать, если вокруг десятки фашистов, а у меня только пистолет.

— Ничего вам, собакам, не скажу,— ответил Володя.

Его избили, а потом пустили паровоз и сунули ноги Володи под колеса. Оттащили, облили ледяной водой, чтобы в сознание привести.

— Я вам, собакам, все равно ничего не скажу.

Комендант крикнул охранникам. Те подбежали к машине. сцедили в ведро бензин и облили Володю.

— Фойер! — крикнул комендант. Бросили спичку, Володя вспыхнул.

— Через пятнадцать минут все было кончено,— тихо сказал дядя Жора.— Вот здесь он и сгорел...

«НА ЭТОМ МЕСТЕ 31 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ПАЛАЧАМИ ЗВЕРСКИ ЗАМУЧЕН ЮНЫЙ ПАРТИЗАН ВОЛОДЯ КОВАЛЬЧУК»,— в скорбном молчании прочли мы надпись на плите...

— Останки Володеньки друзья вынесли через несколько дней — изверги и приблизиться никому не давали — и захоронили на кладбище...

Как удар набата, многократно усиленный громкоговорителем, раздался бой курантов. полилась торжественная и скорбная мелодия. Как будто что-то оборвалось в груди. У школьников, слушавших рассказ о Володином подвиге из уст его матери Марии Григорьевны Ковальчук, заострились лица, застыли глаза.

— Вот так вот, ребятки, и погиб мой сынок...

Мария Григорьевна привстала с плиты возле Вечного огня, потрепала по плечу мальчишку возле и, прижимая к груди цветы, пошла нелегкой походкой старой женщины...

Дух Корчагина, дух Островского, дух борьбы... Непреклонность и воля, несгибаемость и выдержка. И еще — большая любовь к жизни, какой бы тяжелой она ни оказалась.

Во множестве картонных папок хранятся письма. Письма, присланные в музей, отправленные из музея. Письма от людей корчагинской судьбы. Иные совсем старые. Полуистлела, пожелтела бумага, поблекли чернила. Читаешь даты: 1947, 49-й, 51-й годы... Видишь, как люди искали и находили себя, обретали веру в жизнь.

«В последних числах января 1943 года освободили Воронеж и вступили с боями в Курскую область. 2 февраля, во втором бою, в Курской области под станцией Горшечное мне довелось пережить страшную трагедию, в результате которой я стала инвалидом. Шел жаркий бой, в это время был ранен командир роты, я бросилась на помощь. И саму меня ранило в обе ноги разрывной пулей. С вражеской стороны послышался треск автоматов и нестройные крики — немцы шли в контратаку. Отползти я никуда не могла — ноги были перебиты. Решила притвориться мертвой. Один немец совсем близко подбежал ко мне. Пнул ногой в живот, а затем стал бить по голове. Больше я ничего не помню. На вторые сутки меня подобрала наша разведка. Руки и ноги обморожены, валенки набухли от крови, кожа на лице и голове разорвана, волосы запеклись кровью».

Мединструктора Зину Туснолобову доставили в госпиталь.

«Откуда-то появилась в палате книга «Как закалялась сталь». Я решила ее прочесть. В это время мне было еще очень тяжело читать. Лежала без движения. руки забинтованы. Вернее, у левой руки нет кисти, а правой нет выше локтевого сустава. Страницы книги перелистывала языком. Не скрою, что меня часто брало отчаяние. Но когда прочла книгу, мне стало стыдно... Я думала о Николае Островском. Какой замечательный человек! Ведь ему было неизмеримо труднее, а он духом не падал. Я преклоняюсь перед идеалом человека—Николаем Островским, я всегда помню его. Только он поставил меня на ноги, дал мне возможность перебороть все трудности...

Находясь в 1944 году в Москве, я научилась ходить на протезах, а ведь я полтора года была прикована к госпитальной койке. Там же я научилась писать обрубком правой руки...»

Сто двадцать три раненых вынесла с поля боя, спасла эта хрупкая девушка. Когда наши войска подошли к ее родному Полоцку, Зина обратилась к воинам через фронтовую газету:

«Дорогие мои! Пусть это письмо дойдет до сердца каждого. Его пишет человек, которого фашисты лишили всего: счастья, здоровья, молодости. Мне 23 года. Уже пятнадцать месяцев я лежу, прикованная к койке...» И в бой шли танки и поднимались самолеты, на бортах которых было написано: «За Зину Туснолобову, за девушку из Полоцка!» Зинаиде присвоили звание Героя Советского Союза. После войны вернулся домой ее муж, гвардии капитан Иосиф Марченко. Много воды с тех пор утекло. Давно уже выращены дети, Володя и Нина. Прожита большая жизнь...

В экспозиции музея выставлен небольшой портрет — легкий абрис Островского. Невозможно поверить, что он нарисован ногой. А это так...

Спасая ребенка, Вася Коробкин попал под поезд и потерял обе руки и ногу. Но он научился писать, бриться, натягивать на подрамник холст. Его приняли в Ташкентское художественное училище. Со времени несчастья уже прошло около четверти века. Василий создал много картин, участвовал во многих выставках. И никогда у зрителя не возникает мысли, что работы эти написаны не рукой!

«Я равен со всеми! — восклицает Василий Дмитриевич Коробкин.— И если судьба выжмет из меня все соки, я все равно буду тем, кем стал!»

Пермский писатель Анатолий Васильевич Осипов, долгие годы прикованный к постели из-за болезни позвоночника, тоже не потерял веры в жизнь. Он задумал и осуществил грандиозный замысел: рассказать о судьбах людей, которых вдохновил пример Островского. Он вел большую переписку, на его просьбы откликались люди из Франции и Вьетнама, из Чехословакии и Америки. И уже увидели свет несколько томов книги «Корчагинцы пяти континентов».

Письма и судьбы. Десятки судеб в этих папках. А сколько их, последователей Корчагина, остаются еще безвестными?

...Вместе с Николаем Трофимовичем Кравцом, заведующим отделом Шепетовского горкома партии, мы отправились в колхоз имени Орджоникидзе — там проходил районный конкурс молодых пахарей, лучшим из которых должны были вручаться корчагинские дипломы. На поле уже стояли готовые «к бою» машины, а ребята, нетерпеливо покуривая в кулак, выясняли очередность заходов. Пока не началось соревнование, решили проехать в соседние Ленковцы, родное село Николая Трофимовича. И я увидел лес, из которого весной 44-го выходили отец и сестры Николая. Увидел перекресток дорог, где были расстреляны они и их односельчане. Они были убиты отступавшей группой фашистов уже в самом конце оккупации... Потом мы задержались у дверей конторы колхоза имени Карла Маркса, где в очередной «молнии» подводились итоги жатвы: «Поднять флаг трудовой славы в честь Котика Григория Алексеевича». И тут раскрылась еще одна история.

...Метельным февральским днем 1970 года Григорий вел трактор с тележкой — возил навоз. Буран все усиливался. А старая машина барахлила. Мотор то и дело глох. «Чтоб тебя разорвало!» — незлобно поругивался Григорий, возясь с мотором и прихлопывая валенком о валенок. Некстати он их промочил, ох, как некстати. Ноги, давно примороженные, быстро стыли. Отчаявшись завести мотор, Григорий пошел домой. И слег: помороженные пальцы занялись гангреной. Девять месяцев пролежал он в больнице, перенес несколько операций, но спасти ноги не удалось. Девять месяцев в больнице, девять лет уже инвалид... Что-нибудь дома мастерит, пособляет жене по хозяйству. Уже и сын Юрка вытянулся, восемнадцатый год ему пошел. да и четверо помладше растут. И вот Григорий решился: попросил вместе с сыном комбайн. Дали. Две недели его выверял, отлаживал и вывел в поле. Пять тысяч двести центнеров уже намолотил в нынешнюю жатву Григорий Алексеевич, и сегодня в его честь на колхозном флагштоке алеет стяг.

...Величественный мемориал Островского возведен комсомольцами Шепетовки, Украины да и всей комсомолией страны. На строительство мемориала поступали средства от коллектива локомотивного депо имени Николая Островского станции Шепетовка, депо, в котором трудился когда-то Ф. Передрейчук, ставший прообразом большевика Жухрая. Поступали средства и от строителей БАМа, корчагинцы которого поют гимн:

От Боярки корчагинской сквозь годы
Лети, стальная молодость моя!

Архитекторы Н. А. Гусев, В. Н. Суслов, А. Ф. Игнащенко, художники А. В. Гайдамака, Л. В. Коваленко, И. Г. Скорупский воплотили мечту тех, кто считает себя продолжателем дела Островского.

...Вечером зажигаются прожекторы, и в их ярком свете кажутся бархатными знамена-стены, кольцом опоясавшие мемориал. В высоких окнах музея еще горит свет, но в залах уже пусто: только ночной дежурный и я. Еще раз окидываю взглядом всю экспозицию. Стремительно ниспадают рельсы, по которым мчатся вагонетки. Буденовка Корчагина и первый колхозный трактор, высоковольтные гирлянды изоляторов и легендарная тачанка. Над ней — буденовки и винтовки, они расположены так, словно мы видим мчащихся бойцов. Ушли из жизни Павка и Жухрай, но разве остановился полет тачанки? Может быть, и твое место в ней? Жители Шепетовки помнят своих земляков и берегут память о них. И подвиг не умирает. Уже в наши, мирные дни геройски погиб молодой солдат Николай Пяскорский. На земле Алжира он разминировал 12 тысяч мин из 12 миллионов, оставленных колонизаторами. Одна оказалась роковой. Но, даже зная наперед, что это может случиться, разве не пошел бы солдат и сын солдата, тоже минера, в свой нелегкий бой за землю алжирских крестьян? Разве не знал. на что он идет, партизан Володя Ковальчук? Разве не хотел жить Валя Котик? Жизнь у каждого одна. только цена ей бывает разная. Героизм не только в том, чтобы совершить подвиг, подчас героизм и в том, чтобы найти в себе силы жить. И не просто жить, а стать в ряды бойцов, закалить дух, превозмочь все и вся, победить себя, стать Человеком. «А для этого нужна братва отважная...» — вспоминается напутствие Жухрая Павке.

...Прижатая к бедру буденовка, прямая спина, глубокий взгляд. Это ему, своему духовному вожаку, человеку несгибаемой стойкости и воли, посвятил поэтические строки художник В. Д. Коробкин, о судьбе которого вы здесь прочли:

Расправив грудь,
Комсоргом поколенья
Взошел на пьедестал
И так застыл...

Музей Николая Островского в Шепетовке.

В КАКОЙ БЫ ДОМ Я НИ

С. ВЛАСОВ
Фото Г. ТЕЛЬНОВА

С раннего детства врач в нашем сознании — это человек, несущий надежду, творящий добро, забывающий о себе ради других. Потом мы узнаем: тот, кто привил себе палочки Коха, чтобы испытать действие туберкулезных бацилл на человеческий организм, был врачом.

Тот, кто отказался от лечения ранней стадии рака, чтобы на себе исследовать течение смертельной болезни, был врачом.

Способности к музыке ли, к математике, к поэтическому ли творчеству выявить в человеке бывает не так уж трудно — обычно они проявляются уже где-то в юношеском возрасте. А как распознать способность быть врачом, то есть способность жить для других, быть бескорыстным, чутким и самоотверженным? И как можно способность эту воспитать и развить?

Возле главного корпуса Львовского медицинского института стоит бронзовый памятник. Юноша с вырванным из груди и высоко поднятым над головой сердцем.

На пьедестале слова: «Бессмертной доблести врачей».

Спешат мимо памятника девчата и парни в белых халатах. Они войдут сейчас в лекционные залы, сядут за лабораторные столы. Их станут учить разным мудрым наукам, но не только — еще их станут учить доброте и человечности.

— Прежде чем идти к больному, спроси самого себя, готов ли ты отдать ему всего себя без остатка, готов ли служить ему до тех пор, пока не сделаешь все, что в твоих силах, и еще сверх того...

Так говорил, обращаясь к выпускникам института, его ректор Герой Социалистического Труда Михаил Васильевич Даниленко. Для него это не просто слова — всей своей жизнью он доказывает, что имеет право говорить так.

Более двадцати пяти тысяч операций сделал Михаил Васильевич.

...Нестерпимая жара. Над операционным столом — рой мух. Санитары отгоняют их, но все равно справиться не могут. Стекла старенького домика дребезжат от близких разрывов снарядов... Пять суток почти без сна, почти не выходя из операционной. Раненых выносили по грудь в воде, потом еще километры болотами.

Семь тысяч операций сделал хирург за годы войны...

Многие выпускники Львовского медицинского пронесли через всю свою жизнь факел большой любви к людям.

«Под ураганным огнем пулеметов и пушек в разгаре боя храбрая женщина-врач Клитина переползала с рубежа на рубеж, отыскивая раненых бойцов. На своих плечах она вынесла из огня 20 человек».

Так в августе 1941-го писала газета «Правда» о Софье Евгеньевне Клитиной. Войну она встретила недалеко от границы, одной из первых среди советских врачей была награждена орденом Ленина. Сегодня Софья Евгеньевна — доцент кафедры терапии.

Лучший урок, какой может дать учитель своему ученику, — это достойная жизнь. Не словами только, а личным примером воспитывай — истина старая, как мир. Рядом с такими замечательными людьми, как М. В. Даниленко и С. Е. Клитина — а таких в институте немало, — юношам трудно быть равнодушными, безучастными к судьбе ближнего.

Развитие высоких человеческих качеств в своих воспитанниках — традиция института. Еще одной прекрасной его традицией стало доверие. Доверие, которым облечена здесь молодежь.

Вот что рассказывает Михаил Васильевич Даниленко:

«Несколько лет назад перед нами возникла необходимость создания первого в западных областях Украины центра грудной хирургии, анестезиологии и реанимации. Мне по роду квалификации довелось возглавить это дело, емкое и во многом новое. С первых же дней существования центра мы привлекли к его работе наиболее талантливую молодежь. Многое ей пришлось начинать с азов, ибо фраза «операция на сердце» была зовом из будущего. Мы понимали, что в этой юной области медицины именно молодежь, не зараженная консерватизмом и скепсисом, выдвинет талантливых теоретиков и экспериментаторов.

Доверие наше вознаграждено. В этом нас убеждают судьбы многих. Вот характерный пример. Мирона Павлюка приметили еще студентом в научном кружке. Он поражал работоспособностью, неожиданностью и свежестью решений некоторых хирургических проблем. Почти для всех было ясно: останется на научной работе. Но Мирон после института уехал добывать себе опыт хирурга на далекую окраину. Годы спустя вернулся в институт, поступил в клиническую ординатуру.

Наука всегда возвращает к себе своих верноподданных. Ныне он доцент, за его плечами более двадцати рационализаторских предложений в области хирургии сердца. В нашем центре М. Павлюк усовершенствовал множество операций по электростимуляции сердца.

Это не случай, это норма.

Молодежь очень активно участвует в жизни нашего института. И это замечательно. В недавнем постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» есть строки, которые я считаю особенно ценными. Там сказано, что выработка активной жизненной позиции — важнейшая задача нравственного воспитания. Это поистине так. Кто может стать сегодня настоящим хозяином страны? Конечно, не пустослов и созерцатель, а человек, активно вмешивающийся в происходящее вокруг него, человек, не терпящий лжи, фальши, халтуры, обмана, не терпящий мелкого, суетного, недостойного, не боящийся выступить против подлости, хамства и лицемерия. Но в нашем сложном мире не всегда бывает так просто отличить черное от белого. Вот почему молодой человек, студент должен стремиться как можно больше знать, знать все на свете — политику, историю, искусство, литературу и, конечно же, свою специальность, особенно если он врач».

Да, в Львовском медицинском отлично понимают, что современному врачу необходимы знания — фундаментальные, глубокие, разносторонние — и новейшие. По подсчетам ученых, объем наших сведений о мире скоро будет удваиваться уже через каждые пять-шесть лет. Как раз время обучения студента в медицинском институте. Так что к моменту окончания вуза знания, полученные студентом на первых курсах, уже устареют. Для иного специалиста это окажется лишь помехой, для врача может обернуться бедой. Где же выход?

Львовяне, кажется, нашли его.

Они внедрили у себя в институте комплексную систему управления качеством подготовки специалистов. Она охватывает все без исключения стадии подготовки врачей — от приемных экзаменов до начала практической деятельности выпускников в больницах и клиниках.

Суть системы лучше всего пояснить на примере.

Курс лекций читают двое: почтенный профессор, который ведет его уже лет двадцать, и молодой доцент. Вероятно, качество лекций того и другого не одинаково. Не исключено, что профессор почивает на лаврах и далек от новых веяний в своей науке. А его молодой коллега, возможно, не успел еще хорошенько разобраться в каком-либо разделе курса. В том и другом случае страдают студенты, уровень их подготовки.

Что предусматривает система? Прежде всего четкий контроль за качеством преподавания. Несколько раз в течение учебного года преподаватели кафедр взаимно посещают лекции друг друга, а затем на заседании методической комиссии высказывают свои мнения, в присутствии самого лектора, конечно. Прослушивается магнитофонная запись лекции. На каждого преподавателя заведена личная папка с его характеристикой, планом его работы на год, с рецензиями и оценками его лекций и семинаров.

Разговор по душам. Доцент С. Е. Клитина среди студентов.

Операционная стала и студенческой аудиторией.

ВОШЕЛ...

Бывает, что и профессор получает тройку. Тогда ему вежливо напоминают, что на качество лекции существует определенный стандарт, в котором учтены и полнота охвата проблемы, и актуальность, и степень активного творческого соучастия студентов, и то, насколько широко лектор использует технические средства: схемы, слайды, кинофильмы...

Такие же стандарты в институте созданы на практические занятия, консультации, зачеты и экзамены, производственную практику, научно-исследовательскую работу — всего 39 стандартов. Специальные контрольные комиссии строго следят за выполнением этих нормативных требований.

Подобная система самоконтроля за качеством общеинститутской деятельности внедрена в медицинском вузе у нас впервые. Действует она немногим более года, но уже пользуется общим одобрением и преподавателей и студентов. Министр здравоохранения СССР Б. П. Петровский дал ей очень высокую оценку.

Но в институте не успокоились на сделанном. Буквально на днях должно выйти из печати второе, переработанное и дополненное издание коллективного труда, посвященного системе. Особенно интересен в нем раздел, касающийся выпускников. Обычно как бывает? Окончил человек вуз, идет на предприятие, а как он там работает, каким оказался специалистом, способен ли сразу принять на себя профессиональную ответственность или же несколько лет будет числиться в новичках,— как правило, об этом в институте могут только догадываться. Словом, выходит по пословице: подписано, и с плеч долой.

Во Львовском медицинском решили иначе. Здесь разработаны анкеты для выпускника и для того, кто на первых порах руководит его работой. Цель этих анкет — выяснить, что упущено в подготовке молодого специалиста, какими навыками и качествами он не обладает, какие способности у него не развиты. Присланные из разных мест, анкеты обрабатываются на факультете, замечания и пожелания учитываются, и необходимые коррективы вносятся в учебную программу.

Недалеко время, когда контроль за качеством подготовки врачей будет осуществляться в институте с помощью автоматизированной системы управления. Информация обо всей учебной и научной работе на факультете за день уже на следующее утро будет лежать на столе у декана. Первые шаги по внедрению АСУ уже сделаны.

Да, здесь много думают о будущем. Уже сегодня в институте создана модель выпускника 2000 года. Определены объем его знаний, навыков, нравственный облик и, конечно же, его человеческие качества, его умение служить людям, умение, которое медика делает врачом, врачевателем, целителем.

...Спешат мимо юноши, застывшего с поднятым над головой сердцем, девчата и парни в белых халатах. Торопятся на лекции, семинары, лаборатории. Жизнь студента — вечный цейтнот. Пусть торопятся и, может быть, даже не каждый раз кинут взгляд на бронзовое изваяние, лишь бы не забыли они в этой спешке слова, выстраданные еще два с лишним тысячелетия назад великим Гиппократом:

«Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство... В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, неправедного и пагубного».

Ректор института Герой Социалистического Труда М. В. Даниленко и аспирант из Ганы М. Вильямс.

О. И. Городовиков с сыном Геннадием и Валерианом Родюковым — курсантами УВПШ имени М. В. Фрунзе. Полтава, 1927 год. (Публикуется впервые.)

ИЗ ПЛЕЯДЫ ГЕРОЕВ

1 октября 1979 года исполняется 100 лет со дня рождения сына бедняка-калмыка с хутора Мокрая Ельмута, видного советского военачальника, героя гражданской войны, члена Коммунистической партии с 1919 года Оки Ивановича Городовикова.

«В бою он в своем спокойствии страшен»,— писал о Городовикове Семен Михайлович Буденный.

— «Бросайте мою дивизию на самый опасный участок!»— просил он, и именно так и поступал Буденный. Городовикова всегда посылали туда, где опаснее, где решается исход боя. Городовиков, как никто другой из кавалерийских военачальников, умел обхитрить противника, навязать ему бой в невыгодных условиях, а затем и разбить его. Бойцы Первой Конной безмерно любили его за смелость и решительность.

В октябре 1919 года конники Городовикова сыграли решающую роль во взятии Воронежа. Удар был настолько стремительным, что белый генерал Шкуро, оставив генеральский поезд, ускакал из Воронежа верхом. Спешно покинул город и Мамонтов.

Одно имя Городовикова нередко в стане врагов сеяло страх. Белые генералы не могли понять, каким образом Городовиков, не имеющий специального военного образования, мог так блестяще решать оперативно-тактические задачи. Ведь не без его активного участия была в середине ноября 1919 года разгромлена группа белого генерала Постовского под Касторной. Благодаря этой победе была вырвана стратегическая инициатива у Деникина. Началось решительное наступление против его войск, закончившееся полным разгромом белых. А за нанесение решающего удара по войскам «черного барона» Врангеля дивизия Городовикова стала Чонгарской.

Военные люди моего поколения еще хранят в своей памяти образ этого замечательного человека необыкновенной храбрости, возглавлявшего в Первой Конной армии сначала 4-ю, а затем 6-ю кавалерийскую дивизию. По заданию командования он сформировал Вторую Конную армию и временно командовал ею, а после гражданской войны много лет был командиром корпуса Червонного казачества. Вот и на снимке мы видим его в тот период, когда он приезжал к нам в Полтаву, будучи командиром корпуса, проведать сына, учившегося в Украинской военно-подготовительной школе имени М. В. Фрунзе (в которой учился и я).

Велики заслуги Городовикова и в годы Великой Отечественной войны, когда он, будучи заместителем командующего кавалерией Красной Армии, в короткий срок сформировал и подготовил для фронта несколько десятков кавалерийских дивизий.

Будучи введены в прорыв, чтобы развить успех, конно-механизированные группы не давали возможности противнику закрепляться на промежуточных рубежах, отрезали пути его отхода. Этот боевой опыт Ока Иванович обобщил в своей книге «Конница в Отечественной войне».

Его грудь украшали Золотая Звезда Героя Советского Союза, три ордена Ленина, шесть орденов Красного Знамени, орден Отечественной войны первой степени...

Он всегда был образцом мужества, бесстрашия, беззаветной преданности своему народу и Коммунистической партии.

Я. ГОРЕЛИК,
кандидат военных наук,
полковник в отставке

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВРАЖДА

* * *

Семья у Кати Афанасьевой поубавилась, да за столом, когда Дорофеев зашел в их домишко, было все равно не очень просторно. С одного краю сидели Захар и Колька, с другого — Зойка и Игнатий. Склонив круглые, неровно стриженные ножницами головенки к чашкам, они, постукивая ложками, хлебали какое-то варево. Даже Зойка была острижена наголо, и Дорофеев знал, что это от вшей. Мыла-то люди который год в глаза не видели, мылись щелоком — теплой водой, в которой была разведена чистая древесная зола. Такая водица была на цвет черно-серой, на ощупь чуть мыльной, пены никакой не давала, но считалось, что это лучше, чем простая вода.

Сама Катя сидела на конце стола, обращенном к печке. Увидев в дверях Дорофеева, она поднялась. В худых, глубоко провалившихся глазах ее, под которыми за последний месяц набрякли синеватые мешочки, плеснулись одновременно и удивление и испуг. А когда следом за Дорофеевым вошли дед Андрон и кузнец Макеев, Катины глаза вовсе заледенели.

— Здравствуйте, — произнес Дорофеев.

— Я те и говорю — кормит она сейчас своих пытиценят, — сказал дед Андрон. Он старался выговаривать слова как можно проще и веселее, но это-то его старание Катя сразу уловила, набухшие синие жилки на ее открытых висках сильно задергались, она, не меняя положения, протянула руку к шестку, взяла валявшуюся там посудную тряпку, прижала ее к груди. Побелевшие пальцы, которыми она сжимала тряпку, тоже подрагивали. Это ее состояние передалось и детям, повернув на вошедших круглые головенки, они глядели на них с откровенным страхом.

— Ты че ж, Катерина, не здороваешься-то с начальством? — спросил дед Андрон, снимая шапку.

— Поели — идите, — мотнула Катя детям головой. Те немедленно поползли из-за стола, гуськом, шлепая по полу босыми ногами, один за другим скрылись в горнице. Всего-то в доме и было два помещения — кухня да комната за дощатой перегородкой, которая и называлась горницей. Последним, как старший, зашел туда Захар, прикрыл за собой филенчатую дверь.

— Ну... — дыхание Кати было частым и неровным. — Что еще стряслось? Я ж чувствую... Бейте сразу. Не жалеючи.

Дед Андрон вешал на стенку у дверей свой вытертый полушубок, но то ли одежда была слишком тяжела, то ли уже сил в руках не стало — все никак не мог дотянуться до гвоздя.

— Да ничего не стряслось, — сказал Дорофеев негромко. — Мы просто с Петрованом Макеевым да с Андроном Игнатьевичем по делу к тебе, Екатерина Даниловна. Мне-то можно раздеться?

— Чего ж спрашивать... — Испуг в глазах у Кати еще не прошел, но сквозь него шевельнулся живой огонек. — Господи, у меня прямо сердце захолонуло, то ли с Мишкой что там, думаю, то ли... От отца какой месяц письма нету. Да раздевайтесь. — Она бросила на стол свою тряпку, шагнула к Дорофееву, все стоявшему у дверей во весь рост, взяла у него шапку.

— Спасибо... — Он расстегнул шинель, повесил ее рядом с полушубком деда Андрона. А Катя уже сгребала со стола чашки. Составив их на шесток, она той тряпкой, которую недавно держала в руках, обмахнула голый дощатый стол, когда-то выкрашенный, теперь местами облезший, облупленный. Дорофеев, постукивая костылем, прошел по кухне, сел на табуретку возле окошка, за которым играла веселая капель. Дед Андрон с кузнецом примостились на скамейке у дверей.

Катя разбросила тряпку на чашки, прикрыла их, скользнула все же беспокойным взглядом по старику с кузнецом, по Дорофееву.

— Какое такое дело ко мне?

Дорофеев сидел к ней чуть боком, руки его лежали на поставленном между ног костыле, он глядел на сыпавшуюся за окном стеклянными горошинами капель и, будто не расслышав ее вопроса, со вздохом проговорил:

— А пожалеть, Катя, хотелось бы каждого... Да как в такое-то время?

Эти слова и то, что он назвал ее просто Катей, тотчас будто снова стегнули по живому, ноги ее сами собой подогнулись, она, крепко держась за край стола, медленно опустилась на табуретку.

Дорофеев смотрел в окно на льющуюся капель, но краем глаза видел и Катю, обостренно чувствовал ее состояние.

— Поэтому мы тебя не пожалеть хотим, а поработать попросить, — быстро проговорил он.

Она шевельнула бровями.

— А то я не работаю, что ли?

— Да на той работе попросить, какую батька твой в колхозе делал, — сказал от дверей дед Андрон.

Смысл этих слов не сразу дошел до нее.

— Как это? Погодите... Я ничего не пойму.

— Что ж тут понимать-то, Екатерина Даниловна. Сеять скоро. — Дорофеев кивнул за окно. — Кто-то ж должен и людей организовать. И за все дела отвечать.

— С ума вы сошли! — Катя встала растерянно. — Это... на место Пилюгина, что ли, меня хотите?

— Пилюгин, Пилюгин! — вскричал дед Андрон, поднимаясь. — Да ты это слово не произноси дажеть! Сказано тебе было — на место отца твоего!

За тонкой филенчатой дверью временами начиналась возня ребятишек, но тотчас возникающий было шум покрывал приглушенный мальчишеский голос: «Сыть-тя, язви вас!» Это Захар, понимающий больше других, что в кухне идет серьезный разговор, утихомиривал младших. И те подчинялись беспрекословно и мгновенно.

Встал и секретарь райкома, сделал несколько шагов к двери, повернулся.

— Ты сядь, Андрон Игнатьевич. Катя... Я уж так, по-отцовски, буду тебя называть, можно?

Катя даже не ответила, она, чтобы скрыть переполнившую глаза влагу, низко опустила голову. Тяжелый пучок зачесанных назад волос и схваченных на затылке тесьмой свалился на левое плечо, обнажив по-детски худенькую шею. В груди у Дорофеева, видно, что-то сдавило, он громче застучал о пол костылем, проходя на прежнее место.

— Мы вот, Катя, посоветовались, — кивнул Дорофеев на деда Андрона и кузнеца. — И с женщинами я говорил. И все сошлись на одном — попросить тебя взять теперь колхоз.

— Да я вам мужик, что ли?! — воскликнула она в отчаянии. — Вон Петрован пущай!

— Да я же пью, Катерина, — сказал кузнец.

— Ты ж бросил. Зарок дал.

— Зарок — он на срок. Дать-то дал, да у меня не заржавеет и обратно его взять.

— Тогда Андрон, может...

— Мог я, Катерина, через плетень лазить, а теперь мотней цепляюсь, — с грустной усмешкой проговорил старик.

В горнице опять загалдели ребятишки, заплакала Зойка. Катя ладонью смахнула со щеки все-таки выкатившуюся слезинку, встала, шагнула к двери, распахнула ее.

— Ну чего?

— Да вот, расхныкались ровно маленькие, — послышался голосишко Захара. — На улку побегать им приспичило. Я грю — мокро же тама...

— Отправляйтеся, — скомандовала Катя.

Колька, Игнатий и самая маленькая Зойка — все враз вывалились в кухню, за ними, не торопясь, вышел и Захар. Одеты все были в рванье, в заплатные штаны и рубашонки, у Зойки сквозь дырку на боку просвечивало белое тельце.

— Господи, да когда же ты успела продрать? — остановила Катя свою младшую сестренку, некоторое время с тоской рассматривала дырку.

— Да оно, Кать, само порвалось, — хныкнула испуганно Зойка.

— Ступай, ладно.

Колька с Игнатием уже сбрасывали с печки замызганные, тоже в заплатках и дырах, пальтишки, Захар из-под скамейки, на которой сидели посторонившиеся дед Андрон с кузнецом, выволакивал разбитые ботинки, сапоги, старые резиновые боты. Не обращая внимания на взрослых, попискивая, как галчата, ребятишки стали все это рванье натягивать на себя. Катя, присев на корточки, застегивала пальтишко на Зойке. Пальтишко было самодельное, выкроенное самой Катей из старого байкового одеяла, оно нелепо торчало на девочке каким-то коробом. На ноги Зойке Катя натянула чулки из овечьей шерсти, тоже собственной вязки, зашнуровала ей ботинки, потом пальтишко подвязала веревочкой.

Дорофеев с грустью наблюдал за этими сборами, за всей суетой, дед Андрон и Петрован Макеев на детей не глядели, все это им было привычно.

— От дома не отходить, — приказала Катя, выпуская всех в сенцы. — Пашка вон седни рыскает по деревне. Ты слышь, Захар?

— Я понял, понял... — крикнул Захар уже из глубины сенок. Он был старший, но тоже ребенок и вперед всех выскочил на улицу.

Закрыв за детьми дверь, Катя, опять сделавшаяся какой-то постарелой, устало прошла на прежнее место, положила на стол тяжелые руки, повернула голову к окну. За стеклом все сверкала и сверкала капель,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—39.

доносились снаружи приглушенные голоса ребятишек, а в доме все равно сделалось тихо и мертво, будто и не было тут четырех взрослых людей.

Приехав час назад, Дорофеев попросил Марию обежать деревню, пригласить в контору, кого можно, кроме Афанасьевой, а когда женщины, кузнец и дед Андрон подошли, без всяких предисловий, хмуро как-то сказал:

— Райком партии рекомендует в председатели вашего колхоза Афанасьеву Екатерину. Что вы, женщины, скажете?

С полминуты, может, в конторе стояла мертвая тишина, а потом угрюмая Василиха торопливо, будто боясь, что кто-то ее опередит, выкрикнула:

— А хорошо мы скажем, вот чего!

Женщины задвигались, зашумели, и непонятно было сперва, одобряют они кандидатуру в председатели или отвергают, пока кладовщица Легостаева, пожилая баба с глубоко съеденным оспой лицом, недавно получившая похоронную на первого из трех сыновей, воевавших на фронте, перекрыла шум резким своим голосом:

— Ну-к, притихните! — И повернулась к Дорофееву.— Это вы там в райкоме правильно. Девка молодая, грамотная. И столь горя нахлебалась, что все человечьи заботы понимать станет. Мы согласные.

— Может, кто-то и против выскажется?—спросил Дорофеев.—Пилюгина здесь?

— Тут я,— негромко проговорила от дверей Лидия.— Только я тоже против не выскажусь. Ну, а свекровь мою уж не спрашивайте.

— Не спросим.— И Дорофеев кивнул ей благодарно.— Тогда я сейчас пойду уговаривать Афанасьеву. А завтра, коль она согласится, и собрание проведем.

Женщины стояли и сидели притихшие, ожидая, видно, от секретаря райкома еще каких-то слов. Но он лишь сказал невесело:

— А горе свое, дорогие женщины, Афанасьева Екатерина до конца еще не выхлебала. Так что это хорошо, что вы ее поддержите. Ну, все тогда, спасибо вам. А ты, Андрон Игнатьевич, и ты, Макеев, останьтесь.

Когда женщины ушли и контора опустела, он сказал им:

— Попрошу я вас... со мной пойти к Афанасьевой. Тянуть про похоронные больше нельзя. Но одному-то мне с ней... Давайте-ка уж втроем.

И вот они были у нее втроем. На предложение возглавить колхоз Катя не ответила пока ни да ни нет. Она все сидела у окна и глядела на капель. Может, с минуту, может, больше в комнате было тихо и мертво, возвращаться к прежнему разговору каждому было трудно.

Дверь в горницу, из которой только что выбежали дети, так и осталась раскрытой, прямо напротив дверей в простенке висела небольшая застекленная рамка с пожелтевшими фотографиями. Дорофееву в открытую дверь горницы была видна эта рамка.

— Можно, я посмотрю? — спросил он.

Катя поняла, чего он хочет посмотреть, кивнула. Дорофеев встал и прошел в горницу.

Перед этой рамкой, опираясь на костыль, он стоял долго. Потом не оборачиваясь, проговорил:

— Это вот, Катя, и есть твой отец?

Катя поднялась, тоже пошла в горницу. Когда она стала рядом с Дорофеевым, он показал на фотографию.

— Это,— подтвердила Катя.

Карточка была старая, желтая, с обломанными углами. На ней Данила Афанасьев, одетый в кожаную куртку, при шашке, стоял возле пулеметной тачанки, одна рука у него лежала на рукоятке шашки, а другой он обнимал неловко и стыдливо прильнувшую к нему худенькую девчонку в пестром платьишке, с туго зачесанными назад, как сейчас и у Кати, волосами.

А рядом была карточка побольше, тоже давних времен, и на ней тоже был изображен Данила Афанасьев с той же девчонкой. Впрочем, теперь это была молодая женщина, одетая в длинную черную юбку и просторную кофту на выпуск, на голове завязанный под подбородком платок. Она стояла возле трактора «Фордзон», опираясь на грабли, так же, как на первой фотографии, чуть смущенно и виновато улыбалась, а чуть за ней, досасывая самокрутку и тоже чему-то улыбаясь, находился Катин отец в измятом пиджаке, в подпоясанной под пиджаком рубахе. На сиденье трактора сидел какой-то парнишка, вокруг трактора, неумело позируя фотографу, стояли, вытянув руки по швам, человек восемь мужиков и баб.

— А это, видимо, твоя мать? — спросил Дорофеев.

— Ага,— кивнула Катя.— Это они снялись, когда первый трактор в колхоз пришел. Мама в тридцать девятом померла... Как Зойку рожала.

Дорофеев все стоял и стоял недвижим, все рассматривал карточки. Стоял до тех пор, пока не раздался голос деда Андрона:

— А вон тою шашкою Данила, ее отец-то, и разрубил напополам родителя Артемия. Сасония-то Пилюгина.

— Вот как! — воскликнул, оборачиваясь, Дорофеев. Дед Андрон стоял в дверях горницы.

Потом Дорофеев глянул на Катю, она сухо сказала:

— Рассказывают, что так... Сам отец об этом говорить не любил.

И быстро пошла в кухню.

...Через некоторое время все опять сидели на прежних местах, и секретарь райкома партии Дорофеев говорил:

— Колхоз, Катя, у вас небольшой. Каких-то триста гектаров пашни. Полсотни овечек, восемнадцать лошадей, три десятка дойных коров. Справишься, Катя, берись давай. А мы поможем. Завтра же вот соберем всех колхозников, собрание проведем.

— Ну, что вы заладили,— по-прежнему отбивалась Катя.— Детишек-то я куда?

— Что ж они, маленькие у тебя, что ли, Катерина? — глухо проворчал Макеев.— Титьку сосут? Зойке — и той пятый год кончается.

— Да не сосут, а глаз за ними какой нужен?

— Да присмотрим, присмотрим,— мотал бородой Андрон.— Я, старуха моя, тетка Василиха... Всем-то колхозом! Ты ж десятилетку кончила.

— А старшего, Захарку тихомиловского, я в кузню возьму. Где поддержит чего, где подаст покуда. А там и молоток в руки. Так и делу обучу.

— Значит, порешили, Катя,— подвел итог Дорофеев и поднялся, пошел к вешалке, стал натягивать шинель.

— С ума сошли... с ума сошли,— все повторяла Катя, растерянная, пока они одевались у двери.

— Давай, Екатерина Даниловна... До завтра,— сказал Дорофеев и вышел.

По раскващенной апрельским теплом улице он шел мрачный, сильно втыкал свой костыль в унавоженный снежный кисель. Шел быстро, хромоногий Макеев и старый Андрон еле за ним поспевали. Лишь у самой конюшни остановился.

— Завтра я, значит, подъеду на собрание.

— Так что ж... про похоронки-то? — спросил кузнец.

— Не мог я... Язык не повернулся.

— Как же теперь?

— Не знаю,— угрюмо сказал секретарь райкома. — И вас прошу молчок покуда.

* * *

Из Романовки Дорофеев уезжал под звон той же капели. Правда, она стала реже и тяжелее, деревня блестела мокрыми черными крышами. В небе, по-весеннему уже высоком и голубом, стояло веселое солнце.

Оно находилось еще далеко от горизонта, но длинный апрельский день потихоньку истекал к концу, прозрачный воздух становился все свежее. Лошадь нехотя тащила кошевку по раскващенной улице, предвечерний холодок уже схватывал снежно-навозное месиво, полозья шипели, разрезая его. Дорофеев коня не торопил, он, забыв про вожжи, тоскливо глядел на свои вытянутые ноги. Его по-прежнему знобило, шапка опять была наглухо завязана под подбородком, из плетеного коробка уныло торчали его худые плечи, обтянутые вытертой шинелью.

Проезжая мимо домишка Кати Афанасьевой, он услышал галдеж ребятишек, потом увидел и их самих. Самая маленькая из них, Зойка, в своем нелепом пальтишке топталась на краю снежной лужи и колотила по воде хворостиной, а Игнатий и Колька, подпрыгивая, пытались палками достать и сбить свисающую с крыши самую длинную сосульку.

— Зойка, перестань! Промокнешь, майся потом с тобой,— кричал ей Захар.— Игнат, Колька, проклятые! Заразы такие. По башке-то долбанет сосуля если... Колька!

В это время тяжелая сосулька рухнула вниз, действительно чуть не воткнувшись острым концом в плечо Николая. Он успел отскочить, сосулька разлетелась на десятки осколков, тотчас все, кроме Захара, схватили по ледяному куску и принялись грызть.

— Ну-ка, бросьте! Кому сказано? Заложит глотки-то! — С этими словами он принялся отбирать у Зойки ледышку.

— Неслухи такие...— Захар отобрал у девочки ледяной осколок, бросил в лужу.— Мало у мам-Кати без вас-то горя.

Когда Дорофеев был от дома и от ребятишек на порядочном расстоянии, до него еще доносились их голосишки.

Николай: «Главно-то горе — что письма от папки давно нету. Катька плачет ночами, я слыхал».

Зойка: «А почто нету? Почто долго так нету?»

Захар: «Откудова я знаю. Разное могет быть... Вот Марунька-счетоводиха как захворает — так и не ездит на почту-то. Может, и там какой почтальонщик захворал. Прийде-ет! Вот на неделе Марунька поедет и привезет».

«Привезет...»— У Дорофеева все больнее и больнее начало сдавливать сердце.

...Катя в это время стояла у окна и смотрела, как удаляется кошевка Дорофеева. Руки ее были сложены под грудью, пустые глаза ничего не выражали — ни радости, ни беспокойства. Они были пустые — и все, и, казалось, она не видела ни Дорофеева, ни черной унавоженной дороги, взбегающей за деревней на холмы, ни самих этих холмов, верхушки которых уже освободились от снега и купались в прозрачном апрельском солнце.

Потом руки ее тяжело упали вниз, она вздохнула, повернулась, снова подошла к рамке с фотографиями, долго смотрела сперва на ту карточку, где отец и мать были сняты возле пулеметной тачанки, а потом на другую, где они стояли у трактора. «Мама, мама...» — вздохнула Катя. Она помнила, как мать умирала. В последнюю уже минуту Катю пустили к ней в палату. Никого не пустили, а ей разрешили, и мать вот так же виновато, как на этой карточке с трактором, поглядела на нее и потухающим голосом произнесла: «Катенька... кровинушка моя... Ты батьку обихаживай... И детишек береги. Мишку с Коленькой и эту последнюю... Зоинькой назовите ее. Как-нибудь уже живите...»

«Живите...» Катя вспомнила, как мать произнесла это слово — уже бескровными, неповинующимися губами, голос ее не прозвучал, а так, еле слышно прошелестел и затих, она медленно закрыла измученные глаза и больше уж их не раскрывала.

Вспомнила — и еще раз вздохнула Катя...

* * *

Женился Данила Афанасьев в двадцатом еще, всего через две недели как увидел Аришку, худенькую, черноглазую девчушку в простиранной насквозь кофтенке и

рваной юбке. Тогда, в мае месяце, партизанский отряд Кузьмы Тихомилова, едва-едва не распущенный по домам, поскольку остатки колчаковских войск отогнали далеко в Забайкалье, неожиданно подняли по тревоге и двинули на Алтай — там загорелся какой-то антисоветский мятеж. Остаток мая и весь июнь однорукий Кузьма Тихомилов и его неизменный помощник Данила Афанасьев по горам и долинам гоняли белокулацкие банды. Однажды глухой ночью, когда выдохнувшийся от бесконечных погонь и боев отряд в мертвецком сне лежал в горной деревушке под Змеиногорском, Данилу кто-то стал дергать за сапог: Дяденька партизан... Проснись скорее!

— Кто? Что?! — вскочил Данила, выхватывая маузер. Он спал в пулеметной тачанке, поставленной на всякий случай среди улицы боком. Над горами только-только занимался рассвет, а улица, пролегавшая будто по дну ущелья, была еще темна. Во мраке Данила не сразу и различил стоящего у тачанки человека, а как увидел — схватил за шиворот, чтоб подтянуть к себе и разглядеть получше, но тут же и отдернул руку.— Баба что ль?! Чего надо?

— Ага, Аришка я,— услышал он в ответ лихорадочный шепот.— Я с хозяйской заимки прибегла. Они идут сюда, чтоб сонных вас побить...

— Кто идет? Откуда?

— Да вон, гляди!

В чернильной темноте дальнего конца улицы Данила разглядел крадущихся людей. Почему они пешие, и сколько их — раздумывать и считать было некогда. Лента в пулемет была заправлена им на всякий случай еще перед сном. Данила мгновенно развернул его, крикнул девчонке: «Дуй отсюда!» — и врезал очередью вдоль улицы. Однако вместо того, чтобы уйти, девчушка кошкой прыгнула на тачанку, затрясла Данилу за плечо:

— Дяденька... глянь назад!

Данила, не переставая стрелять, повернул голову: по противоположному концу улицы мчалась на тачанку плотная куча конников с голыми шашками, лошади неслись, будто не касаясь земли — стука копыт не было слышно.

— Развернись! Развернись им навстречу! — взвизгнула Аришка, подхватывая патронную коробку, чтобы переставить ее на другую сторону.

— Ишь ты, раскомандовалась,— нашел даже время сказать Данила, торопливо разворачивая пулемет.

Натыкаясь на свинцовую струю, лошади стали падать и биться на земле, всадники валились с них тяжелыми мешками, шлепались в пыль, иные вскакивали и куда-то бежали, иные так и оставались лежать. Трупы лошадей и людей быстро завалили узкую улицу, об них спотыкались и падали все новые лошади, образовывая пробку, а Данила, яростно ощерясь, все стрелял в эту жуткую, кровавую кашу, осветившуюся загоревшимся вдруг каким-то домом, не обращая внимания на то, что делается позади него. Слыша вспыхнувшую вокруг стрельбу и беспорядочные взрывы гранат, он понимал, что разбуженные пулеметом партизаны дерутся теперь с бандитами и сзади него и по всей деревушке. Он строчил, а девушка, не обращая внимания, что по плечу ее, смочив всю кофточку, течет кровь, подправляла и подправляла ленту...

Бой был короткий, но яростный, небо еще не разбелилось, как он кончился, в разных концах деревушки, когда стихла стрельба, что-то горело, в темном небе стояло несколько желтых зарев. Данила в течение всего боя так и не сошел с тачанки, а как все закончилось, он, не обращая внимания на суету полураздетых партизан, на крики и вой деревенских баб, перематывал тряпкой Аришкино плечо, вскользь задетое пулей, и спрашивал у нее:

— Ты это кто ж такая, а?

— Да здешняя, только из другой деревни родом. Верст за сорок отсюда. Мать померла. Отца на германской убили. А брата прошлогод колчаки.

— Откуда с пулеметом-то умеешь управляться?

— А я с братом в отряде тож была. В таком, как ваш.

— Во-он что!

— Ага... И пытки колчаков перенести пришлось. Как брата-то в бою убили... в том бою и меня живьем схватили. Ну, били так, что не приведи господь! И прикладами колотили и сапогами пинали. Расстрелять хотели, да какой-то усатый ихний офицер пожалел: спихните, говорит, ее в овраг, сама подохнет, а то пулю еще тратить. В том овраге-то и постреляли всех пленных.

А меня, значит, пожалели, живьем туда сбросили. Пролежала я меж мертвых до вечера, а по темноте уползла.

— Понятно...— сквозь стиснутые зубы выдавил Данила.

— Ну, сперва кой-как по добрым людям перебивалась. Как маленько выправилась— в работницы пошла. Жить-то как? Одна я осталась. Хозяину не сказала, что в партизанах·была, разве б взял он меня· тогда... На заимке-то у хозяина седни вечером и собрались все эти.— Она кивнула на валявшиеся вокруг тачанки трупы.— Копыта лошадям, договариваются, тряпками обвернем, чтоб не стукотали, подкрадемся неслышно с двух сторон. С одной пешие, с другой конные. Коней у них на всех не хватало. Перебьем, дескать, сонных, как курят. Я сразу сюды и кинулась... Долго бежала, заимка-то отсюда верст восемь.

Рана у Аришки была пустяковая, она ее не беспокоила, девушка не ощущала даже никакой боли и, рассказывая все это, улыбалась. Чтоб ее перевязать, Даниле пришлось разорвать окровавленный рукав кофточки, а потом и тесемку лифчика. При этом лифчик соскользнул, оголив небольшую остренькую грудь. Аришка воскликнула и быстро прикрыла грудь. «Да ладно уж»,— сказал он строго. А потом, обматывая худенькое ее плечо, стал невольно косить на ее грудь, которую она прикрывала кусочком разорванной кофточки, и почувствовал, как горячий жар наливается в голову.

Закончив перевязку, он накинул на нее свою кожаную куртку, лежавшую тут же в тачанке. Девушка нахмурилась, раздумывая о чем-то, и проговорила:

— Возьмите меня с собой в отряд... А то люди видят, что я вот здесь, хозяин меня за это изведет.

— Изведет? Мы вот спрос сперва наведем с него, что бандюков навел. Прощать, что ли, за то!

— Все равно возьмите,— попросила девушка.

— Ну, это как Тихомилов. Он командир,— хмуро ответил Данила.— Баб у нас в отряде никогда не бывало.

— А ты попроси его. Еду буду вам стряпать, стирать... Да мало ли чего! И стрелять могу, если надо. С нагана, с пулемета...

— Попроси...— еще раз буркнул Данила, глянул на нее исподлобья и вовсе вдруг смешался.

Только что была смертельная опасность, шел смертельный бой, и Данила, привычно делая то, что следовало в такие минуты делать, был собран, энергичен и ловок, и, перевязывая потом окровавленное плечо девушки, он нисколько не смущался поначалу, потому что и это было привычно, а теперь почувствовал себя неуклюжим, неловким, какая-то сила сковала и язык и движения, он не знал, куда деть свои руки с большими, заскорузлыми ладонями, с въевшимися в них навечно металлом от железной рукоятки шашки, пороховой гарью, конским потом. Да и не только руки, весь он, наверное, пропах этими запахами да еще кровью, которой видел в свои небольшие в общем-то годы немало. Вот какой запах от него идет, а эта девчушка черноглазая не морщится даже, сдерживает, ишь, себя...

К тачанке подскакал Кузьма Тихомилов, единственной рукой оперся о седло, спрыгнул на землю. При этом пустой рукав его кожаной куртки мотнулся, описав круг.

— Как же они, сволочи, дозорных-то сняли?! — шумно выдохнул Тихомилов.— Заснули, что ли?

— Теперь вот гадай — как? — проговорил Данила.— Перед самой зарей я еще проверил посты — вроде все было нормально.

— Нормально, нормально...— буркнул Тихомилов.— А это с кем ты тут? Пого-оды! С бабой, значит, прохлаждался?!

— Какая ж баба?! Не видишь — девчушка. Она и предупредила. Растолкала меня вовремя. А то бы... Ранило вот ее.

— Во-он оно что! — сбавил тон командир отряда.

Через неделю ранка на плече девушки затянулась без следа, а через две она стала женой Афанасьева. Кузьма Тихомилов, узнав, какую роль сыграла Аришка в разгроме бандитских налетчиков, не только разрешил ей остаться при отряде, но поручил Даниле лично следить за излечением ее раны. Может, так, просто от доброты поручил, а может, по какой другой причине. Во всяком случае, тем же утром, когда брызнул солнечный свет и при этом свете Тихомилов увидел, как Аришка, взглянув на Данилу, смущенно и растерянно опустила вниз глаза, командир отряда, отведя своего помощника в сторону и погладив обрубленное свое плечо, проговорил:

— Ей-богу, на Татьяну она мою чем-то похожая.

— Вот уж, дядь Кузьма, не сказал бы,— возразил Данила.

— Ну, много ты понимаешь, дурак! — вспыхнул командир.— Чтоб лично мне следил, как рана ее заживает!

Как бы там ни было, Данила выполнял приказание, а через два-три дня понял, что делал бы это и помимо воли командира. Была Аришка вроде и не очень красивой, но из глаз ее лился такой теплый и доверчивый свет, что у Данилы в груди больно и сладко постукивало.

В этой деревушке отряд Тихомилова простоял еще пятеро суток, а на шестые рано утром командир поднял его выстрелами из нагана:

— Хозвзводу тут стоять! И ты тут с ними оставайся! — крикнул он почему-то Аришке, выскочившей из избы, где она ночевала.— Мы скоро...

Рванув коня, он поскакал вдоль улицы, за ним остальные, девушка лишь увидела, как мелькнул вороной жеребец Данилы да сверкнули его зубы: обернувшись на бешеном скаку, он что-то прокричал ей, но что — она не расслышала, голос сквозь громкую дробь множества копыт не пробился.

Вернулся отряд нескоро, только на другой день к вечеру. Пыльные, усталые, окровавленные партизаны втягивались в деревню на измотанных лошадях гуськом, на некоторых были перекинуты тела погибших.

— А Данила как? Господи, Афанасьев-то Данила живой?! — металась Аришка от всадника к всаднику, растрепанная, обезумевшая. Ей никто не отвечал, только один бородатый партизан сердито сказал:

— Радуйся, живой покуда.

Данилу она увидела шагающим сбоку телеги. Он был мрачен, вел в поводу своего коня. На телеге, без фуражки, с закрытыми глазами, лежал Тихомилов.

— Данилушка! — Она подбежала к телеге. Не решаясь прикоснуться к Афанасьеву, глотая слезы, выдавила из себя:— А дядя Тихомилов... Он убитый? Убитый?!

Тихомилов открыл глаза, улыбнулся:

— Живой я. Черта с два меня убьешь. Живо-ой! Мякоть ноги вот пробило. Ерунда... Через недельку бегать буду.

Дотемна Данила Афанасьев возился с командиром, помогал промывать рану, укладывал на ночь. Потом распорядился по устройству отряда на отдых, о завтрашних похоронах погибших, отряжал дозорных... Уж далеко за полночь, измотанный и мрачный, появился в избенке, где жила все эти дни Аришка у какой-то старухи.

Едва он брякнул шашкой на крыльце, она распахнула дверь перед ним.

— Ты не спишь, гляжу. Иду, а в окне огонь...

— Какой сон, какой тут сон! — воскликнула она.— Проходи.

— Ну, я только тебя проведать... Пойду, прикорну где-нибудь.

— Еще чего! Ложись вон на кровать. Хозяйка в завозне эти дни спит. Голодный ведь, поди? У меня каша есть и молоко.

— Каша? Я и вправду бы поел...

Ужинал он молча, девушка тихо и неслышно сидела на другом конце стола, молча глядела и глядела на него, из глаз ее лился тот теплый, материнский свет, который всегда смущал Данилу, но на этот раз он ничего не чувствовал, ничего не замечал.

Поев, он устало разогнулся и встал. Она метнулась к кровати, откинула одеяло, взбила подушку. Данила опустился на постель, стянул грязные сапоги, скинул вонючие портянки, задвинул ногой под кровать.

— Давай сюда, я постираю, почищу.

— Жена ты, что ли, мне?

— Так что ж, что не жена? Не привычная разве? И гимнастерку со штанами давай. Печку счас растоплю и к утру высушу. А то пропотел весь. Снимай, а я выйду.

Она скользнула за дверь, Данила посидел в раздумье, снял верхнюю одежду, бросил на стул и лег под лоскутное одеяло.

Через некоторое время Аришка скрипнула дверью, вошла, взяла гимнастерку со штанами, подошла к висячей лампе и дунула.

— Спи покуда,— сказала из мрака и пошла.

— Ариш... побудь со мной.

Она у дверей остановилась, постояла, потом шаги стали приближаться к кровати и замерли. Данила лежал с закрытыми глазами, боясь их разомкнуть.

— Это рубка была — жутко вспомнить,— произнес он, так и не открыв глаз.— Бандиты вчерась ночью на сельцо Петрушиху налетели, начали тама людей палить. Утром-то вчерась и прискакал оттуда мужик — помогите, мол. Ну, Тихомилов и повел отряд. Бандюков мы живо выперли, половину порубили, остальные в горы ускакали. Переночевали мы тама, четверых своих утром похоронили, назад, сюда было направились. А тут... только мы в котловину какую-то въехали, и налетели на нас уцелевшие бандюги с какой-то подмогой. И началось... ровно вода в этой котловине закипела.

— Да я знаю... мужики рассказывали,— прошептала Аришка. Шепот ее был совсем близко, над самым ухом, Данила ощутил ее дыхание на своем лице и с удивлением открыл глаза. В полумраке он увидел, что Аришка стоит у кровати на коленях, а на плечах ее, на гладко зачесанных волосах поблескивает неяркий лунный свет.— Как еще ты-то... ты-то живой остался! — всхлипнула она и уронила ему на грудь тяжелую и горячую голову.

— Остался вот...— Он положил ладонь на ее голову и стал поглаживать.— А дядь Кузьму опять ранило. Ровно мало ему... ровно проклятье какое над ним! Не могло меня-то вместо него!

— Господь с тобой! Очнися! — тотчас оторвала девушка от его груди голову.— Чего городишь? Чего ты... желаешь?!

Какое-то время они помолчали, потом Данила прерывисто вздохнул, вытер ладонью повлажневшие ресницы:

— Жалко мне его, Ариш...

— Кому ж не жалко? И мне тоже...

— Твоя-то ранка как?

— Зажила-а! Вот глянь...— Она схватила его руку, сунула на свое плечо.— Рубчик только остался.

Тело ее было горячее, никакого рубчика на ее плече сквозь тонкий ситчик он не чувствовал, может, потому, что рука его задеревенела от рукояток шашек да наганов, или оттого, возможно, что пальцы и всю ладонь обжигало девичье тепло. Подрагивающей рукой он скользнул по ее открытой шее, по затылку, стал пригибать к себе ее голову. Аришка покорно поддалась, он поцеловал ее сперва в пылающую щеку, нашел ее губы.

А потом почувствовал, как на его лицо капают обжигающие капли. И зашептал, все крепче прижимая ее голову к груди:

— Дурешка ты махонькая. Ложися ко мне... Иди скорей! А утром я объявлю, что поженились, мол, мы. Ну, аль не согласная?

Но тут девушка, преодолевая его сопротивление, подняла голову. С колен она не встала, только сняла со своего затылка его ладонь, взяла ее в обе руки, уткнулась в эту загрубевшую ладонь мокрым лицом.

— Я с первого дня согласная, Данилушка,— прошептала она.— Только... грех до свадьбы-то. Скотина, что ли, я какая... и ты...

Она поднялась, взяла со стула его гимнастерку и брюки. И прижимая к худенькой

груди эту грязную одежду, проговорила голосом, переполненным волнением и какой-то детской, а оттого чистой радостью:

— Коли ты возьмешь меня... я тебе со счастьем детей рожать буду. Господи!

И с этим возгласом выбежала из комнаты.

Уснул или не уснул в эту ночь Данила Афанасьев, он и сам не понял. А утром пришел к командиру отряда и сказал:

— Порешил я жениться, дядь Кузьма. На Аришке.

Кузьма Тихомилов сидел на кровати, отвалившись на подложенные под спину подушки в пестрых наволочках, пил чай из толстой фаянсовой кружки. Забинтованная нога его лежала поверх одеяла.

Командир отряда поглядел на свежевыглаженную гимнастерку Данилы, на вычищенные и даже смазанные дегтем сапоги, грубовато сказал, дуя в чашку:

— А я тебе что говорил, балда? Давай, вот как нога моя ходить станет, свадьбу сделаем по-партизански. Через недельку, я рассчитываю.

— Да разве за неделю пройдет рана?!

— Ну! — прикрикнул Тихомилов.— Чего тянуть-то?!

Свадьбу отвели в один вечер, в той же избе, где ночевал неделю назад Данила — благо после боя близ сельца Петрушихи о новых бандитах слухов никаких не доходило. Попели, поплясали мужики, командир отряда пришел на свадьбу с костылем, но на своих ногах, за столом сидел счастливый и несколько раз в каких-то чувствах шептал Даниле: «Теперь-то видишь, что на Татьяну она мою похожая? Я сразу почуял. Характером-то, а?» «Ну да, ну да»,— согласно кивал Данила, хотя никак не мог уловить в Аришке чего-нибудь общего с погибшей женой Тихомилова. Ему нравилась Аришкина чистота и застенчивость, ее добрые и верные глаза, он слышал сладкий запах ее тела — и был от всего этого словно в пустом пространстве, легко и радостно плыл куда-то.

Через день или другой после свадьбы пришли известия, что антисоветский мятеж на Алтае стал затухать, а вскоре и вообще прибыло распоряжение отряду Тихомилова прибыть в Змеиногорск, оттуда отправили его в свою волость, где и расформировали, распустили бойцов по домам.

Кузьма Тихомилов остался работать в волости. Данила Афанасьев с молодой женой вернулся в Романовку, через положенное время она родила Катю. «Со счастьем рожать буду»,— сказала когда-то Аришка, так оно и было, ребенка она носила в себе, без меры счастливая. Только роды дались ей сильно тяжко, и она, измученная и обессиленная, лежа на кровати, проговорила слабеньким, виноватым голосом:

— Видно, тогда колчаки что-то повредили во мне. До родов-то я ей-богу ничего не чуяла... никакой неисправности в себе. Ты уж прости меня.

— Что ты, что ты! — возразил Данила.— Какая твоя вина тут?

— Ну как же, чуть не померла. Каково бы тебе с дитем одному-то?

— Да все же слава богу!

— Не-ет, Данилушка, не все,— измученные глаза ее переполнились слезами.— Чую, боле не родить мне.

— Да и что ж,— успокаивал он жену.— Есть одна дочурка, и ладно.

— Не ладно,— опять возразила она.— Баба ж я... И обещала тебе детишек нарожать.— И она по-детски заплакала.— А тут, выходит, обманула...

Этим разговором открылась Аришка ему еще одной новой гранью. Данила и раньше души в ней не чаял, а теперь и вовсе стал оберегать да лелеять не по-деревенски. Сперва дивовались мужики, что в дождь или слякоть, а то просто вечером, когда с работы возвращались, посадит Данила жену на ладошку, да так и пронесет через всю Романовку. А она, маленькая и тоненькая, как девчонка, обхватит его шею, прижмется к нему у всех на виду, счастливая... Удивлялись, а потом привыкли.

Продолжение следует.

О коллекциях читателей

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

С тех пор, как несколько лет назад на страницах «Огонька» был опубликован материал «Домашние «Третьяковки», посвященный любителям искусства, коллекционерам художественных репродукций, редакция часто получает письма, в которых рассказывается об этом увлечении. «Люблю живопись,— пишет К. И. Вечеслова из подмосковного города Загорска.— Я многолетний подписчик журнала, почти за тридцать лет у меня собралась большая коллекция репродукций картин художников. Знакомила с ней сначала детей, а теперь и внука».

О том же сообщают многие наши читатели. «Интересуемся искусством, собираем домашнюю коллекцию цветных художественных вкладок, которые печатает «Огонек». Эти строки письма Н. В. Черепановой из Великого Устюга характерны для многих откликов, которые приносит редакционная почта.

«В моем домашнем «музее»,— написала И. Лебедева из города Советска,— представлены Третьяковская галерея, Русский музей, Лувр, Дрезденская галерея и другие собрания. Особенно благодарна за то, что имею 102 репродукции картин, где изображен Владимир Ильич Ленин. Это ли не клад! Великая Отечественная война и тема труда представлены тоже очень хорошо, интересно».

Любовь к искусству, как всякая любовь, щедра, и естественно, что коллекционеры хотят ввести в круг своих увлечений других людей. «Свою коллекцию я собираю с 1954 года,— рассказал москвич Д. С. Ольховский.— Однажды мне пришла идея показать ее в школе, где училась моя внучка. На эту встречу принес 142 репродукции, посвященные В. И. Ленину. Ребята внимательно слушали, смотрели. По-моему, это очень интересно». Во многих школах, как свидетельствуют письма, репродукции шедевров живописи, опубликованные в «Огоньке», часто становятся желанным пособием на уроках литературы, истории, эстетического воспитания.

«Стараюсь заниматься не просто собирательством,— читаем в письме, полученном от В. Липкина из Алма-Аты,— а по мере возможности изучать биографии художников, историю создания картин, их художественные особенности, а у себя на работе провел даже несколько бесед о классиках русской и мировой живописи».

Многие годы коллекционирует репродукции А. Ф. Юодагальвене из литовского города Шяуляй. Вот что она пишет: «Я работник торговли. У нас много молодежи, и я решила познакомить наших девушек со своей коллекцией. Сперва это был просто показ альбомов с репродукциями, позднее при клайпедском универмаге «Паюрис», где я раньше работала, возник кружок эстетики. Все посещали его с удовольствием. Мы знакомились не только с живописью, но и музыкой — в этом нам помогал преподаватель местного музыкального училища,— встречались с народными мастерами, которые рассказывали о литовском прикладном искусстве. А на праздничных вечерах работников универмага, кроме традиционных танцев и лотереи, устраивали художественные викторины. Когда я увидела, что помогла девушкам узнать что-то новое, я получила огромное удовлетворение».

В этих последних письмах и содержится ответ на вопрос, который часто задают читатели: что делать с коллекцией, как ее использовать, чтобы служила она благородному делу — пропаганде изобразительного искусства.

В некоторых уголках нашей страны энтузиасты создают своеобразные галереи репродукций, устраивают выставки — тематические и посвященные творчеству отдельных мастеров. Об одной из таких галерей — в селе Красноселка, Одесской области, рассказал И. А. Попов. В создании музея принимали участие культработники, пионеры местной средней школы, комсомольцы совхоза «Одесский». И теперь в Красносельском Доме культуры можно увидеть более двухсот репродукций работ известных советских живописцев; многие из них были воспроизведены на цветных вкладках «Огонька». В экспозиции несколько разделов: «Ленин с нами», «За новую жизнь», «Великая Отечественная», «Хозяева земли», «Нам жить при коммунизме», «Счастливое детство».

В своих письмах в редакцию Н. Б. Гундырев из Лениногорска, Татарской АССР, не раз писал: «Хочу, чтобы в нашем маленьком городе, который я строил с самых первых колышков, люди имели свою «Третьяковку». За двадцать пять лет он собрал более четырех тысяч репродукций картин выдающихся мастеров живописи, с многими из которых «Огонек» знакомил своих читателей. И вот в прошлом году его мечта осуществилась. «Городской исполком с глубоким пониманием отнесся к моей просьбе,— сообщил он нам,— и нашел возможным выделить для экспозиции три зала площадью около трехсот квадратных метров». На первой выставке, которую устроил Н. Б. Гундырев, были показаны Лениниана, репродукции полотен, посвященных Октябрьской революции и гражданской войне, годам мирного созидания, Отечественной войне 1941—1945 годов.

Во многих письмах читатели рассказывают о том, как они хранят и оформляют свои коллекции, что собирают. Около двадцати пяти лет подбирает изображения на мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи и скульптуре А. П. Барышников из станицы Старокорсунская, Краснодарского края. Свою систему подбора и хранения разработал также М. Г. Крадинов из Пятигорска. Каждый ищет в живописи свое, то, что особенно близко и дорого. Главное же в этом увлекательном деле — счастье, что дарит нам искусство, возвышая помыслы, помогая постичь красоту мира и те гуманистические идеалы, которые выражали своими работами великие мастера.

Цветная художественная вкладка нынешнего номера составлена по заявкам читателей; редакция посвящает ее всем, кто коллекционирует репродукции шедевров русской живописи.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

К. Брюллов. 1779—1852. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ. 1830—1833. Государственный Русский музей.

И. Репин. 1844—1930. ЗАПОРОЖЦЫ ПИШУТ ПИСЬМО ТУРЕЦКОМУ СУЛТАНУ. 1878—1891.

Государственный Русский музей.

В. Суриков. 1848—1916. СТЕПАН РАЗИН. 1907.

Государственный Русский музей.

Г. Сорока. 1823—1864. РЫБАКИ. 1840-е годы.

И Родина сил прибавляла

Юрий
МЕЛЬНИКОВ

●

Ивану Кузьмичу Лайкову — Герою Социалистического Труда, заслуженному агроному республики, директору семеноводческого совхоза «Победа», Вулканештского района, Молдавской ССР.

Помнит он руины Сталинграда,
И золу,
и по колени грязь,
Как в бою
осколками снаряда
Не однажды
разрывало связь.

И он полз вперед неудержимо
Сквозь огонь,
Сквозь все преграды,
смел...

Пули — мимо,
И снаряды — мимо,
Связь восстановил
и уцелел.

...Рос он
На просторе деревенском
У истоков древнего Днепра.
Вспоминал деревню под
Смоленском
Часто после боя,
у костра.

Мать не помнил —
схоронили рано,
Шел за белым гробом от
крыльца...
Из деревни
Письма постоянно
Получал от старого отца.

...Передышка кончилась,
И снова
По дороге скрежетала сталь...
Перед ним
холмистая Молдова
Открывала солнечную даль.

Но чернели от разрывов
склоны
На ветру порывистом,
Дымясь.
И высоты брали батальоны,
И держал сержант
С пехотой связь.

Полз радист
В простреленной шинели
На вершину
Сквозь свинцовый шквал.
Батареи накрывали цели —
Те, что он, увидев,
Засекал.

Но и он
Был бомбою отброшен.
Сбитый с ног,
Лежал едва дыша,
Каменною пылью запорошен,
Под горой крутой,
У блиндажа.
У разбитой гусеницы танка
Он лежал,
Над ним качалась мгла...
Тут его увидев,
Молдаванка
Медсестру на помощь позвала.

...Чуть заметен шрам
Над правой бровью,
И лицом не стар еще на вид,
Оросил он эту землю кровью
И на ней же
урожай растит.

Ходит и под солнцем
И под громом
По степи Буджакской,
Торопясь...
Он уже давно стал агрономом
И с землею
Крепко держит связь.

В голубом
Поношенном берете
В поле у посевов —
Допоздна.
Улыбаясь, говорит:
— На свете
Главное для жизни —
Семена.

И в степи
Зернистая пшеница
Тянется к нему
Со всех сторон...
Я хотел бы
У него учиться
Землю так любить,
Как любит он.

ТРОЯНОВ ВАЛ

От Троянова вала
ночь далеко видна,
Трактористы усталые спят.
За грядой облаков
показалась луна,
Робко звезды на землю глядят.

Ночь в степи, возле стана,
сыра и тиха,
Где-то грозы прошли стороной...
И у темного стана
блестят лемеха,
Освещенные полной луной.

Степь Буджака...
Холмиста она, широка,
Не охватит и днем ее
взгляд...
И земные пласты, как былые века,
Обнаженно
под небом лежат.

РОДИНА ЛАЗО

Здесь все ему было знакомо:
С рождения
видеть привык
И сад у старинного дома
И рядом под кручей —
Родник.
Селенье
С названием Пятры,
И в парке —
гулянье родни.
И солнышка теплые пятна
На стежке
под кленом, в тени.
С мальчишками сельскими
Мигом
Высоко,
подобно орлу,
Взбирался по камням
На Мыглу —
Погибшего моря скалу.
И где бы потом
ни скитался,
Куда бы ни поспешал,
Обратно
сюда возвращался
И воздухом этим
Дышал.
Стоял у дороги устало,
Смотрел
В беспросветную тьму...
И родина
Сил прибавляла
В борьбе беспощадной
Ему.

●

Поседели до срока,
Но еще
мы сильны,
Той далекой,
Жестокой
Ветераны войны.

Кочегарим и строим,
Добываем и жнем...
И по-прежнему
с боем
Высоты берем.

●

Сорви березы почку
в стужу
И разотри
хотя б одну,
И аромат вдохни —
И тут же
Ты вдруг почувствуешь
Весну.

И на тебя
теплом повеет
Откуда-то с глубин весна.
И убедишься ты,
что зреет
Для нас еще зимой она.

●

То холодно,
А то жара не в меру,
То над полями грохнет гром,
сердит.
И вновь на тело
давит атмосфера,
И сердце
учащенное стучит.
Частица переменчивой природы,
Я человек —
не камень, не броня...
Любое колебание погоды
Проходит ощутимо
Сквозь меня.

И ВДОХНОВЕНЬЕ...

В новой книге Леонида Вьюнника четко расставлены тематические акценты — это в основном Север, его колючие и буйные шторма, суровый матросский быт. Но Север не только часть биографии автора, он его судьба и его любовь, в северных скалах искала приюта душа лирического героя, отшлифовываясь и закаляясь. Крепко вросший ногами в палубу, как дерево корнями в землю, этот герой в то же время болен тем непокоем, который бывает от тоски по вечно убегающему горизонту. И романтическая мечта — стать на краешек земли и посмотреть: что там? — присуща ищущей натуре автора, она заставляет ее постоянно изменяться, подобно цвету моря.

Для поэта мало просто увидеть море. Он должен почувствовать его движение и порыв, сердцем прикоснуться к холодку морской глубины. Леонид Вьюнник родился и вырос далеко от моря, его родина — тихие сельские просторы с негромким щебетом птиц, с березой у палисадника отчего дома. Море пришло потом, но пришло властно и бескомпромиссно.

Помрачнеют небесные своды,
Шторм ударит,
что хлесткой строкой,
Подарив мне на долгие годы
Свой азарт,
свой размах,
непокой...

Земля и океан стали для автора некими силами, испытующими его «на разрыв». Но разрыва быть не может уже потому, что одно не существует без другого: маяки стоят на берегу, а морские волны стремятся к земле...

После шторма,
поверив в удачу,
Ты на берег придешь золотой.
Море, выбросив гальку,
как сдачу,
Принесет в этот мир молодой
Парусов облака грозовые,
Жар объятий с землей дорогой...

Романтика в стихах Л. Вьюнника неотделима от жизни. «Фрегат «Свобода», стихотворение, давшее название всей книге, лишь чисто умозрительно возвращает читателя к эпохе Летучего Голландца. Фрегат «Свобода» — реальное судно, на котором вдосталь хлебнул автор прозаического матросского труда, а прошлое ценно для Леонида Вьюнника героической историей Родины («Когда дошли мы до Цусимы»). Неоткрытых морей в географическом понятии нет, но зато в творчестве их великое множество. И главное для автора, конечно, в том, что

На свете есть и счастье и беда.
Есть море, и любовь,
и вдохновенье...

Николай НИКИШИН

Леонид ВЬЮННИК. Фрегат «Свобода». Стихи. М., «Молодая гвардия», 1979, 111 стр.

Владимир **КАТИН**

ХРУСТАЛЬНАЯ П

Марсель известен всемирно — из истории, географии, художественной литературы. Марсель — первый порт Франции и второй город страны по населению, если не считать приезжих, транзитников. Корабли и самолеты, поезда и автомобили привозят и увозят за год столько же народа, сколько проживает в городе и окрестностях.

За девять лет, проведенных в странах Средиземноморского бассейна, я убедился, что все они помечены общими признаками, схожими чертами. Это как в большой, многодетной семье, где все хотя и разные, но порода чувствуется одна. В Марселе целыми колониями издавна живут алжирцы, марокканцы, турки, греки, ливанцы, итальянцы... Сказалось это и на облике города, его архитектуре. За время часовой прогулки по улицам увидишь кафедральный собор, церкви, мечети, синагоги. Режет глаз буйное разнообразие стилей и эпох: величественные, облепленные барельефными завитушками особняки соседствуют с высоченными параллелепипедами из стекла и прессованных плит.

Марсель, перегруженный транспортом,— неспокойный город. Кажется, что автомашины не едут, а густой лавиной текут по трещинам улиц. Гул моторов, гудков, голосов не смолкает до поздней ночи. И словно благословляя клокочущую жизнь этого делового и праздного города, на самой его верхней точке, на макушке холма распростерла руки золоченая скульптура богоматери.

Круглый год в Марселе солнечно. Зима мягкая, а весна наступает так вкрадчиво, что и не замечаешь смены времен года. Хорошая погода создает людям приподнятое настроение, влияет на характер. Так за века сложился средиземноморский тип. Тунисцы, сицилийцы, марсельцы, каприоты и мальтийцы обязательно чем-то похожи друг на друга. Бывая в этих странах, невольно ловишь себя на подсознательной мысли: где-то уже видел этого человека, когда-то мы с ним уже встречались...

Так было со мной и в этот раз: когда в большом марсельском магазине готового платья «Тьери и сыновья» я наблюдал за бойким приказчиком, мне показалось, что я откуда-то его знаю. Но это был всего лишь «оптический обман».

Моложавый, но с седеющими курчавыми волосами, светло-коричневым оттенком кожи и безошибочно средиземноморскими глазами — как две лиловые маслины, он мог сойти за грека, барселонца или бейрутца. К тому же он свободно говорил на нескольких языках, во всяком случае, в объеме своих профессиональных обязанностей. Был он бодр и весел, словно бы наэлектризован задором, который старался передать всем, кто попадался навстречу.

И когда попался ему я, то он выпалил зарядом улыбок, каких-то порхающих шуток-прибауток и, схватив меня под руку, потащил в раздел костюмов пятьдесят второго размера. Такая непринужденная манера обращения с клиентом настраивала на добрый лад.

Потом изрядно долго я сидел в просторном холле и ждал, пока подготовят то, что было куплено. Когда делать нечего, то внимание невольно концентрируется на окружающей обстановке.

Вокруг в мажорном темпе шла обычная торговая жизнь большого магазина. Холл, где я находился, был на втором этаже и служил приемной для покупателей. В неоновом свете пластмассовые манекены в безупречных костюмах, каких не бывает на живых людях, источали обворожительные голливудские улыбки. Стены сплошь задрапированы гофрированными образцами пошивочного материала. Появлявшиеся в дверях клиенты держались скованно, застенчиво. Это не вязалось с рекламным принципом торговых фирм Франции, которые утверждают: «Покупатель для нас — король». У здешних покупателей королевских манер не чувствовалось.

Вероятно, на человека, собравшегося истратить значительную сумму денег, действуют некие психологические факторы. Во-первых, это отнюдь не каждодневный его поступок. Скажем, булку или сигареты покупают машинально, не задумываясь. Но приобрести костюм или пальто — совсем иное. Во-вторых, эти учтиво обволакивающие своей железной хваткой продавцы. Со вкусом одетые, являя собой живую рекламу фирмы, они, как артисты сцены, четко играют заданную роль. Тот, кто постарше, выступает этаким степенным маэстро, искусствоведом. Задумчиво и долго разглядывает он смущенного клиента, прежде чем вынесет свой вердикт, что тому надеть. И от такого гипноза покупатель начинает казаться самому себе одетым скверно, немодно, и беспрекословно соглашается со всем, что ему предлагают.

Мой приказчик по имени Жункес, за которым я наблюдал из своего угла в холле, выступал в другом амплуа. Средиземноморский темперамент кружил его волчком вокруг оторопевших клиентов, и он расправлялся с ними так быстро и ловко, как опытный иллюзионист с приглашенной из зала на сцену публикой. Он балагурил, шутил, пылко убеждал сомневавшегося, что именно апельсиновая куртка годится в нынешний сезон, что именно велюровые брюки сделают элегантным мсье с необъятным животом.

— Взгляните на меня,— увещевал он недоверчивого иностранца, опасливо примерявшего широкий пиджак.— Взгляните на меня — я ношу точно такой же, и я очень доволен, потому что мне просторно и мне не жмет!..

При виде Жункеса думалось, что и в самом деле он должен быть всем в жизни доволен, он внушал это своим преуспевающим обликом и пружинящей бодростью.

* * *

Неподалеку от Марселя в купоросно-зеленых водах Средиземного моря есть скала, на вершине которой старинная крепость — замок Иф. В далекие века здесь томились знаменитые узники, здесь, по преданиям, был заточен таинственный «Железная Маска». Замок Иф прославлен Александром Дюма в романе «Граф Монте-Кристо». Некогда неприступная, зловещая крепость ныне гостеприимно открыта для туристов.

От Марселя до скалы резво бегают рейсовые катера с экскурсантами, в числе которых оказался и я. Обойдя крепость по рекомендованному маршруту — сводчатые темницы, винтовые лестницы, дозорные вышки,— попадаешь в застекленное, как аквариум, кафе, где, помимо напитков и бутербродов, идет прибыльная торговля сувенирными поделками. Несчастные узники и персонажи Дюма широко представлены в виде брелоков и настенных термометров.

Не знаю, как такое случилось, но я оказался за соседним столиком с моим вчерашним приказчиком Жункесом. Мир действительно тесен. Даже в многолюдных городах бывают такие неожиданные встречи. Не берусь утверждать, что он узнал меня в лицо, скорее по одежде из своего магазина.

Как это и полагается у французов, воскресный день Жункес проводил с семьей. Пышная, во всем ярком мадам; аккуратно одетые, уравновешенные подростки — мальчик и девочка. Программа осмотра крепости была уже выполнена, и семья благодушно отдыхала за прохладительными напитками и бордовым фруктово-ягодным мороженым.

У нас затеялся разговор, один из тех банальных разговоров, когда говорят о чем попало.

— Вчера в магазине я обратил внимание на вашу обходительность. В вас чувствуется веселый нрав, покладистый характер.

Жункес моментально согласился, а жена охотно, без ложной скромности это подтвердила.

— А это оттого, что я всем доволен. Работой, семьей, самим собой.

— И давно вы так?..

— Всю жизнь. Сколько помню себя.

— А, простите, с какого возраста вы себя вспоминаете?

— С самого раннего... Помню, как мальчишкой забавлял взрослых в нашем квартале. Бывало, подзовут меня и предлагают на выбор две монеты — пять и десять сантимов. Я всегда выбирал пять. Взрослые потешались, вроде бы дурачком считали меня. А я-то знал, что если выберу десять сантимов, то уж второй раз ничего не предложат... Так кто же дурак? И я был доволен, и игра всем нравилась. Потом, помню, некоторое время была война. Не хватало молока, не хватало хлеба... И еще, кажется, было трудно с вином. Мы продали тогда хорошую железную кровать... Я всегда работал в лавках, магазинах, пошивочных мастерских. Конечно, была мечта — насчет своего собственного дела, насчет ателье... Но не вышло.

— Хорошо зарабатываете?

Супруги переглянулись, словно спрашивая друг у друга: что ответчать? Мадам опустила глаза.

— Жить можно. К зарплате набегает премия. Кто больше продает, тому выходит надбавка. В магазине «Тьери» я уже семнадцать лет.

— Мсье Жункес, я журналист. И мне любопытно, какими были эти семнадцать лет. Как вы их прожили...

Южане общительны, словоохотливы. Особенно они любят порассказать о себе. Я знал такую черту, знал и то, что прессу во Франции обожают, а журналисты — самый почитаемый народ, им раскрыты сердца.

— О, это целый роман, эпопея! — воскликнул Жункес.

Он делал заговорщические гримасы, щурил глаза, растопыривал пальцы, как бы примеряясь, с чего бы такого начать. Но не находил. И был похож на упрямого водителя, у которого наглухо сел аккумулятор, а он, насилуя стартер, упорно пытается завести мотор. Ему очень хотелось раскрутить свою жизнь увлекательной кинолентой, чтобы все ахнули: и я и домочадцы. В конце концов Жункес заговорил, нелогично перескакивая от одной темы к другой. Незаметно поправляемый моими наводящими вопросами, он, однако, скоро вырулил на гладкую дорожку своей собственной биографии и покатил по ней со скоростью размеренного повествования. И получилось вот что...

Между утренней трелью будильников и вечерней сиреной перед закрытием магазина проходит ровно полсуток. Поэтому за шесть рабочих дней в неделю в жизни мсье Жункеса никаких событий не происходит лишь потому, что они не могут произойти.

Конечно же, работа есть работа. Это только кажется, что продавец может себе все позволить... Надзор, лишение премии, а там,

РОБКА

глядишь, разнос начальства — и за порог. Я видел, как, не жалея ног, не скупясь на радушие, носится Жункес с прилепленной на весь день улыбкой по этажам пошивочного комбината. Он сам сравнивает себя с рабочим у конвейера, для которого тысячи пропускаемых деталей видятся как одна, сливаются в один штамп. Так и для него эта конвейерная вереница покупателей — все на одно лицо... Получается, что шесть одинаковых дней как-то сами собой спрессовываются, слипаются, и их уже нельзя расслоить и припомнить.

Промежуток времени перед сном расходуется на телефильм и подсчет долгов за купленные в рассрочку предметы домашнего обихода, за квартплату, газ, электричество.

Зато воскресный день — праздник, это всегда прекрасный день независимо от погоды. Вот об этом дне стоит рассказать, в него действительно напичкано столько интересных событий. Поэтому воскресенье смакуется, как любимое блюдо, каждый драгоценный час дня обсасывается, как вкусная косточка.

Завтрак проходит не на кухне, как в обычные дни. Семья завтракает в столовой, не спеша, не следя за часами. Горячие плюшки, клубничное варенье, ароматный кофе... Это ли не прекрасно? Дети болтают о школьных делах, жена докладывает о подскочивших за неделю ценах. А впереди еще целый, почти не начатый свободный день, и прожит он будет славно, увлекательно...

Если день выдается солнечный, а таких в Марселе в году больше, чем пасмурных, то можно, например, отправиться на прогулку, побывать в окрестностях, покатать детей на пони, сводить в зоопарк. Многое можно придумать, когда сам себе хозяин. И, постепенно придвигаясь, подойдет и наступит обеденное время. Воскресный обед во Франции, как всему миру известно,— это ритуал, святая святых.

Идеально, конечно, всем семейством отправиться в ресторан. Хотя в последние годы Жункесы обедают исключительно у себя дома. Дороговато обходится на четверых выход в приличный ресторан. А если не в приличный, то лучше совсем не ходить — таким накормят!..

Судите сами, ведь когда заказываешь праздничный обед в хорошем ресторане, то не откажешь себе в бутылке марочного вина, а напоследок, после кофе, в рюмке душистого коньяка или кальвадоса. И не будет праздника для детей, если не обрадовать их слоеным тортом с черникой или политым горячим шоколадом мороженым «мистер»... А это стоит денег. А цены, как температура у заболевшего,— постоянно вверх. Теперь хороший обед на четверых обходится в стоимость неплохого пальто для дочери.

Нет, в ресторанах бывать совершенно необязательно. Транжирить деньги легко, когда есть лишние. В воскресенье лучше устроить пикник, набрать всякой снеди и махнуть за город. Есть, правда, некоторое неудобство с транспортом: Жункесы без автомашины. Они бы ее давно купили, какую-нибудь подержанную, но подсчитали слагаемые расходов на содержание и отказались. На одном бензине вылетишь в выхлопную трубу: полный бак — две пары обуви! Особенно не раскатаешься... А еще обязательная страховка, ежегодный налог, профилактика, ремонт, гараж, платные стоянки, дороги и мосты, огромные штрафы за малейшие нарушения — все это в такие цифры выкладывается, что и подумать страшно. И получается, что ты не на машине, а под ней — придавленный. Конечно, в фигуральном смысле, но от этого не легче. Нет, автомобиль Жункесу не по карману.

Поэтому по уважительным, как мы видим, причинам семья марсельского приказчика не бывает по воскресеньям в ресторанах и очень редко выезжает за город. В гости тоже не ходит. И у себя, в общем-то, не принимает. Но так живут не только Жункесы, все, между прочим, сейчас именно так и живут. Вспоминается, что прежде, во времена их молодости, было принято собираться компаниями, что-то обсуждать и спорить. А теперь — нет, теперь жизнь строже, серьезнее. Да и с кем и когда дружбу водить? Не с кем... На работе все так надоедают друг другу за долгий, суматошный день, что никому в голову не придет встречаться еще и в воскресенье. Немыслимое дело! Можно, конечно, пригласить Поля, брата жены, с супругой. Но сам Жункес не очень благоволит к этому заядлому спорщику, который начинает придираться уже с порога, и по любому делу у него всегда свое особое мнение. Такой уж характер, чтобы наперекор всем. Нет, с Полем лучше не связываться.

Поэтому выходной день чудеснее всего провести в кругу собственной семьи. И лучший обед — свой, домашний, приготовленный женой. Она-то знает в кулинарии толк. Ни в одном ресторане вам не подадут такой луковый суп, какой получается у мадам Жункес. Потому что она из крестьянской семьи и знает фамильную тайну его приготовления. Фокус в том, чтобы, когда варево закипит, опустить на дно кастрюли... хрустальную пробку! Может быть, покажется чудачеством, но пробка здесь очень важна, она не дает луку и сыру пригорать, что ли... В общем, трудно это объяснить, но хрустальная пробка в луковом супе необходима.

После домашнего обеда можно делать все что угодно. А впереди еще масса времени. Можно, допустим, отправиться в кинотеатр. Но семья Жункеса в кино практически не ходит. Посудите сами: четыре билета в театр первого экрана обходятся в стоимость квартального налога на телевизор. Спрашивается, зачем в таком случае покупать телевизор?

Кстати, о кинофильмах. Сейчас повсюду прокручиваются такие фривольные картины, что с детьми туда лучше и не показываться: стыд и срам!

После хорошего обеда самое лучшее дело — включить вторую программу с Жаком Мартеном. Вся Франция как зачарованная смотрит эту увлекательную воскресную передачу. Знаменитые певцы, скетчи, шаржи и в финале — ковбойский или детективный фильм...

Однако самое долгожданное, самое замечательное время — период летних отпусков. В июле — августе вся деловая и торговая жизнь замирает, успокаивается, ее просто нет. Франция отдыхает. Не все, конечно, но многие куда-то едут. Одни — к морю, другие — в горы. По-разному. А вот Жункесам ни ехать, ни стремиться никуда не надо. Ведь они и так на курорте. Море и пляж рядом, хочешь — купайся, хочешь — загорай.

Как уже говорилось, Марсель — особый город. Здесь и в летнее и в зимнее время уйма приезжих. Но летом их больше, летом бывают такие шквальные приливы туристов со всего света, что опытные продавцы в больших магазинах нарасхват. Когда вторая зарплата просится сама в карман, то почему ее упускать? И Жункес не упускает. Согласитесь, ведь глупо целыми днями лежать на солнце или слоняться по городу, который знаешь, как свой магазин. Так что за летний отпуск приказчик неплохо подрабатывает. И это весьма кстати — новый учебный год требует новых учебных расходов. Книги, тетради, всякие там пособия — и дополнительной зарплаты как не бывало!

От учебников наш разговор переходит к книгам вообще, к новинкам литературы. Каждую осень издатели вываливают на витрины и прилавки магазинов груды новых книг. Конкурсы, ярмарки, фестивали заканчиваются присуждением пятисот литературных премий — от Гонкуровской до какого-нибудь местного приза здешних сыроварен или виноделов. Оказалось, что Жункесы книг не покупают совсем. Почему? Ну, как вам сказать... С одной стороны, книги очень дороги, особенно всякие модные романы, с другой — за всеми новинками не угонишься... Да и когда читать? А телевизор опять же зачем? На голубом экране каждый вечер как минимум три фильма на любой вкус. И дети не читают — ни книг, ни газет. Им и учебников хватает.

Постепенно стеклянная веранда нашего кафе наполнилась густым солнечным зноем. Дети Жункеса, изнывая от жары и скуки, умоляюще поглядывали на разговорившегося отца. Надо было выручать молодежь. Я поднялся, простился со всей его семьей и по ломкой тропе пошел к причалу рейсового катера. Отплывая, увидел с палубы, как вприпрыжку припустились по скале дети Жункеса. Приказчик с женой неторопливо направлялись к каменной арке старинной крепости. Видимо, они решили ее снова осмотреть — в этот воскресный день вторично.

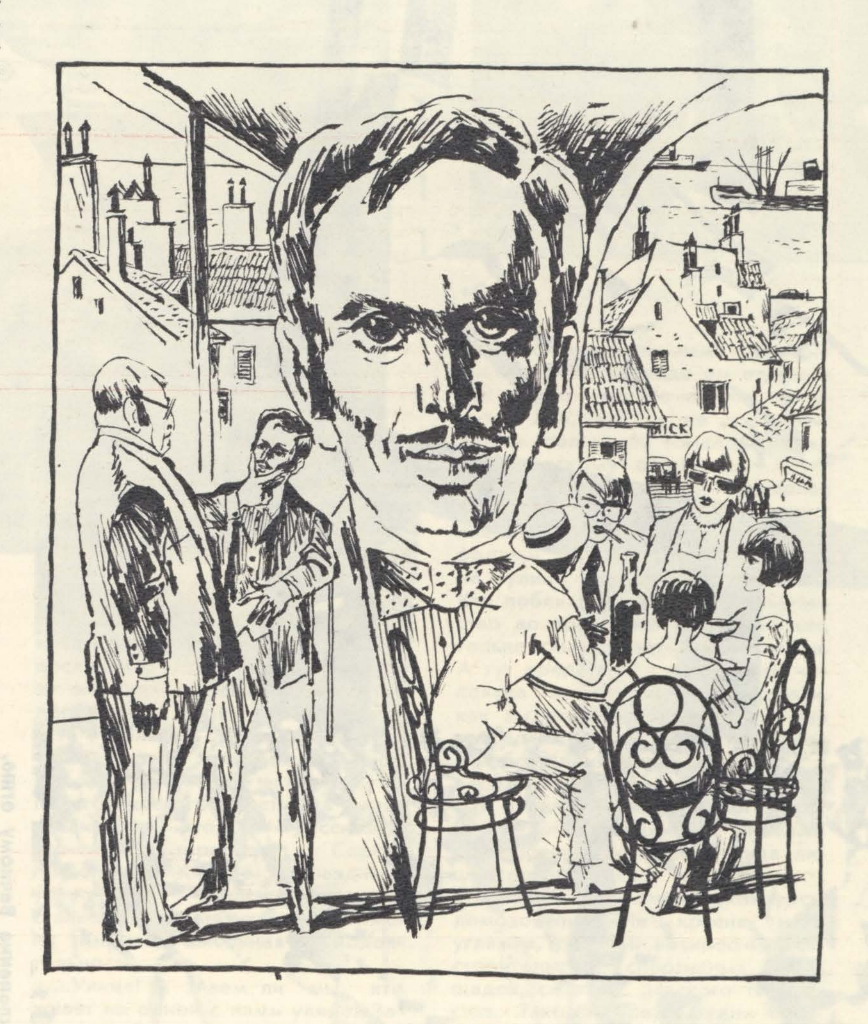

Рисунок Е. ШУКАЕВА

БУДНИ НАЧ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото Г. РОЗОВА

...«Бой» сразу выплеснул на Двину отвагу и ярость. Лодки неудержимо рвались к берегу, где оборонялся «враг». А тот «огнем» пытался утопить их в реке. Но наступавшие доплыли. На берегу вспыхнула «рукопашная». Наступавшие одолели оборонявшихся. На том и закончилось театрализованное представление на Двине, воссоздавшее картину боя за освобождение Витебска в июне 1944 года.

Тысячи людей наблюдали за представлением с берегов реки. Кто-то из них, наверное, вспомнил, как выглядел город,— вернее, то, что осталось от довоенного города,— в июньский день 1944-го. И цифры — 180 тысяч жителей перед войной и 118 человек после изгнания оккупантов.

О многом напомнило представление на Двине. Оно как бы перелистало страницы истории Витебска, с той древней поры, когда княгиня Ольга приплыла на ладье со своими людьми в здешние места. И заложила на речке Витьбе у впадения ее в Двину город по имени Витебск.

Самодеятельность предприятий всего города участвовала в красочном, выразительном действе, а помогали ей артисты областного драматического театра, профессиональные музыканты.

В горкоме партии прикинули: в празднике, посвященном юбилею Витебска, участвовало по меньшей мере 10 тысяч человек. Кто готовил костюмы, кто—карнавальный реквизит, кто выступал на площадях и сценах...

Праздники в честь рождения города стали в Витебске традицией. Зародилась она в 1974 году, когда готовились отметить тысячелетие города и сообща думали о том, чтобы не ограничиться несколькими днями юбилея, а взять что-то оттуда в повседневность и воспитывать на этом горожан, воспитывать в духе дружбы людей, живущих в одном доме, на одной улице.

...Женщины упорно стояли на своем: не надо к ним на Ленинградскую улицу переносить агитплощадку — шум от нее житья не даст. Им доказывали, что поскольку прежняя площадка оказалась в районе застройки, место для новой облюбовали сообща и менять не будут. Тогда они, раздосадованные и сердитые, заявили: облюбовали — переносите, но нашей ноги тут не будет!

А примерно через год те же самые женщины хлопотали на новой площадке: сажали цветы, кустарники и при этом спорили, чье предложение насчет зеленого наряда лучше. Тянуло теперь на площадку — там интересные беседы, самодеятельные концерты, полезные лекции... Ну, а как же с шумом? Да ведь шум шуму рознь. Бывает он такой, что на пользу людям.

Витебский городской комитет партии долго и настойчиво добивался, чтобы в полезности новых традиций убедился каждый горожанин и чтобы традиции эти вошли в каждый дом. Тогда, рассуждали в горкоме, любовь к городу воплотится в труд на его благо. Зерна новых начинаний помогут благотворно воздействовать на человека не только в стенах завода или учреждения, школы, но и в стенах его дома, как говорится, по месту жительства.

Проросли те зерна, естественно, не сразу. Когда к тысячелетнему юбилею бросили клич благоустроить улицы, набережную, скверы, его восприняли по-разному. Были такие, что приходили в районные штабы и говорили: «Чем могу быть полезен?» А были и такие, что тайком выкапывали розы, высаженные к празднику на площадях. Постепенно у плохого отмирали корни, а хорошее закреплялось.

Начали с того, что город раз-

Поклонение Вечному огню.

...инаются с праздника

били на микрорайоны и закрепили их за сильными производственными парторганизациями, которым в помощь дали коллективы послабее, как бы пристяжных к кореннику. И сразу нацелились на то, чтобы спрессовать усилия всех, кто так или иначе причастен к жизни микрорайона,— школ, депутатских групп, уличных комитетов, добровольных народных дружин, домоуправлений. Избрали советы общественности, они-то и стали координирующими центрами.

В планировании помогли социальные паспорта районов. Здесь — необходимые для советов общественности сведения: сколько в микрорайоне человек, сколько из них живут в общежитиях, в частных домах; сколько взрослых, детей школьного и дошкольного возраста; сколько и где работающих; сколько пенсионеров. Советы взяли на учет неблагополучные семьи, трудных подростков. Располагая таким паспортом района, легче избежать бездумного «охвата» для «галочки».

...С., паренек из 15-й школы, числился в трудных. Школа пыталась как-то повлиять на него, но, видно, тамошние воспитатели не дотянулись до этой отдельно взятой судьбы. Председатель совета общественности седьмого микрорайона, доцент медицинского института Михаил Александрович Никольский вместе с педагогом-организатором при домоуправлении Зинаидой Сергеевной Савченко искал ответ на простую и в то же время сложную задачу: дан «нестандартный» подросток — как помочь ему найти правильные ориентиры в жизни? Перебрали много всяких средств, испытали разные педагогические приемы, пока не обратили взгляд на студенческие строительные отряды. А что если мальчишке попробовать подышать их воздухом — в нем ведь очень здоровые компоненты: трудолюбие, романтика, дружба, добрый дух сотрудничества. Договорились, что паренек поедет с отрядом студентов ветеринарного института. Поехал. Вернулся совсем другим.

...У семиклассника Саши Кохана уроки истории всегда будили желание «потрогать» старину своими руками. А тут, словно по Сашиному заказу, в Витебске начались раскопки древнего городища. Михаил Александрович и Зинаида Сергеевна, узнав об увлечении Саши, попросили археологов взять его на время каникул к себе. Для Саши те каникулы обернулись настоящим праздником...

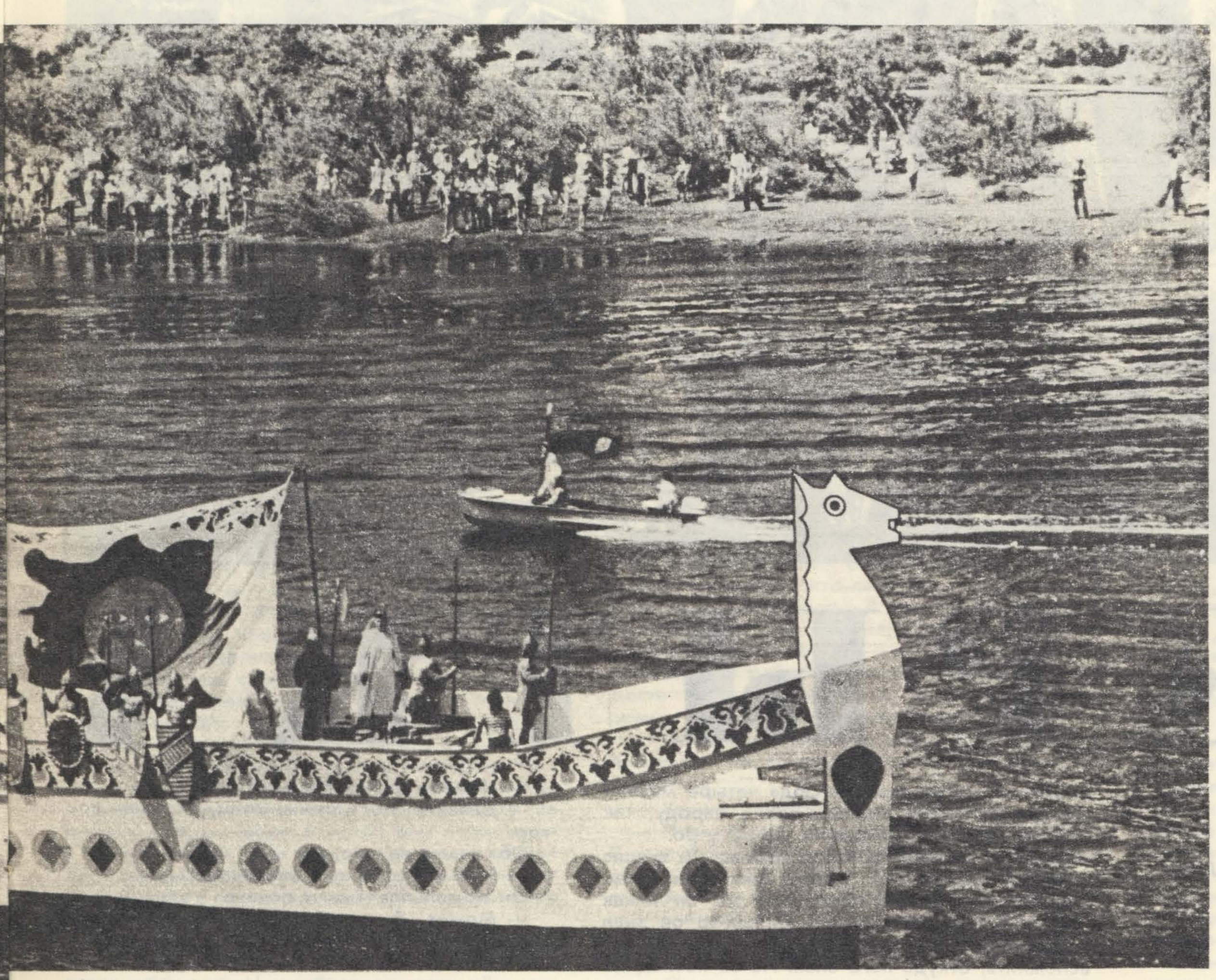
Среди целей, которые поставил перед советом общественности первого микрорайона его председатель Николай Иванович Мартихин, была и такая: чаще устраивать встречи депутатских групп с населением. Периодически группы заседают. Так вот, пусть объявляют о своих заседаниях, чтобы пришли все, кто хочет участвовать в разговоре или просто послушать, что-то выяснить. И сразу оживились заседания, заметно прибавилось в районе активистов.

А сколько дают праздники улиц! Перед праздником улицы Кирова, например, активисты из педагогического института разыскали всех, кто мог рассказать что-либо интересное о Сергее Мироновиче Кирове. В празднике участвовали производственники станкостроительного завода имени Кирова, школьная самодеятельность.

...Улица! А знаем ли мы, кто живет на одной с нами улице? Защитники Родины, ветераны труда, люди с поучительными судьбами — как много надо им отдать и как много можно от них получить! Где, как не на празднике улицы, положишь начало живому человеческому общению!

На своем-то заводе Николая Федоровича Лукьянова, конечно, знают. С довоенных лет связан с родным станкостроительным. А на улице, где Лукьянов живет? Кто поближе — знают, а большинство до праздника улицы, может, только слыхало что-то краем уха. А тут представили достойного человека торжественно, рассказали, как выдавал Николай Федорович на своем заводе первую после освобождения Витебска плавку, а перед тем восстанавливал разбитый и разоренный врагами завод. После того праздника к Николаю Федоровичу будто вся улица лицом повернулась.

...Вечера поколений, конкурсы домохозяек «Не красна изба углами», ребячьи воскресники по строительству спортивных площадок, смотры детского творчества. Таковы теперь будни советов микрорайона.

Праздничные ладьи на Двине.

«Скоро наш выход...»

ОТКРЫТКА

Павел **ФРАНЦОУЗ**

РАССКАЗ

Рисунок А. Лурье

Павел ФРАНЦОУЗ—молодой чешский писатель, автор многих коротких рассказов о жизни наших современников. Рассказы П. Францоуза печатались в советской периодической прессе.

На улице палило жаркое, ослепительное солнце, а в амбулатории небольшого городка словно не чувствовалось, что наступил конец июля: тут царил холод и мрак, пахло лекарствами и дезинфекцией. А в остальном здесь было неплохо. На стульях, расставленных вдоль стен, сидели лишь двое: парень с забинтованной рукой и длинная, худенькая девушка.

Он вошел в комнату, поздоровался, закрыл за собой дверь и, сев на один из стульев, вспомнил: когда заходил сюда четыре месяца назад, тут было полным-полно народу, так что он провел в ожидании целое утро.

Дверь в кабинет врача открылась, и вышла молодая женщина с маленьким мальчиком. Она показалась ему знакомой, но он никак не мог вспомнить, кто она. Когда-то он знал в своем городке почти каждого и всегда мог вспомнить, откуда кого знал. Но за последние десять лет знакомых лиц стало значительно меньше, появилась масса новых, молодых людей, о которых он в большинстве случаев не имел ни малейшего представления.

— Следующий,— произнесла сестра, и в кабинет врача направился парень с забинтованной рукой.

Заметив, что на столе, стоявшем посередине комнаты, разложены газеты, он подошел, взял одну из них и только начал просматривать, как уже показался парень с новой повязкой на руке; девушка, по-видимому, пришедшая вместе с ним, встала, улыбнулась ему, и они вместе вышли из амбулатории.

— Следующий,— сказала сестра.

Следующий был он. Положил газету, встал и вошел в кабинет врача.

— Ну как, отец?

— Вот я получил...

Он сунул руку в карман и протянул доктору открытку с извещением.

— Да, это мы вам послали. Хотели знать, как ваша грыжа. Не мешает ли? Не болит?

— Немножко. Иногда,— ответил он.

— Давайте посмотрим, отец,— сказал доктор.

Оба зашли за ширму.

— Мне кажется, она увеличилась.

Он пожал плечами и покачал головой.

— Может быть, вы делали какую-нибудь тяжелую работу?.. Или поднимали что-то тяжелое?

— Да нет,— солгал он.— Ничего я не делал. Разве что обычные дела. Так, около дома...

— Лучше было бы ее зашить,— посоветовал доктор.— Что вы на это скажете?

Он пожал плечами.

— Сестра, запишите, пожалуйста... Койку в хирургическом.

— Ладно,— согласился он.— Только...

— Что, отец?

— Нельзя ли немножко повременить. Так недельки три или четыре, если можно. Я должен... Мне надо... еще кое-что сделать...

* * *

Он разломил сигарету на две части. Одну половинку снова положил в пачку, другую всунул в почерневший, вишневого цвета мундштук. Зажег ее и вышел из мрачного коридора амбулатории на улицу, на раскаленный тротуар. Никогда в жизни он еще не лежал в больнице, не имел представления, что это такое, да, собственно, и не интересовался

этим, а теперь его одолевали вопросы, сколько времени придется там пролежать, как долго это будет длиться, прежде чем все снова наладится. Наконец он пришел к выводу, что пусть все будет, как будет, потому что до зимы он все равно всего не успеет сделать. Потом он думал только об этих трех неделях, которые у него оставались, о том, что теперь ему следует предпринять, чтобы успеть сделать по крайней мере самое главное. Прежде всего надо было направиться к Машату, потому что многое зависело от него. Итак, пойти и сразу же с ним договориться, чтобы он случайно не взялся за какую-нибудь другую работу. Был полдень. Старик зашел к Машату, но того не оказалось на месте. Тогда он решил заглянуть в кафе «У оленя», где обнаружил Машата в компании двух его учеников. Они ели гуляш и пили пиво.

Старик подсел к ним и заказал то же самое.

— Так что, дед? Начнем в субботу? — спросил Машат.

— В субботу,— ответил он, кивнув.— Прошу тебя и не только в эту, но и в следующую. Надо сделать и ванную.

— А кафель есть?

— Есть,— ответил он.

— Откуда вы его взяли?

— Откуда? — переспросил он и, гордо улыбнувшись, стал рассказывать, как он зашел в строительную организацию, но там были только разноцветные плитки, которые обычно кладут на почтах и вокзалах, да итальянский кафель с фиолетовыми цветочками, очень красивый, но не по карману пенсионеру — сто двадцать крон за метр; тогда ему пришла в голову мысль, не попытаться ли поехать на керамический завод и попросить продать ему немного обычного кафеля; так он и сделал: взял сумку-тележку, сел в поезд и поехал; когда подошел к воротам завода, наткнулся там на вахтершу, которая ни за что не хотела его пропустить; пришлось ее обмануть; так добрался он до дирекции, но там ему сказали, что не могут продавать кафель поштучно частным лицам — по всему было видно, что они хотели от него поскорее избавиться, но он не отступал: решил пойти к директору; но там ему сказали, что директора нет и сегодня не будет, однако он, несмотря на отказ, сидел и ждал; и тут подошел к нему человек в комбинезоне и спросил, откуда он и что делает, давно ли на пенсии; они разговорились, и он даже признался, что во время войны был в концлагере; тогда тот человек встал, куда-то вышел и, видно, договорился обо всем: принес бумажку и повел его во двор завода; там лежала куча бракованных кафельных плиток, но было среди них много совершенно целеньких и хороших, разве только с небольшим дефектом с обратной стороны, но ведь ею она все равно ляжет на цемент; человек в комбинезоне помог ему отобрать лучшие и положить их на тележку; так что он получил все это совершенно бесплатно; вахтерша, когда он проходил мимо нее, страшно удивилась; и вот он притащил свою сумку-тележку на вокзал, добрые люди помогли ему поднять ее в вагон. Как он был рад, когда возвращался на поезде домой, а потом тащил тележку среди ночи с вокзала; жаль, двенадцать штук в дороге все же разбилось.

— Ну, что же... хорошо...— проговорил Машат.— Только теперь потребуется еще на одну субботу больше. Да и кирпича — вместо двух тысяч штук две тысячи восемьсот.

— Не волнуйся,— сказал он,— у меня все есть.

* * *

Они работали с раннего утра. Сейчас был полдень, и боль давала знать о себе все чаще и острее. Он приготовил для Машата новую порцию раствора, переложил его в тачку и присел на минутку отдохнуть. Надеялся, что боль немного утихнет, но ждать было некогда. Он поднял тачку и покатил ее по бугристой земле, потом по доске, лежащей на ступеньках, вверх, в дом, через коридор в ту комнату, где Машат укладывал половинки старых кирпичей вокруг новой оконной рамы. Комната была пустая. Остался в ней только большой, массивный шкаф, который был слишком тяжел для того, чтобы он один мог его куда-нибудь перетащить. Шкаф покрылся розовой кирпичной пылью. То же было со стулом, испачканным еще цементным раствором. Он подвез тачку к Машату и сел. Затем поднялся, взял кувшин с пивом, стоявший на шкафу, налил себе, выпил и снова опустился на стул.

— Ну вот, теперь совсем немного осталось,— сказал Машат.

— Хорошо...

Машат взял следующую половинку кирпича, подровнял его ударом молотка и положил на раствор. Взглянув на облицовочную плитку, сказал:

— Плитка очень красивая, теперь такая в моде, особенно вот этот узор. Жаль, что у вас ее больше нет...

— Больше нет,— ответил он.— Тот человек на заводе все мне подсчитал, сколько будет нужно... в соответствии с площадью. Он говорил, что они делают эту плитку на экспорт, посылают куда-то...

— Дед, смотрите, кто-то к вам приехал,— прервал его Машат.

— Ко мне?..

— Вроде как к вам.

Он встал со стула и приблизился к окну. Перед домом стояла темно-синяя запыленная «симка». Из нее вышли трое — Ярушка в легком, цветастом платье, маленький Петршик в шортиках и зять в расстегнутой, пропитанной под мышками потом рубашке.

— Привет, папа! Привет! — крикнули они.

Он поспешил из дома навстречу им. Обнял дочь, пожал руку зятю. Петршик бросился дедушке на шею, поцеловал его. Тот хотел поднять его, как раньше, но, почувствовав острую боль в животе, опустил на землю.

— Дедушка! Я привез тебе открытку!

— Да?!

— Я ее написал, но забыл послать, поэтому теперь привез ее сам. Вот она!..

— Спасибо, что ты у меня такой хороший.

Он взял из рук мальчика открытку и погладил внучка по головке.

— Мы были в отпуске... на море,— сказала дочь.— На обратном пути решили заглянуть к тебе... Боже мой, во что ты одет? У тебя нет других ботинок? Чем ты занимаешься?..

— Чем? — повторил он.

Этой минуты он немного боялся, но теперь обрадовался, что сможет показать им все.

— Пойдемте покажу!

Он сунул открытку в карман и, идя впереди, повел их во двор. Там остановился у столбиков аккуратно сложенных и очищенных старых кирпичей.

— Вы что-то разобрали? — спросил зять.

— Сарай,— кивнул он.— С одной стороны, с ним нужно было что-либо делать. Вся крыша пришла в негодность. С другой стороны, я приобрел вот этот капитал,— он нежно провел ладонью по кирпичам,— им я расплачусь с рабочими за работу, а весной посажу на этом месте траву и, возможно, какое-нибудь деревцо, скажем, грушу или вишню...

— Пойдемте,— сказал он, приглашая в дом,— там ты, Ярушка, увидишь кое-что интересное...

— Ванная! — воскликнул Петршик.

— Правильно! Ванная! А рядом — туалет! Пожалуйста, посмотрите! Все тут будет выложено кафелем.— И он показал на аккуратно сложенные в углу плиточки.— Пойдемте дальше за мной.— Он подвел их к Машату.— Уже готовы рамы для новых окон. Посмотрите, сколько здесь будет света!..

— Отец, да ты с ума сошел! — сказала дочь.

— Подожди, подожди! Какая тут станет красота, когда все будет готово! Еще надо привести в порядок крышу, трубу и навести внешний лоск. Но в этом году я все сделать не успею. Разве только на следующий...

— Нет, ты действительно сошел с ума! Скажи, зачем тебе все это надо?..

Он замолчал.

— Что ты тут надрываешься? К чему так убиваешь время? Или у тебя его слишком много? Ты, наверное, и на рыбалку перестал ходить? Раньше каждую свободную минуту бежал на реку, а теперь, когда ты мог бы вдоволь сидеть на берегу, занимаешься вот этим... На старости-то лет! Для чего это нужно, отец! Зачем ты все это делаешь, скажи!..

— Зачем? — повторил он и с надеждой в голосе ответил: — Затем, чтобы вы однажды захотели сюда вернуться.

— Мы?..

Он кивнул.

— Но ведь мы... Мы же тебе уже говорили!..

Он смотрел на них и молчал.

— Для этого у нас нет никаких оснований! Зачем нам это делать?!

— Может быть, когда-нибудь... вы измените это свое мнение,— сказал он.

— Не изменим!.. Не изменим, отец! Ведь мы об этом уже говорили. А ты, прошу тебя, не талдычь одно и то же! Мы теперь живем так, как мечтали. У нас есть хорошая работа, красивая, удобная квартира... Знаешь ли ты, что значит получить в большом городе такую квартиру? Пойми, у нас все — там! Друзья, знакомые, положение, перспективы... Все!

— Здесь у вас было бы все то же самое,— возразил он.— И сверх того — еще чистый воздух.

С улицы в дом вбежал Петршик.

— Дедушка! Я замесил тебе цемент!

— Ну, ты и затеял стройку! — сказала дочь и схватила мальчика за руку.— Прошу тебя, отец, одумайся! — Она повела сына в ванную комнату.

— Ведь вы же родились на этой земле,— увещевал их старик,— неужели вам не бывает грустно?

— Иногда,— проговорил зять.— Иногда бывает...

— Вот видишь! Здесь вам было бы неплохо...

— Конечно, неплохо,— ответил зять.— Но нельзя исходить только из этого...

— Нельзя? А из чего же можно?

— Сегодня жизнь идет несколько по-другому, отец.

— Это как — «по-другому»?

— Сегодня у каждого есть какая-нибудь определенная профессия...

— Ну и что? — спросил он.— Ты думаешь, вам здесь нечего было бы делать?

— Да нет, не в этом дело,— улыбнулся зять.— Я бы сказал так... У каждого есть своя мечта. Каждому хочется чего-то достичь в жизни. И в этом, я считаю, нет ничего плохого, даже наоборот... Каждый имеет на это полное право. И если человек хочет что-либо сделать на определенном уровне, ему не приходится выбирать. Он должен применить свои силы там, где это требуется! По-другому поступать нельзя!..

— На уровне, говоришь...

— Вот именно!..

Оба замолчали и следили за работой Машата, который укладывал вокруг оконной рамы половинки кирпичей.

Из ванной комнаты вернулись Ярушка и Петршик.

— Папа,— сказала дочь,— нам пора уезжать. До вечера мы должны вернуться домой. Надо еще навести порядок в квартире, а завтра уже на работу...

Он вышел с ними из дома, подошел к машине, обнял дочь, пожал руку зятю и поцеловал внука.

— Мы приедем к тебе,— сказала Ярушка,— где-нибудь в августе или в начале сентября, как только сможем. А ты, отец, одумайся! Лучше ходи на рыбалку, а все это,— она взглянула на дом,— брось... Прошу тебя!..

Он стоял и махал им до тех пор, пока машина не исчезла за поворотом.

После этого он вернулся в дом к Машату. Опустился на стул, всунул половинку сигареты в мундштук и закурил. Затем вспомнил об открытке. Достал ее из кармана. На ней были изображены две смеющиеся рыбки. Они плавали в зелено-голубой воде. Одна из них играла на гитаре, а другая танцевала. Адрес на открытке был написан неровным детским почерком, кроме того, он был неполным, а рядом с ним было послание от внука: «Привет, дедушка! Как ты поживаешь? Мы здесь на море. Я тебя целую». Подписать Петршик забыл.

Он сидел, молчал, снова и снова читал слова на открытке, смотрел на веселых рыбок, думал о дочери, зяте, Петршике, вспоминал своего отца, от которого он унаследовал этот дом и который теперь мечтал передать по наследству своим детям.

— Послушайте, дед,— прервал его мысли Машат,— если вам вдруг не понадобится этот кафель... так я нашел бы на него покупателя...

Перевела с чешского
Н. ШАХУРИНА.

ВСТРЕЧА С ВОЛОГДОЙ

земля родная

Дмитрий ЖУКОВ

Фото М. САВИНА

О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...
К. Н. Батюшков

Красоту вологодскую разглядишь не сразу. Если начать от вокзала и пройти до недалекого центра, то покажется, что в городе слишком много бань, банков и прокуратур, что небо застит пыль от сносимых деревянных домов и вздымающихся меж них белых блоков. Першит в горле. Теснит сердце от несочетаемости нового и старого, такого ветхого и убогого, такого сплошь серого, что незаметны сперва ни резное кружево карнизов, ни былая нарядность фигурных столбиков северных «лоджий». Но осядет пыль, пройдет раздражение, вызванное дорожной усталостью, и откроется неброская красота Вологды. Так вот не сразу разглядишь прелесть иной статной женщины-северянки, с ее русыми косами, серыми глазами и бледным задумчивым лицом, не раскрашенным ярко...

Я ехал на Вологодчину с заведомо неосуществимым намерением — осмыслить, почему эта скудная земля, большую часть года заваленная снегом, обдуваемая ледяными ветрами, заливаемая бесконечными дождями, придавленная низким серым небом, земля болот и густых, но невысоких лесов вдруг стала средоточием духовности, породила плеяду современных литературных талантов: от покойных уже Александра Яшина, Николая Рубцова и Сергея Орлова до здравствующих ныне на своей родине Василия Белова, Ольги Фокиной, Виктора Коротаева, Александра Романова и других, не говоря уже о переехавших в столицу Сергее Викулове, Феликсе Кузнецове, Владимире Тендрякове, Валерии Дементьеве, Леониде Фролове... Впрочем, «убыль» пополнил Виктор Астафьев, недавно избравший Вологду местом своего жительства. Вологодские же москвичи то и дело навещают родные места, надолго затворяясь в деревнях для вдохновения и спокойной работы, помогая потом по мере своих немалых возможностей начинающим землякам.

К талантам тут относятся бережно. Их почитают, ими гордятся все — от рядовых читателей до руководителей самого высокого областного ранга. А это избавляет писателей от излишних бытовых хлопот, оставляя время и мысль для дел более возвышенных. И едва ли не все они прошли через редакцию «Вологодского комсомольца» — газеты маленькой по формату, но весьма приметной по нестандартности ее содержимого, литературной отточенности материалов.

Но и это не объясняет «вологодский феномен». Быть может, сама суровая природа края, извечная борьба с трудностями наложили отпечаток на характер людей, породили упорство и предприимчивость. Отсюда вышли отважные землепроходцы и мореплаватели — устюжане Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Владимир Атласов — почти все те, без кого было бы невозможно освоение Сибири, Дальнего Востока и русской Америки. Да и в наше время родина авиаконструктора Ильюшина, космонавта Беляева при сравнительно небольшом населении насчитывает более ста пятидесяти Героев Советского Союза.

Вологодчина — край исконно русский, с самобытным укладом жизни, в который поверхностные новшества и мода вторгаются с заметным опозданием. Нелегкая судьба крестьянства этой поистине нечерноземной области не могла оставить равнодушными ее писателей. И художников, которых в области сорок человек, не считая москвичей и ленинградцев, устремляющихся сюда летом на этюды косяками.

Их влечет не только безупречный вкус вологодских крестьян, искусно рубивших избы и деревянные церкви, украшавших их тончайшей резьбой. Краски, вышивки, кружева, чернь по серебру... И прекрасные каменные здания старинных церквей и монастырей, отражающиеся в воде озер и рек.

Много загадок таят в себе эти стройные здания. По сию пору ломают себе головы искусствоведы и архитекторы, стараясь объяснить возникновение шедевров на этой отдаленной от центров культуры земле. А она сама была некогда таким центром, билась здесь пытливая мысль, высоко воспаряла душа, воплощая мечту в камне, дереве и красках. И не только мечту...

В Тотьме, что раскинулась на берегу реки Сухоны, я побывал лет десять назад и удивлялся необычности ее многочисленных церквей. Как бы сплюснутые, тонкие, они были причудливы, на высоких подклетах, с очень странным кирпичным узорочьем... И все они построены были в восемнадцатом веке. Знатоки писали, что в те времена местные каменщики не были знакомы «ни с культурой архитектурного чертежа, ни с правилами классических ордеров». Руководствовались одной своей «сказочной фантазией». А в нынешний свой приезд увидел я восьмимиллиметровую киноленту, снятую служащим Сухонского леспромхоза Станиславом Зайцевым. Он дал ей название «Тайна тотемских картушей» и сделал великолепное открытие. Обратите внимание, сказал он, церкви-то похожи на корабли, идущие под парусами, а узорочье очень напоминает картуши, орнамент в виде не совсем развернутого свитка с завитками по сторонам и полем посередине для надписей. На всех старинных морских картах есть такие картуши. И недаром возник этот замысел. Тотьмичи, хоть их город расположен далеко от моря, были знатными мореходами. Тотемские купцы Холодилов, Черепанов, Пановы и другие плавали в дальних океанах, открывали острова Алеутской гряды, входили потом в Российско-Американскую компанию. И это знаменитый тотьмич Иван Кусков обследовал западное побережье Северной Америки, построил там, где возник много позже Сан-Франциско, русское селение и форт Росс. Вот и разгадка «странной» архитектуры тотемских церквей. Такова была воля заказчиков, не одну церковь посвятивших покровителю путников и мореходов Николе...

Начал я с города Вологды, да так и не рассказал о нем, потому что не существует он отдельно, как некоторые другие великие города, подминающие под себя всю округу. Вологда же — связующее звено и завершение. В ней встречаются эпохи, отделяемые столетиями. Вологодская дружина отличалась на Куликовом поле, и уже Дмитрий Донской поддерживал друга и ученика Сергия Радонежского — устюжского выходца Стефана Пермского в его миссионерских подвигах в Предуралье. Через Вологду, Тотьму и Великий Устюг шел путь из Москвы на Восток и на Запад. В Великом Устюге верстались казаки в отряды воевод, неуклонно продвигавшихся в сторону Тихого океана. Тут же потом проходил главный торговый путь, который связывал Московию по Северной Двине, через Архангельск, со всей Европой. Богатели тамошние города, ломились от товаров склады, звучала многоязычная речь, пока не отпала надобность в этом пути...

Сегодня моя дорога лежит на север от Вологды вдоль длинного Кубенского озера, где мало леса, а поселения часты. Но за возделанными полями в медвежьих уголках прячутся «неперспективные» деревеньки, что в числе ста тысяч других деревень Нечерноземья обречены на уход из жизни. Перевезут их жителей в благоустроенные поселки, останутся догнивать среди болот и лесов старые избы, будут беспризорными памятники, сотворенные воображением и руками предков. И тут проблема на проблеме. Многовековой процесс тяготения к не слишком разветвленным российским трактам продолжается, а с переходом с лошадиной на механическую тягу и усиливается.

Прерывается дорога паромной переправой через разлившуюся Шексну, ставшую частью Волго-Балтийского канала, а от нее рукой подать до Белозерска, такого древнего, что еще в Начальной нашей летописи под 862 годом было упоминание о нем. В лето 6370 от сотворения мира племена чудь, словене, кривичи и весь «порешили сами между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к Варягам — к Руси (назывались эти Варяги Русью, как другие зовутся Свеями (Шведами), третьи — Норманнами и Англами, иные — Готами, так и эти)». В одном из вариантов Начальной летописи говорится: «Избрались (вызвались пойти) три брата с родами своими, взяли с собой всю Русь и пришли к Словенам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, второй, Синеус,— на Белоозере, а третий, Трувор,— в Изборске».

Я привожу эту длинную и знакомую всем цитату, потому что уже в ней самой заключается опровержение «норманнской» теории происхождения варягов. Скорее всего, пришли легендарные или реально существовавшие братья с дружинами с балтийского острова Руяна (Рюгена), где жили раны, они же руны и рутены, «то есть русские», как писал академик Н. С. Державин. Имели они тесные родственные связи с потомками Гостомысла, эти западные славяне, а по языку были и вовсе близки. Если в имени Рюрика лингвисты видят западнославянского «сокола», то белозерский Синий ус не требует даже перевода.

Давно меня влек к себе остров Буян русских сказок, и я побывал недавно на Рюгене, который поразил какими-то типично русскими пейзажами и видом своих сельских домов, раскопками славянских поселений, изображением славянина на столбе древней бергенской христианской церкви — длинные, книзу повисшие усы и длинная прядь волос на макушке выбритой головы, точь-в-точь как у князя Святослава, по известному описанию его облика. И земляным валом, защищавшим богатейший город Аркону, где был храм Святовита, главное святилище славян. Я читал об укладе их жизни у немецких хронистов, об их громадном флоте и предприимчивости, о красных плащах их вождей, о конечной гибели славянских городов от рук немцев и датчан и много позднем принятии христианства, чем это было в Киеве.

Я вспомнил о красных плащах Рюриковичей (только им и разрешалось носить алые «корзна» на Руси), шагая по высокому земляному валу, с которого открывался весь Белозерск, перенесенный, правда, с северного берега Белого озера, где был «Варяжский городок», на южный повелением князя Владимира. Ощущение древности этих мест умеряет восторги перед городскими церквами XVI и XVII веков. Но общий вид старинного города у огромного, как море, озера, поля и леса за окраиной — весь этот простор заставляет вспомнить здешних уроженцев — поэтов Орлова и Викулова, их пронзительную привязанность к родной земле.

— Сергей Орлов за месяц до смерти к нам приехал,— говорит директор местного музея.— Словно бы почувствовал что-то и прощался... Все гулял по валу и смотрел на город.

В тот печальный год и мне на отдыхе доводилось едва ли не каждый вечер видеться с ним. Он был спокоен и почти никогда не говорил о себе, читал чужие стихи. Я смотрел на лицо бывшего танкиста — сплошной шрам от ожога, едва прикрытый бородой,— и думал, что оно, в сущности, прекрасно своим выражением, одновременно напряженным, вдохновенным и сдержанным. Жива ли еще та, к которой он стремился всю войну, та, которая испугалась его лица и нанесла еще одну долго не заживавшую рану? «Его зарыли в шар земной», и кто знает, сколько мужества надо было, чтобы справиться с недугами, сердечными ранами и еще оставить яркий след на земле! Война продолжает убивать...

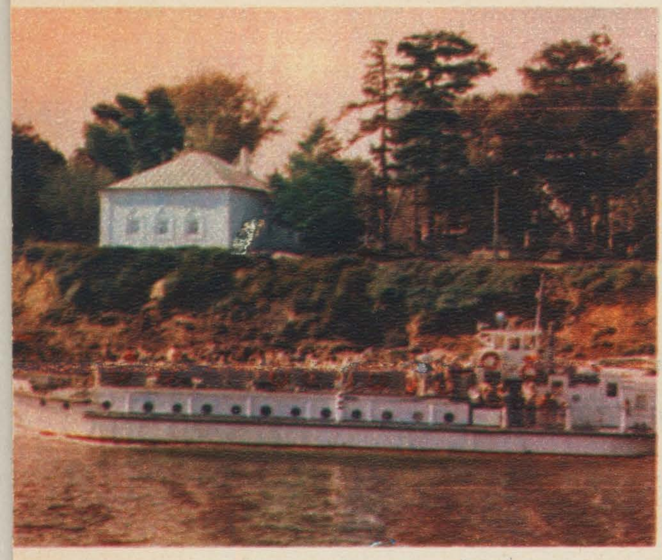
Военные действия захватили лишь один район Вологодчины, но местные партизаны выхо-

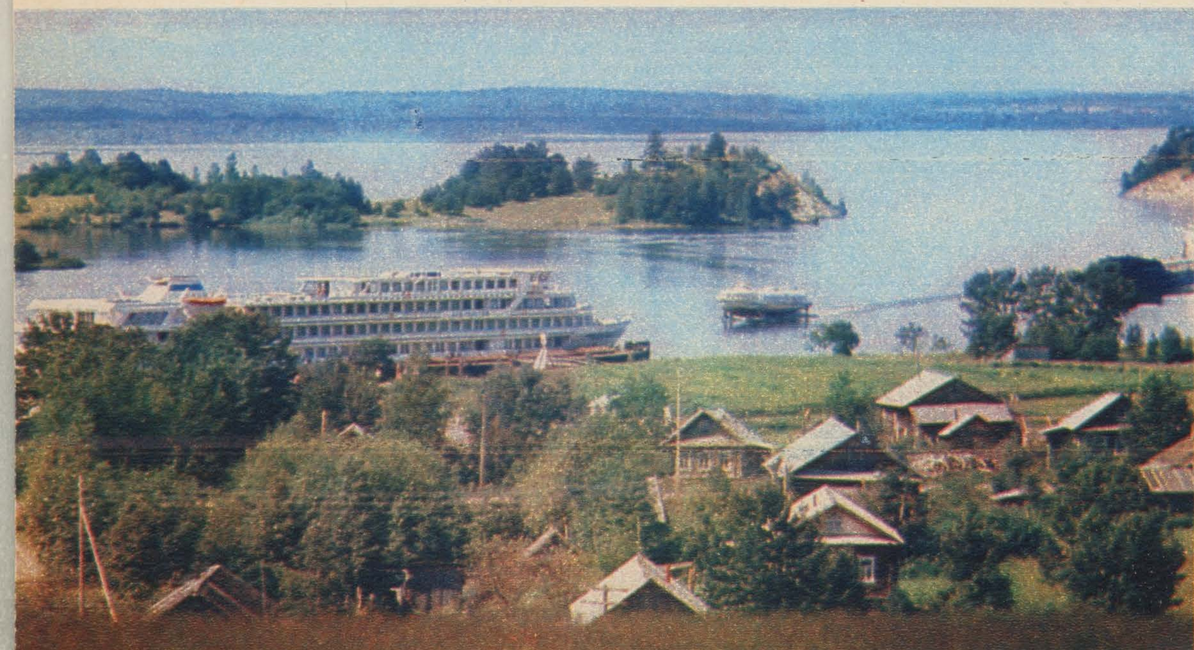
Вологодские звоны. * Белозерск. В честь основания города. * Реставраторы за работой. * Фрески Дионисия. * Кирилло-Белозерский монастырь. * Работницы Вологодского музея Нина Шульгина и Ольга Козодерова показывают старинные русские костюмы.

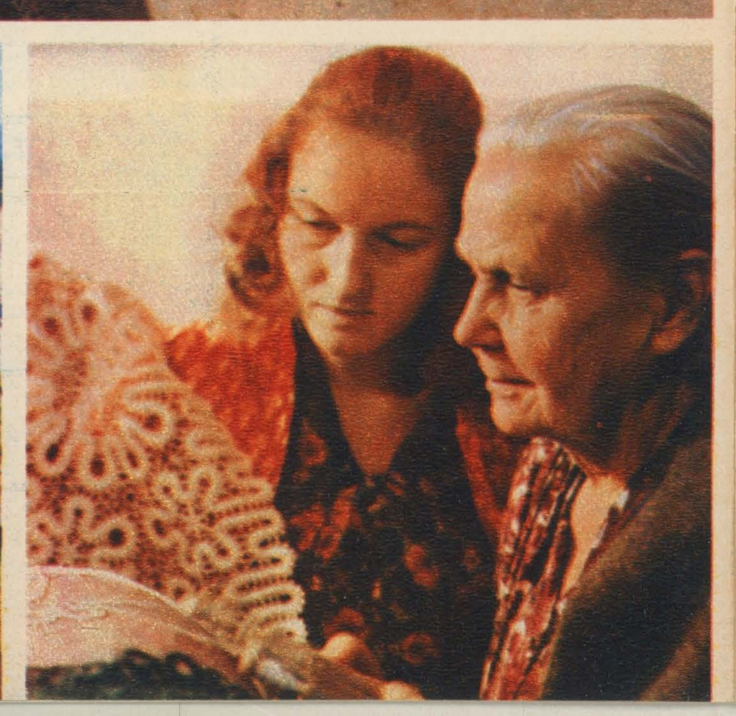

дили за пределы края и действовали в тылу у врага. Почти все мужчины сражались на фронте. В деревнях оставались одни женщины и дети. Они сами пухли от голода, но обрабатывали землю, давали стране хлеб, давали приют несчастным эвакуированным ленинградцам... Но были в истории края времена, когда враги доходили и сюда. В 1612 году большой отряд их опустошил Белоозеро, налетом захватил Вологду, но тщетно штурмовал стены знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря.

Был всего один боевой эпизод, и все-таки монастырь этот показался мне военным памятником. Посещавшие его любят говорить о сказочном и таинственном «граде Китеже», медленно поднимающемся из тихих вод Сиверского озера. Оттого, наверно, что я увидел его впервые не с озера, оттого, что встали сразу гигантские башни и стены с бойницами в три яруса (больше километра стен высотой в одиннадцать метров и толщиной в семь), и возникла мысль о твердыне. Возникла и тотчас ввергла в сомнение из-за странного на первый взгляд обстоятельства. Стены, выдержавшие осаду, были куда слабее, а эти возникли лет пятьдесят спустя, при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, который насчитывал в России до трех тысяч монастырей-крепостей и среди первых по мощи числил Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и Соловецкий. Была закономерность и дальновидность в том, что не жалели ни денег, ни сил на эти крепости, образовавшие вместе с другими мощную оборонительную линию от Москвы до Белого моря. Уже само ее существование давало уверенность, развязывало руки для новых предприятий государства, укреплявшегося и расширявшегося с невиданной быстротой. К тому же ныне глухое Нечерноземье было в те времена одним из самых цветущих земледельческих, ремесленных и торговых краев России. Устремления Петра I были направлены на Запад, но силы — людские резервы, хлеб, мастеровых — он черпал здесь.

Да, твердыня сыграла свою роль, хотя у стен ее не гремели орудия и не слышалась чужая речь. Не это ли и есть мудрость государственная: предвидя опасность, укрепиться, создать, как говорят теперь, глубоко эшелонированную оборону? Но была и другая роль у северных монастырей. Опять же, говоря по-современному, идеологическая и культурная.

Какие прекрасные идиллии рисует нам житийная литература, рассказывая, как в конце XIV века ученик Сергия Радонежского монах Кирилл «неожиданно» удалился на север вместе с иноком Ферапонтом. Искали они будто бы мест уединенных, основывая свои монастыри. Да только оказывались на весьма оживленных водных и сухопутных путях, и вырисовывается продуманный замысел то ли Сергия, то ли иного великого политика, направленный на укрепление и объединение Руси. Отшельники сразу же начинают оживленную переписку с князьями и боярами. А московского князя Кирилл поучает в послании: «Князь должен беречь своих людей, суды бы судили правдой, посулы бы судьи не брали... Крестьянам, господине, не ленись управы давати сам».

Какие только страсти не кипели в множившихся обителях! Брали верх нестяжатели во главе с Нилом Сорским, которые проклинали «вещелюбие», презирали золото и серебро, требовали от иконописцев уметь передавать в чувственных образах «мысленное», духовное. Здесь возобладали иосифляне, учение которых отражало торжество и мощь централизованного государства. При них началось строительство великолепных храмов и других зданий, зачастили в Кирилло-Белозерский монастырь на богомолье великие князья, а первый царь русский — Иван Грозный не раз говорил о желании принять пострижение в этой обители, что и сделал перед своей смертью. Но до этого события немало сослал он своих знатных противников под строгий присмотр. Много позже попал сюда и сам патриарх Никон, лишенный своего высокого титула, но не приявший этого. Сперва он сидел в Ферапонтовом монастыре, все требовал почестей и привилегий, воздвигал кресты со своим именем, но их тщательно уничтожали, а когда его обвинили в сношениях со Степаном Разиным и перевели в Кириллов на более строгий режим, Никон умудрился все-таки оставить по себе память, вырезав свое имя на нижней стороне подлокотника кресла, что и обнаружилось при недавней его реставрации.

Но это курьез. Настоящим же резчикам, иконописцам и иным художникам не было здесь числа. Среди первых надо бы назвать вологжанина Дионисия Глушицкого, написавшего еще при жизни Кирилла Белозерского, в 1424 году, его портрет, который стал потом знаменитой иконой, хотя инок изображен без нимба — такой кряжистый, сутулый старик, с волевым, но добрым лицом и умными глазами. «Его коренастая фигура чем-то сродни стволу дерева, вздымающемуся из земли,— пишут авторы сравнительно недавно вышедшей книги об этих местах.— Такие твердо стоящие на земле люди колонизовали Север, прокладывали дороги, вырубали леса, распахивали землю, основывали монастыри, а в случае надобности брались за оружие. В образе Кирилла воплощен идеал нравственно сильного и деятельного человека».

Похож на него, наверно, был и сам Дионисий Глушицкий — художник, резчик по дереву, кузнец, книгописец, мастер на все руки. Такие люди превратили монастырь в подлинную сокровищницу культуры, где неизвестно, что ценнее — архитектура ли, живопись, или книги, писавшиеся и переписывавшиеся многими поколениями. До наших дней здесь хранился древнейший список «Задонщины», летописи XV—XVI веков, тома и тома с изящнейшими миниатюрами. И все это делалось такими же многообразно одаренными людьми, как Дионисий Глушицкий, который умер игуменом основанного им на берегу реки Глушицы нового монастыря, отчего и получил свое прозвище.

Но пора уже в Ферапонтов монастырь, к фрескам другого Дионисия, к великой тайне искусства. Здесь все отмечено печатью вкуса. Инок Ферапонт выбрал для обители холмик между двумя озерами, холмик небольшой — стрела перелетит. Во все стороны вода, луга и леса, а посередине несколько зданий, тесно прижавшихся друг к другу. Прекрасно кругом, прекрасно и тихо в монастырском дворе, среди деревьев, подсвеченных солнцем не сверху, а снизу. Дует ветерок, рябит воду на поверхности озер, вспыхивают блики, зажигая трепетным огнем листву. Ты готов к восприятию искусства, и все же, когда поднимаешься на широкую крытую паперть собора и подходишь к порталу...

Нет, сперва несколько слов о пожаре, выжегшем дотла деревянный монастырь в 1488 году, об опальном ростовском архиепископе Иоасафе, в миру князе Оболенском, о юродивом, который вытащил из огня «сокровища» этого богатого постриженника, и об использовании спасенного богатства для «монастырского строения». Говорят, Иоасаф и пригласил Дионисия расписывать новый собор Рождества Богородицы, то ли сам, то ли через своего родственника архиепископа Вассиана, который имел неблагозвучное прозвище Рыло; он в свое время подрядил великого художника писать иконы для Успенского собора в Кремле...

Ключи от обители были у Наталии Александровны Яшиной, дочери поэта. Она копалась в огороде у избенки с латанной-перелатанной крышей, куда приезжает каждый год из Москвы на несколько летних месяцев и берет на себя обязанности экскурсовода. В сопровождении Наталии Александровны, вооруженной толстой тетрадью выписок об истории монастыря и фресок, мы пошли к монастырю.

...Ты готов к восприятию искусства красотой здешней природы, и все же, когда поднимаешься на широкую крытую паперть собора и подходишь к порталу, обрамленному сказочной живописью, тело вдруг становится невесомым, радостное возбуждение охватывает все твое существо, и даже как-то боязно заглянуть внутрь собора. Ты оглядываешься на деревья и озерную воду в просветы между ними, и в тебе начинает звучать музыка... Потом уже, потом осознаешь настроение Николая Рубцова, который писал: «Привет, Россия — родина моя! Как под твоей мне радостно листвою! И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенье хоровое...»

Сколько я читал описаний фресок «преизящного живописца» Дионисия, сколько видел фотографий — цветных и отличного качества. И как беспомощны эти попытки хоть приближенно передать красоту. Я видел фрески и... пробовал читать описания после этого. И не мог. Было скучно. Бессилен и я передать свои чувства, благоговение перед недостижимым совершенством. Это уже не мастерство, это творение того, чего еще не было в природе.

Вечернее низкое солнце ворвалось в узкие окна. Прозрачные краски, тускло светившиеся в прохладной тени, вспыхнули. Слышал я в Ферапонтове, будто композиционно сюжеты расположены так, что в течение дня высвечиваются они в каноническом порядке, сообразном с движением Солнца. Слышал, будто, обрастая зимой инеем и сбрасывая его весной, фрески освобождают себя от пыли и обновляются. Наверно, это не так. Утраты происходят, но они незаметны, растягиваются на поколения, потому что ради прозрачности и серебристости Дионисий и сам высветлял краски. Кроме красно-коричневатого, все оттенки красок нежны — розоватые, бледно-малиновые, соломенно-желтые, бирюзовые, бледно-зеленые, палевые, дымчато-фиолетовые...

Заранее посылал он подмастерьев собирать цветные камешки по берегам озер и оврагам, растирать их, готовить все, чтобы по сырой штукатурке, по нацарапанным и помеченным жидкой краской рисункам мгновенно, точно и навечно расписать стены. И не повторить ни одного орнамента, не сбиться и в малом, не допустить ни одного неверного движения, держать в голове великий замысел, изменять подробности лишь к улучшению его. Древние живописцы трудились обычно не ради суетной славы и редко ставили свои подписи. А тут исключение. Может, фрески сделаны по обету, но над северной дверью собора есть надпись:

«В лето 7008 месяца августа в 6 день на преображение господа нашего Исуса Христа начата бысть подписывати церковь а кончана на 2 лето месяца сентявреа в 8 на рождество пресвятыа владычица нашиа богородица Мариа при благоверном великом князе Иване Васильевиче всеа Руси и при великом князе Василие Ивановиче всеа Руси и при архиепископе Тихоне, а писци Деонисие иконник с своими чады. О владыке Христе, всех царю, избави их господи от мук вечных».

Считается, что храм начали расписывать Дионисий с сыновьями Владимиром и Феодосием и подмастерьями в августе 7008 года, а окончили на второе лето, то есть в сентябре 7010 года. По-нынешнему, с августа 1500 по сентябрь 1501 года, в два сезона, месяцев за семь-восемь.

Но, вернувшись в Вологду, я узнал об иных расчетах.

Красоту города Вологды разглядишь не сразу, но, когда проникнешься ею, уезжать не хочется... В тот день, когда видел я Белозерск, Кириллов и Ферапонтово, пришлось проделать на машине путь километров в четыреста, много ходить, однако настроение, навеянное фресками Дионисия, заставило забыть об усталости, изгнало из головы все мысли о мелочах бытия. Был уже поздний час, но небо и не думало темнеть, жемчужный свет белой ночи заливал стройные громады старинных зданий на «соборной горке», платиновую гладь речной излучины внизу, особняки и церкви Заречья. Это она, белая ночь, выгнала нас, местно и повсеместно чтимых литераторов и гостя их, из прокуренной комнаты вологодского писательского отделения на свежий простор, где в речах засквозила боль неурядиц, страстное желание найти выход из всех тупиков, любовь к родной земле и зазвучали стихи самой высокой поэтической пробы.

Редкие прохожие непременно улыбались и здоровались. Своих поэтов и прозаиков вологжане знали в лицо, что говорило если и не о большой начитанности, то о здешнем уважении к литературному ремеслу, об ответной общительности и открытости местных литераторов, тесно спаявших себя с общественной жизнью города. И недаром красивейшая из старинных улиц, та самая, где стоит Софийский собор, колокольня, музеи, та самая, где обрывается под собором ряд домов и открывается вид на реку и где расположились мы, названа именем Сергея Орлова. А напротив, за рекой, видна с высокого берега вся, как на ладони, короткая улица, что носит имя Николая Рубцова.

Жизнь его тоже была коротка, и теперь в воспоминаниях друзей просматривалась вся — беспокойная, неустроенная и печальная. Характер у него был независимый, неуступчивый, поведение казалось вызывающим, но за этим нетрудно разглядеть легкоранимую душу поэта, прикрытую бравадой застенчивость, частую смену настроений. Характер и жизнь Николая Рубцова отразились в его стихах, чрезвычайно органичных, лишенных какой-либо фальши, рисовки, стремления удивить, свойственного, например, эстрадной поэзии. Вся боль нашего века отозвалась в его печальных стихах потому еще, что это была его личная боль — боль ребенка, рано потерявшего отца и мать в военном лихолетье и выросшего в детском доме. Боль юноши, который рано познал тяжкий труд, долго не мог найти свое призвание, испытал крушение первой любви... Поэт метался в поисках себя и правильного пути по городам и весям, живал в матросских кубриках и рабочих общежитиях и, даже став известным поэтом, никогда не стремился к обретению материальных благ, довольствовался случайными пристанищами у друзей.

Сейчас, когда прошли годы после трагической смерти Николая Рубцова и друзья, бережно собрав, издали все из написанного им, стало понятно, какого крупного поэта потеряла Россия. Друзья сокрушенно качают головами — не уберегли! Не уберегли того, чья мысль была «всегда крупна и исторична», но не гляделась нарочитой, была растворена в ткани стиха и подлинной любви к Родине и благоговении перед ней. Он верил в лучшее этого мира, который сравнивал со стремительно, чересчур смело и опасно движущимся поездом. И вера эта выразилась в простодушном на первый взгляд вопросе: «И какое может быть крушенье, если столько в поезде народу?»

Но предчувствие личного крушения не покидало его: «Как будто вечен час прощальный, как будто время ни при чем... В минуту музыки печальной не говорите ни о чем». Он писал о Лермонтове и о себе: «Уже давно, как в божью милость, он молча верил в смертный рок». Он боялся тьмы и одиночества, как ребенок, проснувшийся среди ночи и обнаружив-

На берегу Шексны. * Художники-реставраторы Николай Брегман и Вадим Телегин. * Вологда. Домик Петра I. * Горицы. Здесь проходит Волго-Балтийский канал. * Кружевницы Елизавета Николаевна Шалкина и Галина Хороброй. * Софийский собор.

ший, что мать куда-то ушла. Он и был большим ребенком, вечным сиротой, мечтавшим хотя бы найти могилу своей матери, но и на кладбищах было «одиноко, боязно и сыро». В «Осенних этюдах» он описал свои ощущения на безлюдном болоте, когда стали яростно кричать птицы и шипеть змеи. «И понял я, что это не случайно, что весь на свете ужас и отрава тебя тотчас открыто окружают, когда увидят вдруг, что ты один. Я понял это как предупрежденье». Но он не внял предупреждению...

Печальной тризной был ужин в плавучем ресторане, за любимым столом Николая Рубцова, тем самым, который по сию пору обслуживает воспетая им в «Вечерних стихах» официантка Катя. И представлялось настроение Рубцова, его «смятенье и тоска», его желание неназойливого общества в тихом, качающемся на волнах ресторане, его стремление «запеть про тонкую рябину, или про чью-то горькую чужбину, или о чем-то русском вообще». Его описание вечерней Вологды теперь тоже читают с эстрад. А стихотворение «Вологодский пейзаж» заставило меня прервать свой рассказ о дневном городе в самом начале, так как все, что надо сказать, в нем уже было сказано.

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины...

Женщины с мостка полощут белье в Вологде-рене... Сады. «И темный, будто из преданья, квартал дряхлеющих дворов, архитектурный чей-то опус среди квартала...» Это, наверно, нелепый, сложенный из разновеликих кубиков новый театр, резким диссонансом вторгающийся в картину ладного русского города.

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...

Кремля в Вологде нет, но Рубцов прав исторически. Кремль был задуман Иваном Грозным в Вологде грандиозный. Что-то вроде опричной столицы хотел создать здесь царь. Десять тысяч рабочих возводили неприступные стены и башни, в каменных палатах хранилась казна, охраняемая тремястами пушками и сотнями стрельцов. Но потом был великий мор, царь уехал и вскоре отменил опричнину. Кремль остался недостроенным, а в прошлом столетии стены разобрали. В 1612 году интервенты захватывали Вологду, но вовсе не стены недостроенные были виноваты в этой беде. «Все делалось хмелем. Пропили город Вологду воеводы»,— писал архиепископ Сильвестр князю Пожарскому в Москву.

Из задуманного Иваном Грозным завершилось одно — величественный Софийский собор, главное украшение города, непостижимое чудо гармонии, возведенное всего за два года и с превеликой тщательностью, поскольку грозный государь лично наблюдал за постройкой.

Вместе с колокольней, которую в прошлом веке губернский архитектор-немец перестроил, придав ей какой-то отчасти готический вид, собор виден со всех концов города. Собор, колокольня и примыкающий к ним Архиерейский дом — целая группа разновременных старинных зданий, образующих замкнутый четырехугольник, окруженный крепостными стенами с башнями,— составляют то самое, что можно теперь назвать кремлем. В небольшом дворе его много зелени, в синем небе средь белых облаков плывут купола собора и колокольни. Каждые четверть часа тишина прерывается звоном часовых колоколов. Я ходил сюда, садился на лавку и часами рассматривал нарядные фасады домов и церквей, белые наличники самых причудливых форм, рельефно выделяющиеся на фоне цветных стен. Все в непривычно прекрасном состоянии, над всем любовно потрудились руки реставраторов, во всем чувствовалась забота вологжан о памятниках своей старины, что надо бы считать высшим проявлением культуры.

Одно из самых старых сооружений Архиерейского дома — палаты Казенного приказа, двухэтажные, но приземистые, со стенами толщиной почти в два метра, со сводчатыми помещениями, расписанными цветочным орнаментом. У дверей их висела афиша: «Новые открытия. Персональная выставка реставратора Н. И. Федышина».

Нет, я не собираюсь рассказывать о выставке икон из Вологды, Каргополя, Устюжны и Тотьмы, о чистых красках и одухотворенных ликах. Их надо видеть, перечислять же то, что написано в каталоге выставки,— пустое дело. Тем более, журнал «Огонек» уже рассказывал о подвижническом пути замечательного реставратора...

Важно тут, что зашел у нас с Николаем Ивановичем разговор о фресках Дионисия в Ферапонтове и сроках росписи. Федышин опровергает сложившееся мнение, что Дионисий с помощниками расписывал церковь два сезона, месяцев семь-восемь. Он толкует Дионисиеву надпись по-своему — начали шестого августа, а окончили восьмого сентября на второе лето, то есть на второй год. А год-то в старину начинался первого сентября. Вот и выходит, по Федышину, что созданы великолепные фрески всего за тридцать один день. Уже и статья об этом отослана в Москву.

* * *

Прощаясь с Вологдой, я в очередной раз по маршам широкой и надежной деревянной лестницы взобрался на смотровую площадку колокольни. Дул сильный ветер, со свистом врываясь в полости громадных колоколов. Город был виден весь — с его рекой, мостами и мостками, с церквами, особняками, бетонными параллелепипедами новых домов, «Петровским домиком», кранами речного порта... Вон церковь Иоанна Предтечи «в Рощенье», где я видел необычные фрески. Не было там величавого спокойствия — персонажи древних легенд бегали, скакали, кувыркались. Трубачи в разноцветных одеждах трубили в изогнутые рога. Соломея на пиру Ирода плясала вприсядку русскую. Сходили с кораблей иноземцы в каких-то мушкетерских нарядах... По-всякому мог изображать свое представление о жизни русский живописец.

Все утопало в садах, за ними виднелись леса, а на северо-западе в излучине реки белел Спасо-Прилуцкий монастырь. Основал его Дмитрий Прилуцкий, еще один ученик и друг Сергия Радонежского и тоже сторонник объединения русских земель вокруг Москвы. Иван III, Иван IV брали монастырские святыни с собой в военные походы. Был я в этой крепости, любовался каменными стенами и несимметрично разбросанными церквами и палатами, соединенными крытыми галереями. Еще в нынешнем году тут были склады, но вологжане заранее, лет за десять, начали реставрацию, и теперь догорают в уютном монастырском дворе остатки ветхих сараев, а сам памятник почти готов принять первые группы любопытствующих. Посмотреть тут есть на что. Меня же, повидавшего немало безобразно запущенных памятников, в очередной раз поразила заботливость вологжан, их энергия, когда дело касается памяти народной...

Постоял я и у могилы поэта Батюшкова, смотрел на тонкий профиль его, высеченный в черном камне. «Что за чудотворец этот Батюшков»,— сказал о своем старшем товарище Пушкин.

Константин Николаевич Батюшков родился в Вологде и провел здесь последние, безумные годы. Он писал мечтательные стихи и в борьбе с «шишковистами» изобрел живучее слово «славянофил». Он сражался за Россию на полях битв. Пушкин не поверил в безумие Батюшкова, но когда понял, что это правда, сказал: «Уважим в нем несчастия и не созревшие надежды». Мы не знаем, как развился бы талант Батюшкова, но для людей он скончался в том же возрасте, что и Рубцов, хотя физически прожил еще тридцать с лишним лет. «Отчизны край златой»,— писал Батюшков. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» — восклицал Рубцов. Он говорил друзьям, что хотел бы покоиться вечно в Спасо-Прилуцком монастыре, неподалеку от могилы Батюшкова...

Пора прощаться с Вологдой. Вот она... Раскинулась под колокольней, а я так и не могу осмыслить до конца, почему ей выпала честь так громко заявить о себе в нашей литературе... Говорил сегодня с Василием Беловым... по телефону. Я в Вологде, а он в Москве, проездом из Лондона в свою деревню. Общался с издателями — вологжан читают во всем мире. Соскучился, говорит, не могу без Вологды.

«Память сердца», история, искусство, люди. Все это Вологда.

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

гастроли

Московские гастроли Донецкого академического русского театра оперы и балета совпали со знаменательным событием в истории шахтерского края — 20 сентября Донецку был вручен орден Ленина. Высшую награду Родины вместе с тружениками Донбасса по праву разделил и коллектив театра, приехавший в Москву с творческим отчетом.

Донецкий театр оперы и балета впервые в Москве и впервые в таком масштабе демонстрирует свои достижения. А они, надо сказать, немалые, хотя театр, созданный в начале тридцатых годов, относится к числу молодых коллективов страны. Тринадцать названий включает гастрольная афиша. Глюк, Моцарт, Доницетти, Пуччини, Римский-Корсаков, Прокофьев — такое богатое соцветие авторских имен красноречиво говорит о широком диапазоне возможностей труппы, о дерзновенной смелости ее творческих исканий. Здесь можно встретить произведения, которые сегодня идут только на сцене Донецка. Среди них, например, опера М. Карминского «10 дней, которые потрясли мир» — спектакль необычный, впечатляющий масштабностью замысла. «Фрески о революции» — так назвали авторы (либретто В. Дубровского) оперу, созданную по одноименной книге американского журналиста Джона Рида. Когда-то в предисловии к этой книге Владимир Ильич Ленин писал: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

Переведенная на язык музыкального театра, книга Джона Рида обрела поистине монументальное звучание. Публицистический пафос пронизывает спектакль (режиссер-постановщик Е. Кушаков). Яркие картины-фрески воссоздают в концентрированной, обобщенной форме события каждого из десяти исторических дней —

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ГОДЕНКО

«МЫ — ПОКОЛЕНЬЕ ТВЕРДОГО ЗАКАЛА»

первых дней революции. Происходящее комментирует мощно звучащий хор, который подобен здесь хору античной трагедии. Действие захватывает тревожно напряженной атмосферой, в нем ощутимо биение пульса времени. Огромный художественный «механизм» спектакля, в котором занято около четырехсот участников, необыкновенно четко отлажен. Вдохновенное музицирование дирижера Т. Микитки энергично ведет за собой действие, организуя его в стройный ансамбль.

Образ Владимира Ильича Ленина — в центре оперы. Как реальный персонаж, он действует только в трех картинах (в роли Ленина превосходно выступил И. Покора), но присутствие великого вождя революционных масс незримо ощутимо в каждый момент спектакля.

Теме революции посвящен и спектакль «Сквозь пламя», созданный, так же как и предыдущий, в тесном содружестве театра с авторами. Опера В. Губаренко рассказывает о борьбе за Советскую власть на донецкой земле. Прототипом главного героя оперы большевика Сергея явилось историческое лицо — легендарный герой революции и гражданской войны Артем (Федор Андреевич Сергеев).

Знакомая московской публике по гастролям Киевского театра опера Ю. Мейтуса «Ярослав Мудрый» была показана донбассцами в собственной постановке (режиссер Е. Кушаков, дирижер Т. Микитка, художник Б. Купенко) и посвящена прошедшему в этом году юбилею дружбы народов России и Украины.

Широко представлена на гастролях оперная классика. Рядом с произведениями, которые хорошо известны любителям музыкального театра, такими, как «Орфей», «Дон Жуан», «Лючия ди Ламмермур», «Царская невеста», были показаны спектакли, редко идущие на нашей сцене. Это оперы «Андре Шенье» У. Джордано и «Девушка с Запада» Дж. Пуччини. Первая из них, как известно, связана с событиями Великой французской революции. Раскрывая трагические перипетии гибели поэта Андре Шенье, театр сумел передать в своей постановке и революционную героику, показать непреклонный дух и стойкость соратников Робеспьера в дни якобинской диктатуры.

Р. Колесник в роли Лючии ди Ламмермур.

«Ярослав Мудрый». Е. Щерба — Ингигерда и В. Сорокин — Гаральд.

Фото М. Савина и А. Степанова

Тепло был встречен зрителями спектакль «Девушка с Запада». Здесь удалось, преодолев искушение экзотикой сюжета, весьма близкого традициям вестерна, найти верный, отвечающий музыке эмоциональный ключ и ярко, правдиво раскрыть драму человеческих чувств.

Украина всегда славилась своими прекрасными голосами. Донецкий театр лишний раз доказал это. Восторженно принимала публика ведущую певицу театра народную артистку Украинской ССР Р. Колесник, выступившую в труднейшей лирико-колоратурной партии Лючии ди Ламмермур в опере Доницетти. Природная красота голоса певицы одинаково восхищает по всему диапазону, покоряет изумительной мягкостью, нежностью, теплотой тембра...

Превосходный образ Жерара — якобинца, гордого плебея — создал в спектакле «Андре Шенье» П. Ончул. Запомнился и неотразимый покоритель женских сердец, дерзкий и отважный Дон Жуан. Сцена гибели героя — едва ли не самая сильная в постановке бессмертной оперы Моцарта.

Нельзя не отметить и Г. Каликина в роли Сергея («Сквозь пламя») — убежденного большевика, подлинного героя и организатора масс и тут же рядом — созданный артистом колоритный, страстный и сильный характер шерифа Ренса в спектакле «Девушка с Запада».

Старшему поколению не уступает в мастерстве творческая молодежь театра. Здесь следует назвать Т. Лагунову — превосходную певицу и талантливую актрису. Как уверенно справилась она с партией Донны Анны в моцартовском «Дон Жуане»; какой поэзией овеян образ ее Эвридики в «Орфее» Глюка; сколько страсти вкладывает она в свое чувство к Андре Шенье, исполняя роль возлюбленной поэта Маддалены; каким сильным характером и одновременно обаянием наделяет свою Минни в опере «Девушка с Запада»...

Всего лишь год поет на донецкой сцене Е. Щерба, но уже обратила на себя внимание великолепной работой в спектакле «Ярослав Мудрый». Роль Ингигерды — гордой, своенравной дочери варягов — необычайно удалась молодой актрисе.

Огромное сценическое обаяние и чарующий голос пленяют в каждой роли, исполняемой В. Мищенко. Это и Милуша в «Ярославе», горячо любящая и самоотверженная; это и Церлина в «Дон Жуане», соединяющая в себе простодушие с лукавством и чувственностью.

Гастроли Донецкого театра оперы и балета продемонстрировали большие достижения этого творческого коллектива. Сегодня можно с полным основанием говорить о собственном художественном лице театра, о своеобразии его богатого репертуара, о ярких и самобытных артистических индивидуальностях. Его творческий поиск отличается смелостью и устремленностью к современной тематике, к новым формам музыкального театра. Донецкий театр часто называют «лабораторией советской оперы», и хочется пожелать театру навсегда сохранить эту репутацию.

А. ВОНСЯЦКИЙ

Писатель приходит в этот мир, чтобы соединять, а не разобщать.

Рожденный в густо настоянных на ароматных, терпких травах степных просторах, он полюбил всем сердцем такую непохожую на степь морскую стихию. И в душе его и в творчестве соединились и уже никогда не распадались на составные части великолепная даль южных дорог и раскованное пространство северо-западных морей.

«Я сразу сердце отдал флоту», — писал, вспоминая свою молодость, Михаил Годенко. А она была жестоко испытана «синей сталью войны». Увиденное зорким глазом очевидца, запавшее в глубинную память молодого сердца, все происшедшее с ним и страной требовало творческого выхода.

За тридцать пять лет серьезной работы в литературе Михаилом Матвеевичем Годенко создано немало. Мир его героев, может быть, и не многолик, но основателен, многоцветен и полнозвучен. Достоверность в обрисовке характеров, искренность — вот привлекательные черты писательской манеры Михаила Годенко. Со времени дебюта в поэзии (поэмой «Последний»), дебюта в прозе романом «Минное поле» и до недавно опубликованной повести «Полоса отчуждения» внимательный читатель заинтересованно следит за развитием своеобразного таланта поэта и прозаика.

Не могут оставить равнодушными поиски счастья доверчивым молдавским крестьянином Моруза из поэмы «Последний», драматические коллизии, выпавшие на долю учителя, бывшего моряка Павло Белобокого из поэмы «Людское счастье». Настоящую читательскую признательность Михаилу Годенко принесли два романа — «Минное поле» и «Зазимок». В первом описывается военная судьба бывшего степняка, а ныне моряка Михаила Супруна, во втором — пристально прослеживается жизнь степного села и его обитателей. И в этих произведениях два естественных крыла биографии писателя, степное и морское, дают энергию и фантазию для полета, зоркость и память глазу. Земные реалии близкого ему быта, тонкие наблюдения над жизнью простых людей, философские размышления, мягкий юмор и сердечная улыбка органично входят в ткань повествования «Минного поля», «Зазимка» и «Каменной бабы» — нового романа писателя.

«Я — украинец, но пишу по-русски», — замечает Михаил Годенко в одном из своих стихотворений. И так приятно, когда в спелой ржи русской речи — а Михаил Матвеевич — отличный знаток русского языка — неожиданно и свежо мелькнет яркий василек украинской мовы. Несомненный талант лирического слова Михаила Годенко окреп и возмужал, и мы вправе ожидать от него, поэта и прозаика, общественного деятеля и доброго человека, представителя поколения «твердого закала», новых творческих свершений, ибо талант рожден, чтобы создавать.

Анатолий ПАРПАРА

НАЕДИНЕ С ЕГО ВЕЛИЧЕ

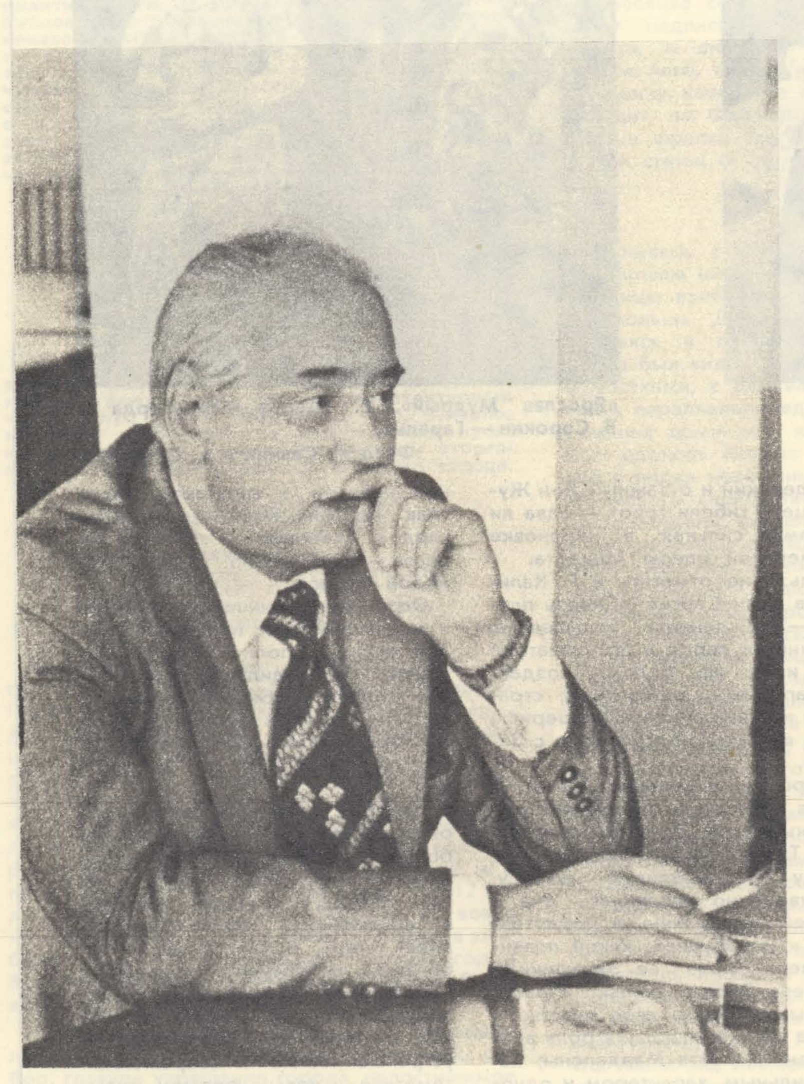

Фото А. Гостева

У нас сегодня в гостях — народный артист СССР Игорь Олегович ГОРБАЧЕВ, художественный руководитель Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Во встрече принимает участие Юрий Александрович Зубков, главный редактор журнала «Театральная жизнь», заслуженный деятель искусств РСФСР.

— Мне очень приятно быть в гостях у «Огонька»,— говорит И. О. Горбачев.— И не только потому, что я всегда с благодарностью вспоминаю, как ваш журнал поддержал мои первые шаги в театре и кино. Вот и сегодняшнюю встречу я рассматриваю как проявление внимания к любимому мной театру. Поэтому я постараюсь использовать наш разговор для того, чтобы привлечь внимание к коллективу, которым я руковожу и на сцене которого играю,— к Ленинградскому академическому театру драмы имени А. С. Пушкина, бывшему Александринскому.

Наш театр накануне большого и славного юбилея. В сезоне 1981 года ему исполнится 225 лет. Он нуждается сегодня в правдивом рассказе о нем на страницах вашего журнала. Он нуждается прежде всего в точной правдивой точке зрения на его историческое существование. Нуждается в возвращении ему первородства в создании русской национальной школы актерского мастерства.

Думается, это первородство замалчивается иногда случайно, а иногда и сознательно. Так, в 1956 году, когда театру исполнилось 200 лет, этот юбилей не был вообще отмечен. Теперь юбилейную дату — 225 лет жизни первого русского государственного театра—некоторые театральные деятели собираются отмечать не в связи со славной биографией театра и днем его рождения, а лишь отмечая появление нового здания, куда театр переехал в 1832 году. Конечно, зданию тоже немало лет: оно справляет 150-летний юбилей. Но это вырывает из жизни театра 75 лет бурного, интересного, творчески наполненного существования. Именно тех лет, когда сложились национальные корни искусства русской сцены.

Я глубоко убежден — «выбрасывать» 75 лет (то есть весь доалександринский период) исторически антинаучно, а политически — просто вредно! Ведь история народа — это и история его национальной культуры. А историю искажать не дано никому!

Да, великолепное здание Ро́сси, где мы играем, возведено полтора столетия назад, но сам-то театр на 76 лет старше. Он родился 30 августа 1756 года. Указ императрицы Елизаветы Петровны повелел «учредить русский для представления трагедий и комедии театр», то есть первый профессиональный, публичный, общедоступный театр. Возглавил его первый русский актер Федор Волков. И с той поры театр, находившийся под неусыпным «высочайшим» надзором, возвышал постоянно свой голос в защиту справедливости и прогресса. Первыми героями, вышедшими на сцену только что созданного театра, были тираноборцы трагедий Сумарокова. Смотрите, как складывается направление театра: императрица назначает Сумарокова директором театра, а он своими сочинениями дает начало передовому театральному репертуару. И подлинно демократическим традициям театр остается верен навсегда. То, что мы сегодня именуем школой сценического реализма, зарождалось, развивалось, крепло именно здесь, в этой труппе, основателем которой был тот же Федор Волков, истинный «отец русского театра». Здесь сразу же сложилась славная плеяда мастеров: Дмитревский, Шумский, Плавильщиков, а несколько позже блистала первая русская трагическая актриса Екатерина Семенова, восхищавшая Пушкина своей свободной, вдохновенной игрой. В первые же годы жизни театра Дмитревский открыл и школу, где впервые в истории России начали учить актерскому мастерству. То есть уже на первом десятилетии существования театра самые дальновидные его деятели заботились об артистической смене. Кстати, как раз в этом году исполняется ровно 200 лет театральной школе, основанной Дмитревским.

Еще в те, доалександринские годы театр становился значительным культурным центром государства и европейски известным творческим коллективом. На его подмостках увидели впервые свои творения «друг свободы» Фонвизин, Княжнин, Озеров, Катенин. Театр привлекает к себе всех прогрессивно мыслящих людей того времени. «Почетными гражданами» его кулис являются декабристы и Пушкин. Живя в Петербурге, почти каждый вечер посвящает театру Грибоедов. И очень символично, что в первый раз (видите, как часто я вынужден повторять эти слова!) его бессмертная комедия «Горе от ума» — сначала несколько сцен, а потом и вся целиком — была поставлена именно здесь.

Думаю, я сумел убедить вас в том, что к 1832 году, когда театр справил новоселье в изумительном здании Ро́сси, это был вполне сформировавшийся художественный организм, со своей славной историей и не менее славными традициями. Труппа пришла в новое здание в полном составе с готовым репертуаром, не претерпев никаких административных изменений. И в наше время театры получают новые помещения, но разве это зачеркивает их предыдущую историю?

Истинные, проверенные жизнью традиции не зависят, конечно же, от «места жительства». В нашем театре они и сегодня с нами. Живы традиции яростной, азартной актерской игры, игры с полной самоотдачей; традиции страстной творческой исповеди, когда нужно «выкладываться» до конца, не жалея себя! Так играли великие корифеи Мартынов, Стрепетова, Давыдов, Савина, Комиссаржевская... Как эта манера игры свойственна именно русскому актеру!

Вспоминается один примечательный случай. В Париже мы показывали «Оптимистическую трагедию», и после спектакля довольно пожилой человек задал мне вопрос: «Сколько же живут русские артисты?» «Но почему вы об этом спрашиваете?» — удивился я. «Я состоятельный человек и объездил почти весь мир, видел множество разных актеров, но никогда не наблюдал такого самосжигания, которое демонстрируете вы, русские. Вы должны рано умирать...»

Этот иностранец уловил главное.

Судьба подарила мне много счастливых моментов: студентом я играл еще рядом с Юрьевым. Позже, став артистом, я имел честь быть партнером Симонова, Черкасова, этих удивительных артистов современности. От Черкасова я взял себе за правило: чтобы сыграть хорошо положительного героя, надо хоть чуточку дотянуться до него! Вот почему Черкасов мог плакать на сцене своими слезами, гневаться, если на сцене обижали слабого; он заводился с полоборота! Уже перед кончиной, тяжело больной, он играл спектакль. Я пришел к нему с бумагой: пожилая актриса просила устроить ее в Дом ветеранов сцены. Черкасов сидел усталый, задыхающийся. Меня прогнал: видеть тебя не хочу! Я ушел. А после спектакля вдруг слышу по радио: "Где Горбачев? Горбачева к Черкасову». Вернулся. Он мне: «Ну, что же ты, где твоя бумага?» Весь спектакль он помнил, что к нему обратился человек с просьбой. И подписал... Много он сделал добра людям...

Играл я и со Скоробогатовым, с Меркурьевым. Последнюю свою роль Меркурьев сделал в поставленном мной спектакле, но, главное, он был моим партнером!.. Вот о ком надо писать, а не о сиюминутных сенсациях мальчиков и девочек. Они еще двух слов не сказали, а их опусы уже объявляются «школой», даже направлением в искусстве. А о Меркурьеве не знают, что этот великолепный комик в конце жизни стал подлинным трагиком. Я ви-

СТВОМ ЗРИТЕЛЕМ

дел его гениальную репетицию «Рембрандта»; как жаль, что актер умер, так и не сыграв эту роль.

Сегодняшнему дню нужны «старики». Недавно «Литературная газета» писала в статье Крымовой, что пока мы мечемся и разбираемся в модных театральных тенденциях, великие артисты, такие, как Ильинский, Плятт, были забыты, и история зло отомстила за это: мы пропустили долгие годы, не уделяя должного внимания этим большим артистам. А сейчас, когда мы смотрим на них, то понимаем, что именно они-то и являются носителями трудного и не всегда понятного слова — современность.

Надо знать, как умели играть старики — безошибочно находили главное, поднимаясь от психологии до философии. И это умение всегда было свойственно корифеям Александринского — Пушкинского театра. Вот почему мы сейчас наконец-то опомнились и набрали в этом году курс, который будет учиться в стенах театра, чтобы усвоить традиции таких актеров, как Борисов, Адашевский, Фрейндлих, Соколов, Ефимова, Колосов, чтобы понесли молодые в мир эту большую правду великого искусства. Потому что мало лишь уметь простенько и со вкусом «воспроизвести» себя, вызвать жалкие, дешевые слезы, быть достоверным, забывая главное,— нужно быть на сцене прежде всего гражданином, борцом!

Кто-то назвал нас «реставраторами». Что ж, если говорить о сохранении лучших традиций, то мы реставраторы. Будем ими и впредь. А иногда нас именуют «академиками», вкладывая в это слово отрицательный смысл. Но это же неверно! Мы не музей! Мы строим новое, но такое новое, которое на пустом месте не возникает. Наш спектакль «Пока бьется сердце» не мог бы появиться без прочно заложенного фундамента, без истоков, без корней, без традиций прошлого. Ведь спектакль отличается остросовременной режиссерской концепцией и сценографией, актеры играют с точным ощущением сегодняшнего дня. То же самое можно сказать и о таких спектаклях, как «Дети солнца», «Мелодия для павлина», «Элегия», «Иванов», «Ивушка неплакучая» и других. Основа у них — правда жизни и громко заявленная активная гражданская позиция. И несут это все наши ведущие мастера сцены.

Есть у нас и пленительная молодежь — красивая, умная, заряженная неиссякаемым оптимизмом. Каждый год мы принимаем юных артистов в труппу. Зрители уже полюбили Панину, Калмыкову, Ларину, Паршина, Долгинина, Бурова. Только что удачно дебютировала выпускница ГИТИСа Ольга Хитрук. Я очень в них верю. Но поросль проросла для того, чтобы играть. А играть им негде! Мы ведь взрослый театр: мы не можем ставить молодежные пьесы, а если и можем, то раз в два сезона. Но все равно всем ролей не хватает, и перебиваются молодые в массовках да на эпизодах. Актера же делают роли. Только роли! Я даже иногда нарочно «заболевал», чтобы молодые играли: давал им возможность сыграть Экзюпери, Устименко, Бенедикта, Костю... Но ведь это не выход из положения. Отсюда задача: создание молодежной сцены. Жизненно необходима молодежная сцена и для студентов только что набранного курса. В Ленинграде должен появиться такой театр, вместимостью примерно на 250 человек. Проект готов, но дело тянется уже второй год. Значит, поколение, для которого мы это придумали, играть уже не будет. И пока ходим по инстанциям, мы теряем еще одно актерское поколение!

Наверное, вы заметили, что, даже придя к вам, я воюю? Потому что трудности у нас большие. Вот набрали мы курс, а материальные возможности очень ограниченны. Не хватает репетиционных помещений; мы выпускаем внеплановые спектакли силами молодых и лихорадочно ищем площадки, чтобы их показать. То есть малая сцена нам нужна, как воздух!

В последнее время я много думаю о театральном образовании. Плохо оно у нас поставлено! Я не раз говорил об этом и даже писал. Мы поздно начинаем учить артиста. Поздно! Когда-то я играл Хлестакова в «Ревизоре». Это был отличный спектакль. Но разве там были какие-нибудь особые открытия? Не было. Весь эффект заключался в том, что Хлестакову было 23 года и Горбачеву было 23 года... Это очень сложная роль. И не случайно все знаменитым Хлестаковым в России было за сорок, и всегда они были лишены обаяния молодости. А я получал удовольствие на сцене: мне было удивительно радостно жить, потому что я «умел» быть Хлестаковым. Видите, как нужна ранняя профессионализация!

Я думаю, назрела необходимость реформы профессионального образования в театре. Мы должны набирать мальчиков и девочек уже в 13—14 лет и учить их актерскому мастерству. А когда они получат аттестат зрелости, они будут уметь делать все то, что умеет выпускник театрального института. Сейчас актрисе в тридцать лет дают играть Джульетту. А я думаю: какая же ты, матушка, Джульетта,— тебе кормилицу пора играть! А если мы будем иметь актерски подготовленную молодежь 16—17 лет, тогда в институт их принимать надо не на четыре, а может быть, на два-три года, заниматься там с ними глубинными вещами, не арифметикой, а алгеброй в искусстве. На Западе это уже практикуется, но там можно играть без диплома. А у нас без таланта можно, а без диплома нельзя.

Много я говорю сегодня о молодых актерах. Но проблемы молодой режиссуры тоже очень меня беспокоят. Наш театр дает сегодня «зеленую улицу» начинающим режиссерам. Дипломный спектакль «Моя любовь Электра» поставил в минувшем сезоне В. Рубанов, ученик профессора А. Музиля. Поставил первую пьесу В. Белова «Над светлой водой» молодой режиссер В. Кириллов. Сейчас над спектаклем «Живи и помни» В. Распутина работает Илюхин. Так что часто приклеиваемый нам ярлык «актерский театр» попросту несостоятелен. У нас действительно всегда были лучшие актеры России, но и режиссуру представляли самые яркие имена! Разве не на этой сцене Мейерхольд поставил свой «Маскарад»? Разве не у нас увидела свет рампы «Оптимистическая трагедия», созданная Товстоноговым и удостоенная Ленинской премии? Разве не в Пушкинском театре созданы все лучшие спектакли Вивьена, Кожича?

Но наша режиссура особая. Она всегда мужественно «умирает» в актере. Вот такую режиссуру мы всегда исповедовали и культивировали. Никогда у нас «господин режиссер» не творил сам по себе, потому-то мы и, правда, актерский театр. Да и всегда самые яркие победы русского театра связаны с той режиссурой, которая первым делом считает глубинное исследование жизни человеческого духа. А формалисты, выдумщики, у которых и концепции новомодные и классика переделана так, что просто не знаешь, что же на сцене творится, это не режиссура, это просто хулиганство. Мы — в поисках режиссуры, не рассчитанной на внешние эффекты, но яркой и острой, глубинной, которая вся «работает» на актера, всё передает ему, чтобы зрители увидели на сцене мощный образ, узнаваемый характер человека и общества. А ведь всякий спектакль — это обязательно модель общества, сегодняшнего или вчерашнего. В связи с этим скажу несколько слов об «Иванове»... В театрах вдруг появилась целая серия «Ивановых» (я, правда, не видел московских «Ивановых») — спектаклей, бичующих русского либерала: и болтун-то он, и сукин сын, и мещанин. Словно забыли, что русский либерал — прежде всего честнейший человек, своими страданиями подготовивший возможность будущих активных действий. Один критик в своей статье даже сравнивает Иванова с... Зиловым из «Утиной охоты»! Лихо расправился с чеховским героем и критик Смелянский, сделав из Иванова просто подонка, тогда как Иванов — человек удивительный, действительно «русский Гамлет», который уже не может жить по тем нравственным законам, которые предлагает ему общество, и казнит себя... Русскому интеллигенту всегда была присуща совестливость, поэтому он мучается в поисках выхода и находит в себе мужество уйти из жизни... Такая роль создается годами, а то и десятилетиями. Потому что трагедия героя — национальная трагедия, трагедия гибели порядочного человека.

Конечно, такие «вечные» проблемы, которые ставит классика, нелегко бывает разыскать в драматургии наших дней. Тем пристальнее театр вглядывается в современные пьесы. И это, кстати, тоже наша давняя традиция. Вспомним, что почти полтора века назад на Александринской сцене дебютировал драматург. Тогда он не был классиком, он был молодым современным писателем, который с волнением нес свою пьесу в театр. А теперь автора «Ревизора» знает весь мир. Но обратимся далее к временам не столь далеким. В конце 20-х годов наш театр заслужил славу «лаборатории советской пьесы». С афиш не сходили имена Ромашова, Киршона, Вс. Иванова, Яновского. Именно у нас родился такой замечательный драматург, как Афиногенов.

И сегодня мы смело строим нашу репертуарную политику: Леонов, Арбузов, Алексеев, Распутин, Белов и другие. Впереди — Дворецкий, Астафьев...

Репертуар, как известно,— лицо театра. Все зависит от драматургии. К сожалению, бывает так, что пишут вроде бы о жизни, но мелко пишут, бытоподобно. И никуда из такой пьесы не выпрыгнешь, не выйдешь на орбиту больших гражданских проблем. Да еще все это бывает усугублено режиссерской тенденцией, которая с удовольствием купается во фрондерстве и существует с кукишем в кармане по отношению к советской действительности. Ущербная пьеса с ущербной режиссерской концепцией порождает и ущербную актерскую игру. И получается удивительное произведение, в котором все вроде бы похоже на жизнь, но все неправда.

Пушкинский театр смотрит на жизнь с чувством исторического оптимизма. Потому-то на нашей сцене родятся спектакли, поднимающие глобальные проблемы, герои которых личности крупные, вобравшие в себя лучшие черты народа. Сегодня борьба за коммунизм, как мне кажется, это прежде всего борьба в области нравственных устоев. Вот тут-то и надо давать бой, а не кричать, что, мол, все кругом плохо. Да, есть, конечно, еще много людей, мешающих нам жить. Однако я вижу на главных рубежах жизни совсем другие, интереснейшие человеческие типы. Я знаком, например, с генеральным директором Атоммаша Валерием Григорьевичем Першиным. Он человек новой формации, с юмором, умница, весельчак, а в то же время поразительно твердый руководитель. Знаю и токаря-карусельщика объединения «Звезда» Евгения Александровича Артемьева. Я этих людей знаю, часто встречаю и думаю, что надо верить в рождающегося на наших глазах нового человека. Наш театр всегда в поиске положительного героя, поэтому зрители не уходят со спектаклей с ощущением неверия в жизнь. Я играл Платова в «Друзьях и годах» Зорина. Там шестеро друзей, все погибают, остается лишь он один. Но какая же у него вера в жизнь! Я с наслаждением играл эту роль,

зная: мы выдержали войну потому, что были и есть коммунисты Платовы...

Я думаю, вы согласитесь, что такой неустанный поиск в области современной драматургии, равно как и развитие наших лучших традиций в классике, наше постоянное внимание к делу воспитания молодой смены, представляют собой огромный непрекращающийся труд целого коллектива. А труд требует к себе уважения. Но однажды, раскрыв газету, я прочел небольшую статью тогo же критика Смелянского, где о нашем спектакле «Дети солнца» походя сказано, что там, дескать, артисты не играют, а только ходят по сцене, носят костюмы, сморкаются и говорят слова. А я и мои товарищи полгода репетировали, бились над каждой репликой. Много пота и крови стоил нам всем этот спектакль. Кто дал право высокомерным людям типа Смелянского так небрежно судить наш труд! Я допускаю, что автору статьи наша работа могла не понравиться, но в любом случае критика должна быть доказательной, доброжелательной и объективной. Только так можно нам по-настоящему помочь!

Членами нашего художественного совета много лет являются труженики объединения «Электросила». Если бы вы слышали, как умно, заинтересованно обсуждают они спектакли. В их словах в наш адрес чувствуется и строгая взыскательность и горячее желание поддержать новую работу театра. Хорошо бы ощутить все это в рецензиях профессиональных ленинградских критиков, на глазах которых театр живет своей сложной, напряженной жизнью.

В большом долгу перед Пушкинским театром и театроведы-историки. Ведь накануне такого юбилея мы не располагаем серьезными научными исследованиями, объективно освещающими огромный путь, пройденный театром за 225 лет. А на сегодняшний день есть всего-навсего лишь статьи, касающиеся отдельных моментов истории театра. Ведь давно уже назрела необходимость в создании объемного труда, который бы со строгой аргументированностью, по-партийному отразил все этапы этого уникального коллектива. Я думаю, что сегодня задача умных и объективных критиков состоит в том, чтобы проникнуться моими тревогами и воздать наконец должное старейшему национальному театру. По существу, отмечая юбилей Пушкинского театра, Россия отметит рождение русской сцены...

...Каждый вечер поднимается наш занавес. Актеры кладут грим, надевают костюмы и в меру отпущенного им таланта бросаются на борьбу со всем, что мешает нам жить, обязательно при этом утверждая положительное начало нашей действительности...

Среди моих наград одна мне особенно дорога. Это звание лауреата Государственной премии РСФСР имени К. С. Станиславского. Оно присуждено мне за создание образа нашего современника на сцене Пушкинского театра. Я рассматриваю эту награду как награду всему театру за его поиски, за его богатые традиции, с которыми мы живем и которые сегодня так нуждаются в поддержке.

...Я хотел бы, чтобы вы знали: Пушкинский театр — это могучий живой организм, который строится, идет в ногу с сегодняшним днем и пытается говорить о современности горячо, взволнованно и современно.

АТАКА ШАХМАТНОЙ ГВ

Олег СКУРАТОВ

Нынешняя осень — поистине золотая для любителей шахмат. Сентябрь начался репортажами с черноморского берега: там брал разбег Сочинский международный турнир. Интересные вести шли и из далекого Сан-Хуана, где заседал юбилейный (50-й) конгресс ФИДЕ. И, наконец, почти одновременно финишировал Всесоюзный отборочный турнир, определивший последних участников очередного чемпионата страны. Но даже столь значительные события сразу же отошли на второй план, как только начался Рижский межзональный...

И это естественно. За год, отделивший нас от памятного матча в Багио, мы уже начали скучать по борьбе за шахматную корону. Но вот грянул бой. 5 сентября в Риге и 23-го в Рио-де-Жанейро стартовали долгожданные турниры. Начался важный и увлекательный этап мирового первенства.

Шесть из тридцати восьми! Нет, эта фраза никакого отношения к спортлото не имеет. Она лишь отражает остроту борьбы за шесть еще свободных мест в предстоящих состязаниях претендентов. Суровый отбор! Даже любителям прогнозов нелегко зачеркнуть тридцать две фамилии в списках участников межзональных турниров, где собран практически весь «высший шахматный свет».

Назовем основных соискателей. В Риге — это советские гроссмейстеры М. Таль, Л. Полугаевский, Б. Ларсен (Дания), З. Рибли (Венгрия), Ф. Георгиу (Румыния).

В Рио не менее блистательные имена. К бесспорным фаворитам там следует отнести Т. Петросяна, Ю. Балашова, Р. Ваганяна (все — СССР), Э. Мекинга (Бразилия), А. Портиша (Венгрия), В. Смейкала (Чехословакия) и Г. Тиммана (Голландия).

Какой же турнир сильнее? На этот счет много противоречивых, но одинаково субъективных мнений.

С недавнего времени такие споры поутихли. Введенный ФИДЕ по предложению профессора Эло «рейтинг-лист» с математической точностью определил сравнительную силу шахматистов. Рейтинг стал своеобразной визитной карточкой каждого гроссмейстера или мастера, фиксирующей все его взлеты и падения. К примеру, талантливый, но неровно играющий Олег Романишин, выступивший в последнем чемпионате СССР с оценкой 2630 очков, привез в Ригу более скромный рейтинг — 2560...

Специальная комиссия ФИДЕ, комплектуя межзональные турниры, тщательно следила за тем, чтобы сумма «магических» цифр была равной. В этом комиссия преуспела, но... «суммы равны, слагаемые разные»,— сказал както Михаил Таль о межзональных турнирах. Что он имел в виду? Вероятно, разницу в стилях игры, различие характеров. У каждого шахматного бойца свой почерк, и потому есть удобные и неудобные партнеры. И нередко случается, что, взглянув на таблицу турнира, в котором предстоит играть, шахматист (даже с самым высоким рейтингом) восклицает с огорчением: «Какой сильный состав! Разве здесь займешь призовое место?»

Но в этом и привлекательность шахмат, да и спорта вообще. Иначе «бухгалтерия», изобретенная профессором Эло, могла бы отобрать 6 из 38 в считанные секунды... К счастью, тайна конечного результата зависит не только от цифрового показателя класса и практической силы, но и таких компонентов, как волевой настрой, мужество и решительность. И потому мы затаив дыхание следим за борьбой мастеров и гроссмейстеров в межзональных турнирах.

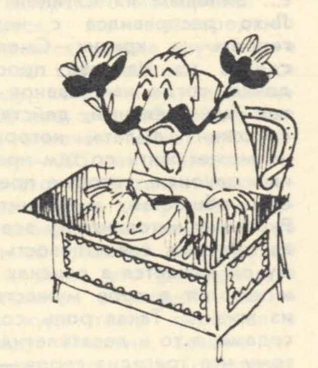
Кстати, гроссмейстеров там подавляющее большинство. Если в нынешнем (13-м) межзональном соревновании выступают около тридцати представителей высшего шахматного звания, то в первом подобном турнире (Сальтшобаден, 1948 г.) это звание носило лишь шесть участников. Явная девальвация... Заметим, что в последнее время множатся международные турниры с гроссмейстерской нормой. В результате только в прошлом году число «гроссов» возросло на два десятка. Рядовому любителю всех и не упомнить.

Что и говорить, ореол звания начал тускнеть. В этой связи хотелось бы остановиться на некоторых решениях последнего конгресса ФИДЕ, который проводил новый президент — Фридерик Олафссон (Исландия). От нашей страны в работе конгресса участвовали чемпион мира Анатолий Карпов, президент Шахматной федерации СССР В. Севастьянов, Ю. Авербах, директор Центрального шахматного клуба В. Батуринский.

Важным представляется такое нововведение. Чтобы получить звание гроссмейстера, надо дважды выполнить норматив, который соответствует рейтингу 2600. Решительно будет вестись борьба с уступкой решающих очков (а такие факты еще встречаются). Теперь подобные нарушения спортивной этики будут караться лишением звания. Конгресс обсуждал и регламент матчей на первенство мира. Были приняты пожелания нашей делегации оставить основные условия прежними — играть до шести побед без ограничения числа партий. Учтен и печальный опыт работы апелляционного жюри в Багио... Дело в том, что тогда жюри оказалось перегруженным разбором бесчисленных протестов и жалоб, поступающих из «штаба» претендента, и члены жюри (а их было семь человек) зачастую оказывались в тупике перед натиском необоснованных претензий. Теперь будет иначе. В документах кон-

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ

Кровь из носу

Спустил «Сизифтяжкамень» местной своей конторе дурацкое распоряжение.

Вызвал начальник конторы главного инженера и сказал:

— Нам спустили дурацкое распоряжение — понять его невозможно, но выполнить надо. Кровь из носу!

Вызвал главный инженер начальника цеха и сказал:

— Нам спустили дурацкое распоряжение — понять его невозможно, но выполнить надо. Кровь из носу!

Вызвал начальник цеха мастера участка и сказал:

— Нам спустили дурацкое распоряжение — понять его невозможно, но выполнить надо. Кровь из носу!

Вызвал мастер участка самого решительного рядового каменщика и сказал:

— Нам спустили дурацкое распоряжение — понять его невозможно, но выполнить надо. Кровь из носу!

Но решительный каменщик не стал выполнять дурацкое распоряжение. Он поехал в «Сизифтяжкамень» и сказал:

— Кто спустил нам дурацкое распоряжение?

— Ну, я,— сказал управляющий «Сизифтяжкамнем».— Так что, выполнили?

Тут решительный каменщик щелк управляющего по носу. И расцвели у того на пышных усах два алых мака.

— Это что еще такое?— вскричал управляющий, увидев отражение алых маков в зеркальной поверхности своего стола.

— Кровь из носу,— сказал решительный каменщик.— Как приказали!

С тех пор «Сизифтяжкамень» не спускает своим местным конторам дурацких распоряжений.

Очень это важно — вовремя щелкнуть по носу того, кого следует. Но для этого должен найтись хоть один решительный человек.

АРДИИ

гресса записано: «Президент ФИДЕ лично отвечает за матч на первенство мира». Апелляционное жюри (отныне — три человека) назначает тоже президент. Он же может наложить «вето» на любое решение жюри.

Читатель вправе задать вопрос: а каков он, новый президент? Попробуем коротко ответить. Гроссмейстеру Фридерику Олафссону 44 года, он юрист по образованию. Победитель ряда международных турниров. В 1958 году в числе призеров межзонального турнира стал претендентом на мировое первенство. Одной из главных задач ФИДЕ Олафссон считает помощь развивающимся странам в подъеме шахматного движения и ведет большую работу в этом направлении. Он и теперь продолжает выступать в турнирах, и таким образом шахматный мир получил не только играющего чемпиона, но и играющего президента...

Заканчивая разговор о конгрессе, добавим, что на повестке дня стояли не только организационные вопросы, но и творческие. По инициативе советской делегации было обсуждено, а затем принято решение учредить специальные награды за выдающиеся творческие достижения. Медалью В. Стейница будет отмечена партия с наиболее четко проведенным стратегическим планом, за остроумную защиту шахматистов ждет медаль Эм. Ласкера, за точно и тонко проведенный эндшпиль — медаль Х. Р. Капабланки и, наконец, за красивейшую атаку будет вручаться медаль с именем А. Алехина. Партии, поступившие на конкурс ФИДЕ, рассмотрит компетентное жюри. Это решение было объявлено главным арбитром межзонального турнира в Риге М. Филиппом. Прозвучало оно как призыв к полнокровной и творческой игре.

Впрочем, «межзональщиков» убеждать в этом необходимости нет. Редкий гость здесь — короткая, бессодержательная ничья. Для того, чтобы войти в заветную тройку, надо играть вовсю! Правда, не у каждого участника столь решительные цели. Если Таль, Ларсен или Полугаевский хотят сразиться в претендентских матчах, то шахматисты с рейтингом в районе двух тысяч пятисот очков стремятся занять приличное место в средней части таблицы. Но и это сделать совсем не просто. Получив одну-две пробоины во встречах с фаворитами, «середнячки» ищут любую возможность вернуть утраченное. Они обрушиваются на заведомых аутсайдеров и начинают «братоубийственную» войну между собой...

Ну, а куда отступать тому, кого богиня Каисса совсем обделила единицами и половинками? Такой неудачник становится опасен даже лидерам. Как боксер, безнадежно проигрывающий по очкам, он стремится к победе в ближнем бою. И бывает, у самого именитого соперника в этой ситуации сдают нервы.

Уже второй тур рижского турнира (восемь результативных партий) подтвердил старую истину: скучных межзональных не бывает! Роскошную партию в стиле «раннего Таля» выиграл в этом туре Михаил Таль у Льва Полугаевского. Все здесь было — и неожиданные, вызывающие аплодисменты зала тактические удары, и стремительная атака на короля, и, наконец, жертва ферзя. В один момент чуть не все фигуры рижанина находились под боем, но именно тогда его соперник остановил часы...

Лучший барометр турнирной погоды — шахматный болельщик. В эти сентябрьские вечера настоящую осаду переживает рижский Художественный театр имени Я. Райниса. Задолго до начала тура счастливцы занимают места в зале, но тех, кому не достался билет, еще больше. Огромная очередь стоит к окошку администратора, и нередко слышится: «Понимаете, я приехал из Красноярска, специально взял отпуск, дайте хоть контрамарку...» И никак не убедить такого болельщика. что его место в Майори или в Булдури, а не в переполненном зале.

Не правда ли, загадочно стремление пять часов кряду смотреть за игрой в шахматы? Это ведь не балет, не опера, не хоккей, наконец. Здесь почти все статично — и партнеры и шахматная доска. Тишина на сцене. Даже часы на столиках стучат так, что рядом не слышно.

И все-таки для истинного поклонника шахматная игра — захватывающее зрелище! В застывших на доске фигурах он видит полное страсти действие. Видит движение мысли, напряженную борьбу идей, художественный замысел. Не менее важен и эффект присутствия. Одно дело разыграть напечатанную в газете партию, но совсем другое — следить самому за поединком гроссмейстеров, соизмерять свои шахматные планы с ходом игры.

Болельщики «со стажем» не вглядываются в таблички, прикрепленные к турнирным столикам,— они с первого взгляда узнают большинство участников. Отлично знают они и судью Мирослава Филиппа, который не только международный арбитр, но и международный гроссмейстер. Четыре раза он выступал в межзональных турнирах и дважды становился претендентом. И среди участников — ветеранов немало. Три раза выходил на старт межзонального Лев Полугаевский, пять раз — Михаил Таль. Но и это не рекорд. Седьмую попытку стать претендентом (четыре завершились успехом) делает датский гроссмейстер Бент Ларсен...

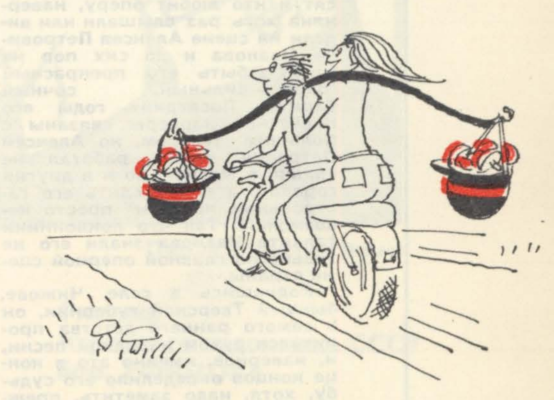
Конечно, есть в турнире и дебютанты — гроссмейстеры А. Адорьян, Д. Тарджан и все международные мастера,— но надо отметить, что не они задают тон в рижском турнире. И не видно, увы, кто из молодых гроссмейстеров всерьез готов стать претендентом. Смена явно запаздывает. И становится очевидным, что в предстоящих весною матчах, так же, как и три года назад, не менее семи мест из восьми достанется «старой шахматной гвардии».

Впрочем, не будем спешить с прогнозом. Еще немного — и имена победителей двух межзональных турниров станут известны. И будем надеяться, что финиш этой титанической борьбы нежданно выдвинет в число претендентов новое, ярко сверкнувшее шахматное имя. Это всегда интересно, в этом одна из самых притягательных сторон спорта.

Но и тогда волнения поклонников древней игры не пойдут на убыль... Наоборот, с особой остротой встанут вопросы: а кто победит в матчах претендентов? Кто бросит вызов чемпиону мира?

Переусердствовал.

— Я вчера вот такой нашел!

— Вот и шлемы пригодились.

...По привычке.

Механизировал.

Рисунки Ю. Черепанова

Владимир СВИРИДОВ

Мечта

Его стремительный взор выхватил из огромной пестрой толпы курортников стройную, ладненькую фигурку, затянутую в фирменные джинсы «Супер райфл». Высокая, с длинными ногами девушка, как горная лань охотника, уводила за собой Мамкина, совершенно обалдевшего от такой неожиданной встречи. То, что он увидел, было пределом его мечтаний.

Лихорадочно шевеля имеющимися в наличии извилинами, Мамкин обдумывал план действий.

В том, что к девушке нужен особый подход, он не сомневался ни секунды. Он прокручивал в голове все возможные варианты способов знакомств и тут же их забраковывал — к такой просто не подъедешь.

Девушка села в автобус. Мамкин прыгнул вслед. Какой-то активный юнец шустро прошмыгнул к ней сквозь плотную массу пассажиров. Он уже пытался заговорить с девушкой, энергично размахивал руками, как вдруг заметил приподнятую бровь возмущенного его поведением Мамкина и поспешил скрыться.

«Может, с Шекспира разговор начать,— подумал Мамкин.— Для солидности. Или поговорить о репертуаре миланской оперы». Он не знал, как лучше поступить, он просто не узнавал себя! Он нежно смотрел на нее зелеными глазами. Смотрел и ласково, и чуть смущенно, и с вожделением.

Девушка вышла из автобуса. Он пошел следом. Она уже заметила за собой «хвост» и, как показалось Мамкину, слегка улыбнулась. Он приободрился. Но решил все же в таком деликатном вопросе не торопиться. Вдруг она не захочет с ним даже разговаривать? Тогда все пропало. От этой мысли Мамкину стало не по себе.

Заметив, что девушка подошла к дому и собирается войти во двор, он забыл про всю дипломатию и закричал:

— Эй!

«К черту,— подумал он,— миланскую оперу и сенегальский балет. Уходит».

— Постой!

Девушка остановилась.

— Послушай,— Мамкин возбужденно дышал.— Мне надо с тобой поговорить.

Девушка пожала плечами.

— Клянусь папой, это со мной впервые,— начал он.— Я встретил то, о чем мечтал много лет. Полжизни. Вы для меня...

— Я замужем, молодой человек!

— Ну и что?! — воскликнул Мамкин.— Какая разница? Умоляю вас, я на колени стану.

— Да вы что, сумасшедший? — возмутилась девушка.— Что вам от меня нужно? Убирайтесь отсюда!

— Джинсы. Джинсы мне надо! — тихо сказал Мамкин.— Продай, пожалуйста!

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

Те, кому сегодня за пятьдесят и кто любит оперу, наверняка хоть раз слышали или видели на сцене Алексея Петровича Иванова и до сих пор не могут забыть его прекрасный голос — сильный, сочный баритон. Последние годы его певческой карьеры связаны с Большим театром, но Алексей Петрович много работал не только в Москве, но и в других городах, а перечислить его гастрольные поездки просто невозможно. Так что поклонники таланта Иванова знали его не только по главной оперной сцене страны.

Родившись в селе Чижове, бывшей Тверской губернии, он с самого раннего детства пропитался духом народной песни, и, наверное, именно это в конце концов определило его судьбу, хотя, надо заметить, прежде чем поступить в 1928 году в Ленинградскую консерваторию, Алексей Петрович был и хлеборобом, и сыроваром, и учителем математики.

А первым его учителем в консерватории стал выдающийся певец Г. А. Боссэ. Затем были такие корифеи, как И. В. Ершов, М. Г. Климов. Жизнь в искусстве сводила Алексея Петровича с С. С. Прокофьевым, К. С. Станиславским, В. Э. Мейерхольдом. Ему посчастливилось выступать в одних спектаклях и концертах с лучшими из лучших мастеров советской оперы. Он пел в спектаклях, которыми дирижировали Голованов, Мелик-Пашаев, Небольсин.

А сколько партий было в репертуаре Иванова — и каких разных! Рубинштейновский Демон и Бес в «Черевичках», Никита Курлятев в «Чародейке» и Амонасро в «Аиде», Шакловитый в «Хованщине» и Эскамильо в «Кармен». В общем, всего не назовешь, но особо надо отметить две партии, исполнявшиеся Ивановым в произведениях советских композиторов, — Комиссар в опере Дм. Кабалевского «В огне» и Рылеев в «Декабристах» Ю. Шапорина.

Алексей Петрович исколесил с концертами буквально всю страну. Приходилось ему бывать и за рубежом, и не раз он выступал в роли члена жюри международных конкурсов молодых певцов...

С полным основанием можно утверждать, что артистическая судьба Алексея Петровича Иванова сложилась удачно, однако всякий человек, мало-мальски знакомый с театром, знает, какой неимоверный труд необходим, какая любовь к своему делу и самоотверженность, заставляющая отказываться от многого такого, что позволяют себе люди других профессий,— словом, сколь бесконечно должен актер быть предан искусству, чтобы возвыситься над средним уровнем и подняться до вершин подлинного вдохновения.

Алексей Петрович своим трудом и талантом достиг этого, он стал народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии, и в эти дни своего 75-летнего юбилея он имеет право с гордостью оглянуться на полувековой путь, пройденный в большом искусстве.

О. ШМЕЛЕВ

ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ

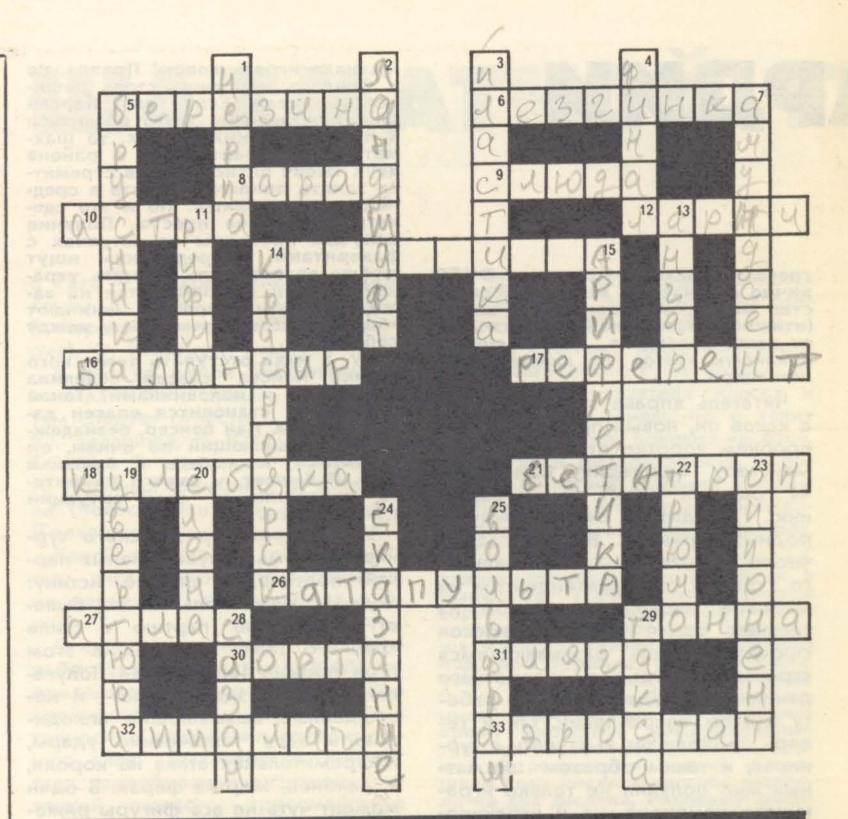

На западе Белоруссии, неподалеку от городка Мир, вот уже почти пять веков стоит замок-крепость. Начало его строительства было положено еще в XVI веке; с тех пор он стойко нес свою службу. В XVII и начале XVIII века дважды выдерживал осады шведов. В отечественную войну 1812 года под стенами Мирской крепости столкнулись в жестоком бою кавалерии генерала Платова и маршала Даву.

Замок пережил многих хозяев: им владели литовские князья Иллиничи, графы и князья Радзивиллы, Гогенлоэ, Берлебурги, Витгенштейны. А с 1939 года наконец принадлежит народу... Он стоит на берегу тихой речки Миранки, его окружает неприкосновенное пространство тишины. Многое испытавшие стены создают настроение трагичности и одновременно покоя.

В настоящее время Мирский замок, выдающийся памятник архитектуры, реставрируется. Уже проделана огромная кропотливая работа по восстановлению разрушенных башен и стен.

Е. ГОРИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Приток Днепра. 6. Танец народов Кавказа. 8. Торжественный смотр войск, спортсменов. 9. Прозрачный слоистый минерал. 10. Цветок. 12. Финский писатель и журналист. 14. Курорт в Краснодарском крае. 16. Регулятор в часовом механизме, заменяющий маятник. 17. Консультант и докладчик по определенным вопросам. 18. Пирог. 21. Ускоритель заряженных частиц. 26. Механизм для ускорения старта самолета. 27. Собрание географических карт. 29. Мера веса. 30. Главная артерия. 31. Плоская бутылка. 32. Горная система в Северной Америке. 33. Воздушный шар.

По вертикали: 1. Ластоногое животное. 2. Общий вид местности, пейзаж. 3. Искусство ритмических движений в танце, гимнастике. 4. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 5. Северная ягода. 7. Норвежский полярный исследователь. 11. Созвучное окончание стихотворных строк. 13. Стихотворение А. С. Пушкина. 14. Краевой центр в РСФСР. 15. Часть математики. 19. Музыкальное вступление к опере, балету. 20. Действующее лицо оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы». 22. Большое высокое зеркало. 23. Специалист, участвующий в обсуждении диссертации. 24. Один из жанров древнерусской литературы. 25. Химический элемент, металл. 28. Рыба семейства карповых. 29. Охотничья собака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 4. «Ревизор». 9. Кантеле. 10. Опахало. 11. Существительное. 12. Аристарх. 16. Кавасаки. 19. Копытень. 23. Аквариум. 28. Экспериментатор. 29. Карелин. 30. Траверз. 31. «Паровоз».

По вертикали: 1. Селектор. 2. Титания. 3. Фонотека. 5. Ингури. 6. Цемент. 7. «Галька». 8. Панова. 13. Рубо. 14. Сумы. 15. Хорь. 16. Куба. 17. «Спор». 18. Киву. 20. Пекари. 21. Тополь. 22. Нарынтау. 24. Кенотрон. 25. Анабас. 26. Икорец. 27. Смыслов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник Николаю Островскому в Шепетовке. Скульптор В. И. Зноба (см. в номере материал «Для этого нужна братва отважная...»).

Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мирский замок. Рисунок Е. Гориной (см. в номере материал «Памятник архитектуры»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 10.09.79. Подписано к печати 25.09.79. А 00721. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2298. Заказ № 1173.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Лондонская косметика.

Палач с претензиями

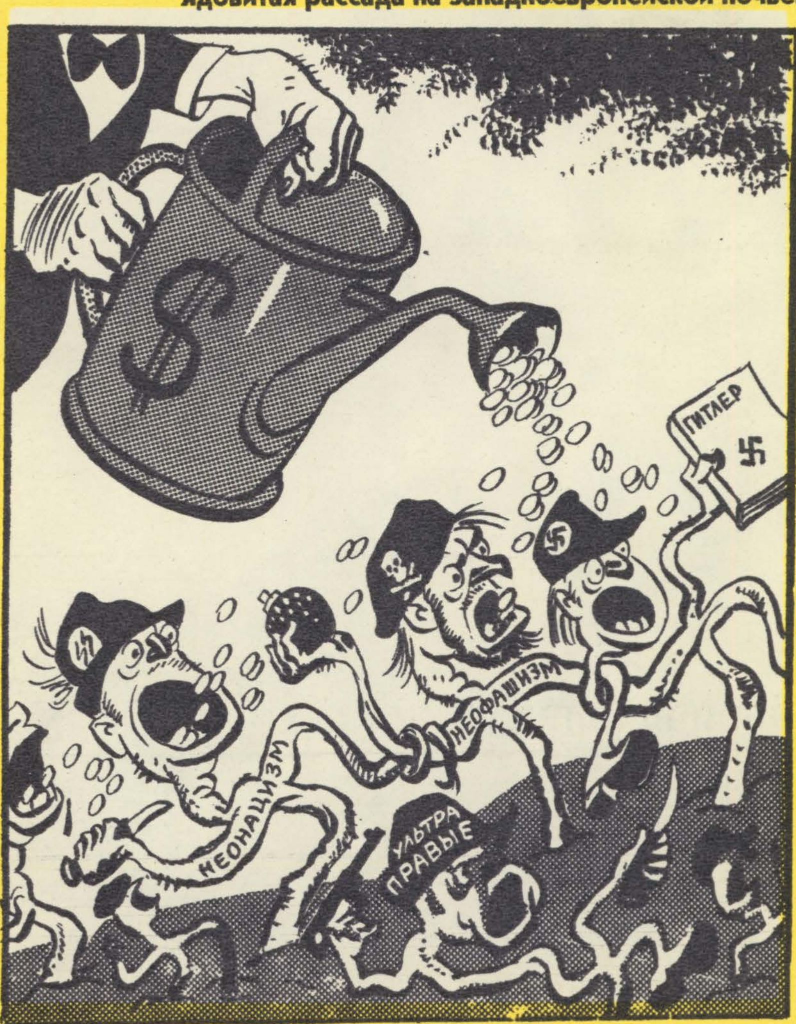
МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки
народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Следы британского «прямого управления».

Ядовитая рассада на западноевропейской почве.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

